

В номере:

Приветственное письмо Союза писателей России..... 3

Статья редактора

Георгий Каюров. Делать журнал вместе с читателями..... 4

Полемика

*Борис Мариан. Кто плюет в национальный колодец, или Клеветники
под маской патриотов.....* 6

Критика и рецензии

П. Богданович. Характер и значение поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина..... 9

Проза

Георгий Каюров. Экзамен 10
Виновники от бога..... 19

Гость номера

*Александр Торопцев. Михалыч (Три отца, две матери прораба Михалыча
и его же свиноматка на десять кило).....* 21

Лаб-рия сатиры

Юрий Харламов. Пародии на поэтов Молдовы..... 37

Гении и судьбы

Елена Шатохина. Отрывки из книги «Дали и Гала»..... 43

Поэмы

Ион Друцэ. Вечный пахарь..... 52
Николай Костыркин. Рифмач..... 58

Поэзия

Александр Милях 73
Борис Мариан..... 76
Виктор Сундеев..... 81
Константин Старыш..... 84
Сибирь..... 88
Зося Гурская..... 89

Дебют

Алексей Кравченко..... 95

Сказки в любом возрасте

Елена Волкова..... 97

Памятники зодчества

Наталья Синявская. Начнем с мэрии!..... 104

2

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров.

Редактор-издатель Надежда Тодорова в статье «От редакции» писала:

«Наше поколение должно быть свежо, бодро и здорово, потому что оно может надеяться и верить в лучшую жизнь и обновление в смысле честности, трезвости... На знамени поколения должно быть начертано: Оздоровление. К здоровой, разумной, трезвой и деятельной жизни и будет призывать наш журнал, не признавая партийности, которая ставит рамки, суживает жизнь. Журнал наш будет органом поколения. Он будет как зеркало отражать жизнь, думы и душу поколения».

(Из программного заявления «От редакции»)

Учредитель:

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством Юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор:

Георгий КАЮРОВ

Редакционный совет:

**Б. Мариан, З. Чиркова, В. Силкин, А. Торопцев, В. Сундеев, З. Гурская,
О. Рудягина**

Литературный редактор:

Вера Димитрова

Корректор:

Галина Поддубная

Художник:

Э. Майденберг

Фотограф:

Валерий Корчмарь

Дизайн и вёрстка:

Илья Александров, Светлана Александрова, «IVESA Grup»

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22
nashpokolenie@pisem.net

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Региональная общественная организация
**МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

121069 г.Москва
Ул. Б.Никитская, дом 50А/5,

Факс (495) 690 20 05
Тел: (495) 690 19 89

№ 521-08

22 декабря 2008 г.

«Нашему поколению» – большую жизнь!

Руководство Московской городской организации Союза писателей России желает создателям, авторам, читателям нового литературного журнала «Наше поколение», издаваемого в Молдове на русском языке, хорошего настроения и прекрасных произведений.

Великая русская литература переживает непростое время. Люди в России много читают, но часто книги, которые они держат в руках, не имеют ничего общего с тем, что мы называем литературой. Уже поэтому создание литературного журнала, тем более в стране, где русских людей много, но русский язык не признан языком государственным, является делом очень важным, в том числе и для России.

Мы приветствуем всех писателей Молдовы; мы готовы к творческому сотрудничеству с журналом «Наше поколение»; уверены в том, что на его страницах читатель найдет все то, чем всегда была богата русская литература, что волнует в наши дни людей разных поколений – и в Молдове, и в России, и всюду на земном шаре!

Председатель МГО СП России
профессор В.И. Гусев

Георгий КАЮРОВ

Делать журнал вместе с читателями

Когда как редактор держишь в руках уже готовый номер журнала, то, казалось бы, поздно о чём-то говорить – всё сказано на его страницах. Но когда этот номер первый и хочется верить – начало большого пути – иначе не стоило затевать выпуск литературного издания, – говорить надо! Говорить надо с читателем. Говорить надо с авторами. Одних – приглашая на страницы журнала творить, а других – читать! Именно для последних писатель и работает!

Русское литературное пространство сегодня охватывает практически весь мир. Политические катаклизмы не смогли существенно поколебать социальную значимость русского языка и великой русской литературы. Жизнь показывает, что современная русская литература динамично развивается и имеет транснациональный характер. В Молдове её корни глубоки и с крепкими традициями. Русское слово объединяет нас, и мы должны понимать это. Литературная Молдова традиционно связана с русской литературой. Сын молдавского народа Михаил Херасков, потомок знатного валашского рода бояр Хераско, стал столпом русского классицизма, членом Российской Академии наук, автором поэмы «Россияда». В ряду с Хераско следует помнить и имена Д.Кантемира и Н. Милеску-Спафария, отца и сына А. Хыждеу и Б. Хашдеу, К. Стамати-Чуря и С. Пынзару, молдавских писателей К.Негруцци и К. Стамати, которые переводили русские произведения на молдавский язык.

Надо учитывать, что литературное творчество современного человека стало неотъемлемой частью нашего бытия. Чисто прикладное влияние литературного творчества повышает профессионализм человека в любой ипостаси и укрепляет его положение в наше рыночное время. С помощью литературы, в том числе современной, легче выстроить внутрикорпоративные отношения между сотрудниками. Это стали понимать все больше руководителей разветвленных бизнес-структур. Все чаще при подборе кадров претендентам на должность включаются в анкету пункт или серия вопросов о прочитанных книгах. С начитанным, просвещённым коллективом легче преодолевать трудности, и бизнес становится более успешным!

Современному читателю сложно определить критерии, по которым можно распознать писателя среди грамотных сочинителей. Томас Манн любил повторять: «Писатель – это человек, которому писать труднее, чем остальным людям». Рискну согласиться с писателем-философом, особенно в современной действительности, когда высшее образование дает необходимую грамотность, чтобы человек смог сочинить сносное стихотворение или написать рассказ и уж совсем просто «налить» роман. В потоке грамотного словоблудия всегда можно вытянуть до литературы, но будет ли это литературой в самом высоком понимании этого предназначения? Это и есть одна из задач, которую следует выполнить журналу в современном словотворчестве – отделить зёрна от плевел. Мне хочется, чтобы журнал читали как можно больше людей разных возрастов и находили интересное среди всех творческих поколений. Мы ждем читателя, в том числе и молодого, успешного, интеллектуально развитого. Именно в этой среде мы рассчитываем привлечь молодых читателей.

Каковы же приоритеты журнала? Безусловно, журнал вне политики и групповых игр, для нас главное – чтобы автор был талантлив, а его текст – интересен читателю. В нашем журнале будут востребованы талант и мастерство всех авторов, думающих и пишущих на русском языке, независимо от политических и религиозных взглядов. Конкретных имен пока назвать не могу, поскольку журналу предстоит

осваивать как читательские горизонты, так и писательский потенциал, но смею заверить – это будут авторы интересные, талантливые, как молодые, так и зрелые мастера! В литературе всем места хватит, но это не безграничное пространство. На это рассчитывать начинающему автору – ошибочное мнение и даже вредное для талантливого автора. Литературное пространство ограничено численностью читателей. Если не воспитывать читателя посредством хорошей литературы, то графомания поглотит его как индивидуума, как общество в целом. Тогда наступит крах талантливой литературе и крах писателю. Настало время писателю идти к читателю!

Сложность «поднять» журнал состоит и в том, что не на кого равняться. Но мы и не стремимся быть похожими на кого-либо, наоборот, наша задача – стать лучшим массовым литературным периодическим изданием в Молдове. Сегодня эта ниша практически не занята.

В заключение хочу сказать о том, что традиции великой русской литературы, заложенные Пушкиным, Карамзиным, Кантемиром, Достоевским, Толстым и многими другими; тесные молдавско-русские литературные связи, берущие свое начало издревле и плодотворно питающие и обогащающие обе культуры, – это надежный фундамент их преемственного величия в грядущем времени.

Как бы странно это ни звучало, но писателю, как и актеру, необходимы аплодисменты! Мы надеемся на то, что читатели поддержат нас своим вниманием – ведь только вместе с читателями можно делать интересный, востребованный журнал.

Борис МАРИАН

Кто плюет в национальный колодец, или Клеветники под маской патриотов

Абсурдность и комичность описываемой ниже ситуации состоит в том, что (кто по-вашему?) ватага лицеистов из Кишинэу, Кэлэрашь, Ниспорень и группа учителей румынского языка посмели учинить суд чести (как вы думаете, над кем?) над самим Ионом Друцэ...

Нас бы не затронул этот дерзкий налет критиков с молоком на губах на нашего живого классика, если бы их не науськивали литературные дядьки и если бы они не представляли антидруцевскую идеологию, исповедуемую еженедельником «Literatura și Arta» и некоторыми литературными генералами из руководства СПМ. Одного не пойму: кому принадлежит это издание – Союзу писателей, какой-либо антимолдавской группировке или лично Николаю Дабиже?

Читая в «Literatura și Arta» от 12 июня 2008 г. подробный отчет о диспуте (либо «круглом столе») молодых литераторов из кружка им. Юлии Хаждэу при журнале «Clira», озаглавленную (внимание!) – «Гордыня, уничтожающая писателя Иона Друцэ» (это была и тема дискуссии), мне казалось, будто я нахожусь на собрании некоего творческого, рабочего или студенческого коллектива по осуждению какого-нибудь писателя, композитора или ученого. В давние сталинские времена, да и в более близкие годы советской диктатуры, подобные политические сборища с вынесением общественных «приговоров» периодически проводились партийными активистами в рамках массовых пропагандистских кампаний, нацеленных на преследование диссидентов и иных *persona non-grata* тоталитарного режима. Лично хорошо помню одиозные кампании – антипастернаковскую, антисолженицынскую, антисахаровскую, а у нас в МССР – антилупановскую, антирэдэуцановскую, антидруцевскую и другие. Так что современные клеветники Иона Друцэ должны знать, что они не первые его преследователи, а всего лишь заблудшие наследники советских идеологов.

Высказываясь на декларативном и псевдонаучном языке, они так и не смогли сформулировать, в чем все-таки состоит так называемая гордыня Иона Друцэ. Многие из них ссылались на памятник «Свеча Благодарения», установленный на холме у въезда в г. Сорока, расценивая его как памятник, который писатель воздвиг самому себе.

Да если бы Друцэ и был высокомерной личностью, то спрашивается: как это могло обесценить его творчество? Как бы велики ни были писатели, ученые, артисты, они остаются прежде всего людьми, которым ничто человеческое не чуждо. В том числе личные недостатки и политические ошибки. Достаточно напомнить несколько выдающихся имен: Лев Толстой, который рассорился с Православной церковью и собственной семьей; великий норвежский драматург Кнут Гамсун, который сотрудничал с немецко-фашистскими захватчиками в период второй мировой; первоклассный румынский прозаик Михай Садовяну, поставивший свое перо на службу тоталитарного коммунистического режима. Но для человечества превыше всего остается творчество этих выдающихся писателей. Однако клеветников Иона Друцэ не интересуют его произведения, с которыми они, по всему видно, мало знакомы. Не знают горячие юнцы-борцы ни его биографии, ни заслуг перед народом, истолковывая их по наущению политических суфлеров.

В числе таковых, принимавших участие в «круглом столе», фигурируют двое: публицист Николае Руссу – в качестве «приглашенного», а также прозаик Владимир Бешлягэ – в качестве «почетного гостя». По крайней мере, так они были представлены автором статьи Дианой Кауш, опубликованной в «Literatura și Arta». С первым все понятно: обсуждение основывалось как раз на его антидруцевском эссе «Время и муки гордыни». Этот посредственный писатель, фанат примитивного руманизма, меряет

всех творческих людей своим идеологическим метром, и ежели кто-либо, в нашем случае Ион Друцэ, не вписывается в шаблон «хорошего румына», то становится изгоем.

А вот участие Владимира Бешлягэ в постыдном судилище над собратом по перу и в каком-то смысле учителем меня очень огорчило, поскольку я всегда относился в нему как к талантливому прозаику и уравновешенному человеку, а еще потому, что мы, будучи односельчанами (из Малаешт, что в Приднестровье), дружили многие годы, как, впрочем, и наши родители. Я был бы очень рад, конечно, если бы Бешлягэ участвовал в этом гнусном «процессе» в качестве адвоката Друцэ, но он предпочел роль прокурора. Мало того, высказал ряд нелепостей – например, что Друцэ «подчинил свое творчество административному руководству» или еще нелепей – будто его гордыня происходит от «неуверенности в своей творческой нетленности». Меня удивляет, как столь опытный прозаик до сих пор не осознал, что Иона Друцэ такой вопрос не заботит вообще – это может волновать лишь посредственных писателей и неудачливых политиков. А вот такие неуместные заявления, услышанные из уст «почтенного гостя», не могли не спровоцировать начинающих критиков на неблагоприятные поступки и не возбудить в них гордыни.

Боюсь, дорогой Володя, что в данном случае тебя подвел старческий маразм либо желание выслужиться перед зеленой молодежью. Оторванный от реальности и потеряв здравый смысл, ты дошел до того, что стал свадебным генералом за дабижевским столом, нарушив тем самым библейскую заповедь: «Не ходи на собрание нечестивых!».

Все участники упомянутой дискуссии повторяли как заклинание модное словечко – «вертикальность» (синонимы: «несгибаемость», «достоинство»), обвиняя Иона Друцэ в ее утрате якобы из-за сотрудничества с властями. К сожалению, юные мятежники, как и их наставники, сводят понятие «вертикальности» к поклонению перед всем румынским, к неподчинению руководству своей страны, к унижению собственного народа, родины и традиций, которые они называют примитивным молдовенизмом. Заключенные на этой идеологии, они не в состоянии понять, что не Друцэ поклоняется властям, а наоборот: понимая глобальную и национальную ценность патриарха нашей духовности, первые лица страны старались осуществить многие патриотические инициативы писателя. Отрадно, что все три президента Молдовы, несмотря на очень разные характеры и порой противоположные политические взгляды, всегда прислушивались к его советам и замечаниям. А вы, господа антидруцисты, говорите о покорности великого писателя перед сильными мира сего. Да, Друцэ родился «вертикальным» и, чтобы сохранить свое писательское достоинство, отстоять честь своего народа, добровольно отправился в Московскую ссылку, где сумел утвердить себя во всесоюзном масштабе, чтобы с той высоты противостоять бодюловской партократии. Еще в 1965 году он предложил с трибуны писательского съезда заменить кириллицу на латиницу, чем навлек на себя ярость первого секретаря КПК. Так что именно Друцэ следует считать диссидентом №1 в МССР. После того случая ЦК КПК организовал травлю Друцэ в республиканской печати (первую антидруциану), на собраниях трудовых коллективов, обвинив преданного сына народа в том, что он оторвался от народа и что из-за своей гордыни потерял чувство патриотизма и т. д. Под этим предлогом почти все его театральные пьесы запрещались в Кишиневе, пока их не ставила Москва.

Не имея никакого представления обо всем этом, один из участников вышеназванного «круглого стола» Ион Феля утверждает, будто в те времена творчество Друцэ благоклонно воспринималось партией и партийной цензурой. Подумайте, юные критики, чьи обвинения вы повторяете, кому служите! Почитайте-ка лучше, что пишет о нем академик Харлампий Корбу: «Ион Друцэ, как никто другой (быть может, за исключением Андрея Лупана), всю жизнь боролся за возвращение символов и духовных ценностей народа –

то посредством создания знаменитого памятника «Свеча Благодарения» в Сороках, посвященного безвестному автору нетленной баллады «Миорица», то путем проведения научных мероприятий национального и международного масштабов – например, конференции «Апостол Павел и угроза самоуничтожения» в 1994 году, либо заботой о памяти выдающихся личностей нашей культуры и литературы» (журнал «Молдова, № 7-8, 2008).

В этом контексте мне хотелось бы подчеркнуть историческую заслугу Друцэ по возвращению на родину и в память потомков Константина Стере – этого духовного титана Бессарабии и, между прочим, одного из создателей воссоединения (Unirea), которым сегодня пренебрегают в Румынии. Не надо забывать также о том, что Ион Друцэ (а не Николае Руссу и не Владимир Бешлягэ) стал зачинателем Движения за национальное пробуждение в конце 80-х годов. Пусть вспомнят вышеупомянутые подстрекатели, с каким энтузиазмом ждал народ встречи с Ионом Друцэ в Кишиневе, на площади Великого Национального Собрания, на Национальном телевидении, в студенческих аудиториях. Тогда каждое его выступление воспринималось как проповедь пророка. Уверяю, что для большинства молдаван он и сегодня остается тем же Ионом Друцэ. Нет, он не изменился, не предал свои идеалы, а значит, не потерял и свою вертикальность, как утверждаете вы, господа. Изменились те посредственные и завистливые писаки, которые шли тогда в одной колонне с ним под единым лозунгом: «Соединяйтесь, молдаване!», а сейчас вытирают об этот лозунг грязную обувь, унижая молдавский народ, требуя воссоединения Бессарабии с Румынией и толкая неопытную молодежь на нарушение Конституции и неповиновение всенародно избранной власти. Тех же, кто не согласен с ними, они объявляют врагами румынского народа и т.д. и т.п. Так не достойны ли они сами прозвища «манкурт», которым часто обзывают настоящих патриотов?!

Обращаю эти слова в особенности к тому же заблудшему молодому критику Иону Феле, который на вышеупомянутом диспуте выдвинул гнусное предположение, что Друцэ якобы «был завербован еще накануне событий 80-90-х годов», ибо «попытка воссоздать молдавскую нацию имеет более глубокие корни». Из этого словоблудия в итоге получается намек на то, что Друцэ имел какую-то спецмиссию (должно быть от КГБ?), а именно «создать молдавскую нацию» (которая до него уже существовала многие сотни лет)... Вот до какого абсурда может довести одно ложное утверждение!

Лично я расцениваю начало кампании «Антидруциана-3» посредством проведения «круглого стола» и рекламу этого мероприятия на страницах еженедельника «LA» как плевок в духовный колодез молдавского народа. Правда, сей самый румынский румын Бессарабии предпочел на этот раз дергать нитки из-за кулис, однако забыл спрятать уши. Его причастность к данному делу проявилась позднее, в ходе двух событий – его собственного юбилея (60-летия) и юбилея Друцэ. Первое было проведено с помпой и шумом на страницах еженедельника, посвятившего своему хозяину целый номер, тогда как к 80-летию Иона Друцэ это издание ограничилось публикацией обрывка портрета маэстро и стихотворного посвящения одного начинающего районного поэта. Следует подчеркнуть также, что «Антидруциана-3» была инициирована именно в Год Друцэ.

P.S. Однако Бог шельму метит, как говорят в народе. Недавно в Бухаресте была издана новая пьеса Иона Друцэ «Мария Кантемир – последняя любовь Петра Великого» с предисловием крупного ученого, вице-президента Академии наук Румынии Дана Берендея. Воздав заслуженные похвалы нашему драматургу, автор предисловия назвал его «Кантемиром нашего времени». Данная оценка является, по моему мнению, хорошей пощечиной Бухареста нашим доморощенным румынам и очернителям Иона Друцэ.

П. Богданович

Характер и значение поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина

Критика писана в 1829 году для темника-хрестоматии «Важнейшие темы»

Поэма-сказка «Руслан и Людмила» имеет много недостатков. Во-первых, она представляет некую смесь русских народных сказаний с вымыслами, навеянными чтением малолетним Пушкиным Ариосто – это хорошо прослеживается в описанной сцене боя Руслана с Рогдаем; увлечение Пушкиным сказками Шахерезады внесло свои мотивы в поэму, что видно из описанного интерьера замка Черномора; у неугомонного, горячего сластолюбца Парни Пушкин копирует образы грешниц – появляющиеся в поэме откуда ни возьмись Девы-смаковницы.

Во-вторых, изображение предметов, за исключением пролога, не отличается русским национальным характером.

В-третьих, поэма страдает отсутствием определённой идеи и определённых характеров. Это смесь сцен всевозможных планов; грустных (Владимир у спящей дочери), ужасных (бой богатырей), (Людмила в руках Черномора), страстных (Ратмир у Дев), забавных (Фарлаф, падающий в ров) и прочие. Характеры обрисованы слишком общими чертами: Фарлаф – труслив, Рогдай – воинствен, Ратмир – изнежен, Людмила – шаловлива.

Тем не менее поэма понравилась современникам и возбудила горячие споры в литературе. Она обнаружила талант Пушкина. Избрав сказочную форму, Пушкин изображает все то, что роилось в его молодой фантазии, и изображает с одинаковой легкостью и непринужденностью самые разнообразные предметы: и характер Людмилы, и спор Руслана с головою, и их бой, и наслаждения Ратмира. Благодаря лёгкости преподнесения материала вся поэма явилась рядом интересных картинок, вполне понятных для большинства читателей.

Вторая причина успеха поэмы заключается в новизне избранной Пушкиным формы, которая случайно явилась настоящей сатирой на строгость ложноклассицизма. В самом начале эпический тон поэмы нарушен скандальной сценой похищения; героиня сравнивается с курицей, похищенной у влюбленного петуха; она визжит и заносит кулаки; она, как безумная, бежит по саду, решается топиться и не топиться, уморить себя голодом – и преисправно ест, Фарлаф падает в ров, положительный герой Руслан ничего умнее не придумал, как, держась за бороду Черномора, летать под облаками.

Эта поэма имеет мало общего и с новым направлением, внесенным к нам Жуковским: чудное явление в ней лишь как повод к шутке. Некоторые места ее представляют даже насмешку над тем, что так ценилось романтиками: Фин за свое постоянство в любви приобрел расположение беззубой старухи. Ратмир, вместо двенадцати спящих дев, попадает к двенадцати прелестницам.

Хотя эта поэма, вообще не отличаясь серьезным характером, не заключала в себе серьезного противодействия ни ложноклассицизму, ни романтизму, но и слабое противодействие ее в свое время было полезным.

Георгий КАЮРОВ

Об авторе | Родился в Запорожье. Член Союза писателей России, член Союза журналистов Украины. Международный мастер спорта по шахматам. Окончил Ленинградский сельхозинститут. Участвовал в экспедициях в Заир. Совершил восхождение на Эльбрус (Северный Кавказ), «Пик Советов», и «Перевал Туристов» (Тянь-Шань), переход через пустыню Кара-Кумы, батрачил у торговца дынями. Впоследствии была написана повесть «Азиатский зигзаг». На плотках сплавлялся по рекам Зeya и Мая с последующим переходом к Охотскому морю.

Экзамен

рассказ

Леонид не торопился на экзамен, специально выбрав дорогу подлиннее, чтобы проветриться и взбодриться. У него не получилось отдохнуть и выспаться в эту ночь. Вечером зашёл в клуб, и пошло-поехало. Утром проснулся с Настей. Настя была очаровательна. В клубе и познакомились. Он давно её заприметил. Наконец представился случай познакомиться ближе. Весь вечер танцевали, шепча друг другу приятности. Настя прижималась, растворяясь в его объятиях, и смотрела не моргая. Какой отдых? Какой экзамен? Если бы не эта встреча, может, так всё и получилось бы, как он планировал. А тут ещё у Насти родители уехали на неделю. В общем, закрутило Леонида черноморским вихрем!

Настя по-хозяйски приготовила завтрак и, напутствуя, проводила на экзамен.

Леонид брёл от вокзала в институт и размышлял, что же делать? С Настей договорились встретиться вечером. Ещё улавливался её запах. На губах оставался её вкус! Какой экзамен, когда Настя в голове? «Зачем я только полез в этот институт?» – снова засвербел где-то в сознании вопрос, периодически мучающий последние две недели.

К третьему экзамену многие отсеялись. Поэтому Леонида не удивила тишина в коридорах института. Возле аудитории двести два собрались немногочисленные знакомые лица.

– Лёня, привет. Приём экзамена задержали на полчаса, – подбежала полненькая Лена, от неё пахло утренней прохладой. – Я тоже только что пришла. Хотела опоздать, чтобы первой не идти. Какими кругами не шла, а все равно пришла одной из первых. Ты готов?

Леонид неопределённо пожал плечами. Его глаза искали в окне простора. Лена же говорила без остановки:

– Все уже собрались. Преподы в аудитории. Сказали, что через десять минут пригласят первую пятёрку. Говорят, лучше сдавать молодой. Как её...– она запнулась на мгновение и быстро пробежала глазами свои записи: – Вот. Емельянова. Она ещё вчерашняя выпускница. Ну просто круглая дура! – Лена на секунду замолчала, всматриваясь в лицо Леонида. Она только сейчас заметила, что собеседник не в духе: – С тобой всё в порядке?

– Да, да, – Леонид рассеянно улыбнулся, но Лена продолжала смотреть с недоверием, и чтобы рассеять сомнения, он, как мог, весело спросил: – Чего она дура?

Лена удивлённо округлила глаза:

– Кто же умную возьмёт сразу в преподаватели? Только по протекции, а такие все дураки! – она опять сделала пауза, давая понять, что поучения закончены, и продолжала говорить о предстоящем экзамене: – Я во второй пятерке пойду, а ты?

– А я в первой, – тихо поддержал разговор Леонид, только чтобы больше не задавали ему вопросов по поводу его настроения.

– Девочки! Шмагин в первой идёт, – быстро прокричала Лена составляющим списки. – Всё! Ты включён, – торжественно продекламировала она, весело взглянув на Леонида.

– Тихо, тихо, – опомнился Леонид, – я не пойду в первой пятёрке. Я не готов.

– Поздно, – пропел проходящий мимо Николай, – тебя уже включили. И меня, кстати, тоже. Ты не тушуйся. Кому-то же надо идти первым.

Но Леонид уже не слушал его. Какая разница, каким идти? Всё равно не готов и настроения нет. Химия – его слабое место.

Дверь в аудиторию открылась. Абитуриенты мгновенно притихли. Десятки пар глаз, вдруг наполнившихся тревогой, устремились на появившуюся в дверях пожилую экзаменаторшу в зелёном вязаном жакете.

– Это та, что старая, – заговорщицки зашептала Лена, дёргая Леонида за борт пиджака. – Как её? – она быстро заглянула в блокнот: – Ага! Профессорша Иванова.

Профессорша прокуренным голосом протянула:

– Первая пятёрка, заходите, – и, сипло кашлянув, скрылась, оставив дверь открытой.

Абитуриенты загалдели. Зашуршала бумага. Кто-то прятал шпаргалки, а кто-то искал ручку:

– Где моя ручка?

– Где мои шпоры?

Хватали всё, что попадало под руку. Шпаргалки тут же рассовывали по карманам, носкам, прятали кто куда и подскакивали к двери, чтобы вмиг упорядочиться и войти с иголочки. Войдя, абитуриент здоровался и растягивал рот в перекошенной улыбке. Волновались не на шутку.

Леонид сохранял равнодушное спокойствие. В голове ещё гуляла лёгкая хмель. Ему нечего было искать, прятать, и он направился прямо в аудиторию, замыкая пятёрку.

– Лёничка, – запричитала семенящая рядом Лена, – ты только не волнуйся. Мы за тебя будем кулаки держать!

– Лучше фиги, – буркнул он.

– Чего, чего? – не расслышала Лена.

– Спасибо тебе, – зыркнул Леонид на незадачливую помощницу и отмахнулся рукой, освобождая пиджак из её цепких рученок.

Абитуриенты по очереди робко подходили к столу, за которым сидели экзаменаторы – две женщины. Одна пожилая – профессор Иванова, а другая, с длинными, прямыми чёрными, распущенными волосами – молодая – преподаватель Емельянова. Стол был аккуратно выстелен разложенными билетами. Абитуриенты сдавали экзаменационные листы, выбирали билет и называли его номер. Профессорша Иванова записывала номер билета перед фамилией и коротко напутствовала:

– Готовьтесь.

Абитуриент брал приготовленный лист бумаги, напоследок пытаясь что-то еще высмотреть на столе преподавателей, и занимал отдельный стол, напротив экзаменаторов.

– Здравствуйте, – громко поздоровался последним Леонид и замер.

– Здравствуйте, – автоматически ответила молодая преподавательница, продолжая раздавать бумагу: – Смелее. Проходите, – она обернулась на вошедшего, и щёки её залились ровным румянцем.

Они засмотрелись друг на друга и, как бы опомнившись, скоро отрывая взгляд, потупились, перебирая листки. Собственно ничего не произошло. Мир не изменился вдруг. Просто сердце будто отяжелело. Кровь запульсировала, согревая. Захотелось вдохнуть глубже, сокращая разделяющее их расстояние. Как быть? И что же делать?

– Что же вы не проходите? – голос молодой преподавательницы звучал с придыханием, и было видно, что с каждым словом ей не хватает воздуха. Она боролась с волнением, потому что так надо было.

– Да, да, – Леонид поднял глаза, а взгляд его горел и говорил, что его обладатель не собирается справляться с нахлынувшими чувствами и тем более их скрывать.

Он, не отводя взгляда, подошёл к столу и остановился.

– Номер? – тихо спросила она.

Леонид взял первый попавшийся под руку билет и вместе с экзаменационным листом положил на стол перед преподавателями.

– Екатерина Сергеевна, какой там номер? – пробасила профессорша, записывающая фамилии абитуриентов в ведомости.

«Значит, зовут тебя Катерина», – закрутилось в голове у Леонида.

– С вами всё в порядке? – оторвавшись от писанины, спросила Екатерину Сергеевну профессорша.

– Да, Татьяна Павловна, – твёрдо произнесла Емельянова и прямо посмотрела на коллегу. Ей удалось справиться с эмоциями, но румянец обжигал лицо, придавая ему особую привлекательность: – Двадцать седьмой. Шмагин Леонид.

– Да у вас жар! – изучающе вглядывалась в лицо коллеги профессорша.

– Нет, нет, – быстро отвернувшись, возразила Екатерина Сергеевна. – Всё в порядке. – Второй раз она не смогла бы так же смотреть.

– Какие инициалы? – не расслышала профессорша.

– Л.Ш. – повторила Екатерина Сергеевна и опустила голову в свои записи, чтобы окончательно справиться с эмоциями.

Леонид занял свободное место, прочитал задание и отложил билет в сторону. Он не знал ответа ни на один вопрос. Но билет и так не занимал больше его мыслей. Сознание теребил образ молодой экзаменаторши Екатерины Сергеевны. Или как он уже про себя называл её – Катерины.

Он пристально смотрел на Екатерину Сергеевну, ловя каждый её взгляд. Она как мельком бросала на взволновавшего её молодого человека взгляд, с такой же скоростью и отводила его поскорее, заливаясь румянцем.

В застывшей тишине экзаменуемой аудитории неожиданно возникло движение – это встала Татьяна Павловна. Что-то шепнув молодой коллеге и заговорщицки улыбнувшись, она тихо вышла. Леонид только успел расслышать: «...я, милочка, минут на десять...». Он не стал тянуть. Представился удобный случай. Леонид встал и со своими бумагами подошёл к столу экзаменаторов.

– Вы уже готовы? – Екатерина Сергеевна, не отрываясь от ведомости, сама прислушалась, не тихо ли спросила.

Ответа не последовало. Заливаясь румянцем, она всё-таки подняла глаза. Он молчал и смотрел не моргая. Глаза его излучали дерзость и решимость. Этот нахал не отвечал, и она не знала, что говорить.

Леонид сел, стул тихо скрипнул. Екатерина Сергеевна взяла листки – билет и ответы. Лист с ответами был чистым. Она удивленно посмотрела.

– Вы ничего не написали? – прекрасным испугом удивилась Екатерина Сергеевна и тихо добавила, отодвигая листы: – Идите готовьтесь.

– Я ничего не знаю.

Она не нашла, что сказать на такое, и совсем разволновалась. Руки не находили себе места. Автоматически схватив экзаменационный лист, Екатерина Сергеевна была приятно удивлена – по двум предыдущим экзаменам выставлены пятёрки. Большая редкость для вступительных экзаменов. «Умненький, – похвалила она про себя нахала. – На вступительных – оценку не выпросишь, и не натянут. Что делать? Как поступить?» Ей впервые доверили участвовать в приёме вступительных экзаменов, и она не знала, как поступить в подобной ситуации. Сейчас вспоминались только несправедливые моменты из собственного опыта. Когда так хотелось, чтобы преподаватель протянул руку помощи! Задал наводящий вопрос! Ведь она знает! Только надо подтолкнуть! «Но как подтолкнуть его? Сидит и бесстыже разглядывает меня!» Она быстро схватила ручку и начала писать, а он сидел и молчал.

– Вот, – закончив писать и пододвинув к нему лист, она тихо сказала, – расставьте коэффициенты, – немного помедлив, решая, может ли она так поступить или нет и не сильно ли длинное уравнение (оно заняло почти всю страницу вдоль), Екатерина Сергеевна добавила шепотом, – и я вам поставлю тройку. С таким баллом вы поступите.

– Поужинайте со мной?

– Что? – Екатерине Сергеевне показалось, что она ослышалась. Но он смотрел на неё все тем же дерзким взглядом.

– Составьте мне компанию поужинать.

У Екатерины Сергеевны перехватило дыхание. Внутри что-то до боли натянулось, а сверху словно чем-то придавали. Она быстро окинула взглядом аудиторию. Ей показалось, он так громко это сказал, что услышали все присутствующие. Но абитуриенты мирно думали и писали.

– Вы с ума сошли, – зашипела она сквозь плотно сжатые губы, – да я вам сейчас влеплю пару.

Она собрала всю свою волю и прямо посмотрела на него. Глаза его светились и излучали тепло. Всё, что хотелось наговорить, тут же забылось, и Екатерина Сергеевна поймала себя на желании утонуть в этом взгляде. А он смотрел и улыбался. Взял ручку и, мельком заглядывая в листок, быстро начал писать. Затем резко встал, бросил ручку на стол и ушёл, в дверях столкнувшись с Татьяной Павловной.

– У нас что, первый ответивший?

Екатерина Сергеевна промолчала, продолжая сидеть растерянная. «Ушёл. Вот так запросто, встал и ушёл». Она автоматически взглянула в лист и несколько раз пробежалась по формуле. Все коэффициенты расставлены правильно. «Но как? – изумилась она и в ту же секунду чуть не ахнула». Под формулой твёрдым почерком гласило:

«Буду ждать ровно в двадцать у Исаакиевского собора. Леонид».

Текст жег, проникая в самое сердце. Екатерина Сергеевна спешно сложила лист и спрятала в карман.

Татьяна Павловна устроилась на своём месте и зашептала:

– Какая у нас первая оценка? Как ответил?

– На тройку, – Екатерина Сергеевна быстро взяла экзаменационный лист и поставила тройку, подтвердив цифру прописью.

– Милочка, мы же договорились, что вы ассистируете. Оценки ставить – мои обязанности.

– Извините, – тихо произнесла Екатерина Сергеевна и передала экзаменационный лист Ивановой, боковым зрением наблюдая за действиями профессорши.

Татьяна Павловна с начальственным видом взглянула в него, многозначительным «О!» прокомментировала пятёрки и спросила:

– Так. У нас что же, на пятёрку не получилось? Где его ответы?

– Не получилось, – едва смогла выговорить Екатерина Сергеевна. – Я их порвала, – тут же соврала она.

– А вот этого делать не стоило, – наставительно зашептала Татьяна Павловна. – Вдруг абитуриент решит опротестовать оценку?

Татьяна Павловна, побряхтев недовольно, всё-таки поставила свою размашистую подпись рядом с тройкой.

– Этот наш студент, – уже спокойно заключила профессорша, – жаловаться не пойдёт.

Они встретились у Исаакиевского собора ровно в двадцать. Им ещё нечего было сказать друг другу. Обо всем говорили глаза, крепко взявшиеся руки, звёзды ночного неба и звон бубенцов. Ошеломительный, торжественный звон невидимых бубенцов вокруг. Сознание уже пьянил вдруг ставший родным запах друг друга. Они поняли, что это самый дорогой человек на свете. Это тот человек, которого даёт судьба один раз в жизни! Даёт, чтобы вскорости забрать.

Разговорились они только поздно ночью, рассказывая наперебой о себе. Сначала Катерина тоненько нарезала бутерброды, и они, проголодавшиеся, измученные, ели, закутавшись в одном покрывале. Потом просто ломали колбасу и хлеб кусочками и кормили друг друга.

– Надо же, после этого так есть хочется, – счастливо улыбаясь и краснея, сказала Катерина, – даже не предполагала.

– После чего этого? – не понял Леонид.

– Ну, после этого... – Катерина совсем залилась румянцем и уткнулась ему в грудь, кутаясь в объятиях.

Потом они долго нежились в ванне, полной душистой пены.

– Знаешь, когда лежишь в ванне, нельзя, чтобы вода давила на сердце, – рассказывала Катерина, разгоняя пену.

– Как этого можно избежать? – удивился Леонид.

– Надо, чтобы грудь находилась над водой.

– Как это? Покажи.

Катерина села, выпрямляясь в талии, а Леонид рассматривал её, сдвинув серьёзно брови.

– Правильно говорят, – заключил он, разглядывая округлые литые груди. – Здоровая рекомендация для женщин, когда сидите перед мужчинами.

– Бесстыжий! – заверещала Катерина и в Леонида полетели пенные брызги.

Они еще долго брызгались, смеялись от переполняющего счастья. Потом опять ели. Она набирала пальцем плавленый сырок и облизывала его. Он улыбался, а она жмурилась, пристыженная. Набирала опять и так же с пальца кормила его. Они ели и не спали. Они были одни на всём белом свете!

– Завтра рано вставать, – вдруг спохватилась Катерина. – Надо поспать.

– Я не хочу спать.

– Значит, надо полежать с закрытыми глазами, – заключила Катерина и, закутавшись одеялом, свернулась калачиком под его рукой. Они лежали счастливые с закрытыми глазами.

- Ты спишь? – первой не выдержала Катерина.
- Нет.
- А что делаешь?
- Думаю.
- О чём?
- О тебе.
- А я о тебе, – тихо проговорила Катерина. – Всё. Спи, – и заулыбалась.
- Чему улыбаешься?
- Откуда знаешь, что я улыбаюсь?
- Чувствую. Я тебя чувствую всеми клеточками.
- Я всё равно тебя чувствую сильнее, – с грустью сказала Катерина. – Ты

счастлив?

- Да. А ты?
- И я, – сказала тихо, даже трагично и прижалась сильно-сильно, желая слиться воедино.

Леонид обнимал её, вдыхал аромат волос и не хотел открывать глаза. Катерина крепко прижимала его руку к груди и улыбалась.

- Как хочется, чтобы время остановилось.
- Зачем? – удивился он.
- Так хочется побыть с тобой подольше. Чтобы никто не мешал. Чтобы никуда не надо было спешить.

Вдруг в прихожей пробили часы.

- Подъём! – выпрямляясь, как пружина, крикнула Катерина. Она выскочила из под одеяла и закрылась в ванной.

Леонид посмотрел на часы. Стрелки растянулись вертикально, и он опять закрыл глаза.

- Вставай, вставай, – командовала Катерина, носясь в сборах по квартире.
- Куда ты так рано собралась? – Леонид, подперев голову рукой, следил за метаниями Катерины.

- Во-первых, тебе пора уходить.
- Почему так рано? – удивился Леонид.
- Во-вторых, мне к восьми надо быть в Пушкине. В восемь в институте планёрка – подведение итогов вступительных экзаменов.

- А без тебя итоги не могут подвести? – не унимался Леонид.

- Вставай, вставай, – улыбнулась Катерина.

- Когда ты вернёшься?
- Никаких вернёшься. Вставай.

- Катя?

- А в-третьих, к восьми папа и мама приедут с дачи.

- Может, они опоздают.

- Не опоздают.

- Ты почём знаешь?

- У папы в девять конференция начинается. В восемь тридцать за ним приедет машина. До этого мама должна его успеть покормить завтраком. Теперь ясно?

- Ты мёртвого поднимешь, – согласился Леонид.

Собирались и ели быстро. Катерина отрывала веточки зелени и по одной всовывала в рот себе и ему.

Ещё быстрее шли к метро. Прощались просто – долгий, горячий поцелуй и обо всем говорящие руки. Она прижалась, затрепетала всем телом и оттолкнулась, как бы отрываясь.

– Когда освободишься?

– А что? – какая-то тревога мелькнула в глазах Катерины.

– Когда мы увидимся?

– Мы не увидимся, – после паузы, глядя в сторону, тихо произнесла Катерина, и ей самой стало жутко от сказанного.

– Как не увидимся? – оторопел Леонид.

– Вот так! Не увидимся, – Катерина смотрела смертельными глазами. Щёки как-то странно впали и побелели.

– Что с тобой? Что-то случилось?

– Ничего, – едва переведя дыхание, смогла выдавить она. – Просто не увидимся, и всё!

Леонид не находил себе места. Всё вдруг рухнуло. День только начинался, а всё уже рухнуло. Ещё секунду назад было всё ясно и вот перепуталось в одно мгновение.

– Да, конечно, ты не с неба свалилась и у тебя была своя жизнь, – Леонид нервничал. – Стоп, что-то не так. У тебя кто-то есть?

– Нет. У меня никого нет.

– Я тебе не подхожу?

– Есть – ни есть. Подхожу – не подхожу, – в голосе Катерины засквозили холодные нотки. – Лёня, понимаешь, всё не так просто, как тебе кажется. Наши отношения надо прервать.

– Но они так начались...

– Именно поэтому их надо прервать.

– Но почему?

– Потому что мы возненавидим друг друга.

– Что за бред!?

– Вот посмотри, – Катерина заговорила бархатным, просящим тембром: – За эту короткую встречу мы прожили полноценную, счастливую жизнь. От знакомства, создания семьи – до смерти! И были счастливы. Такое бывает раз, ну два раза в жизни. Нам повезло. С нами это случилось! И надо благодарить судьбу, – она замолчала, переводя дыхание, и вдруг спросила: – Ты был счастлив со мной? – Катерина спросила с такой страстью и смотрела таким горячим взглядом, что Леонид не выдержал и сгрёб её в свои объятия, крепко сжимая и целуя. Она не сопротивлялась и отвечала такими же горячими поцелуями. – Вот видишь! Такое нельзя терять! Такое можно сохранить, только умерев! Нам надо расстаться! – она резко оттолкнула Леонида и спешно пошла, переходя на бег, крикнув на ходу: – Прощай!

Электричка ужаснее автобуса. Стукни хоть по задней двери автобуса, водитель услышит, остановится, и ты в пути. По электричке стучи не стучи, умчится, как ошпаренная. Электричка уносила его любовь, его душу, и он не мог её догнать, запрыгнуть в последний вагон, ухватиться за хвост. Интересно... с поезда прыгнуть на ходу!

Леонид как очумелый бродил по улицам. Он так мечтал, так рвался в этот город, но оказался не готовым вот так сразу испить сполна чашу горечи. Одиночество предательски подкараулило и разлилось в самый неподходящий момент. Он нет-нет подходил к телефонной будке, чтобы набрать её номер и услышать длинные гудки. И опять тягостное мотание по улицам, мелькание чужих лиц, знакомый дом с колоннами, подъезд, из которого они утром вышли, тёмные окна и свинцовое сердце.

В трубке ответили, когда сухие стрелки вокзальных часов показывали девять, а ночь окутала город.

– Катю пригласите к телефону, – упавшим голосом попросил Леонид.

В трубке крикнули:

- Катерина! Тебя. Возьми у себя трубку, а я положу.
- Алло.
- Здравствуй! Это я.
- Я узнала. Здравствуй!
- Кто это взял трубку?
- Мама.
- Как ты?
- Хорошо.
- Как прошло совещание?
- Планёрка.
- Ну да, планёрка.
- Хорошо. Устала очень.
- Вы что весь день заседали?
- Нет. Я же потом работала.
- А...
-
- Мы увидимся?
- Лёня, не начинай. Мы обо всём уже поговорили.
- Но почему?
- Я уже объясняла.
- Это неубедительно.
- Значит, тебе надо подрасти.
- Давай встретимся и поговорим.
- Нет.
- Но почему?
- Я боюсь.
- Меня?
- Себя.
- Что ещё за ерунда?
- Это не ерунда. Увижу тебя и не смогу сдержаться.
- Но зачем сдерживаться? Мы же любим друг друга!
- Я уже говорила тебе - всё, что страстью начинается, заканчивается трагично.

Мы возненавидим друг друга. И будем ненавидеть потом всю жизнь. Я этого не хочу.

- Это ты сама придумала!
- Не я, а жизнь. Всё Лёня. Прощай.
- Подожди. Хорошо. Когда-нибудь увидимся?
- Когда-нибудь, может.
- Когда?
- Я не знаю.
- Я люблю тебя.
- Я тебя сильнее люблю.
- Но почему нам надо расставаться?
- Не начинай всё заново.
- Катя.
- Я не хочу больше говорить. Клади трубку.
- Ты положи первая.
- Хорошо. Прощай.
- Подожди!
- Пи-пи-пи-пи.

Леонид нервно тыкал пальцем в цифру за цифрой, помогая вращаться диску в обратную сторону, но в трубке раздавались короткие гудки. Он не мог определить, сколько времени вращал ненавистный диск, пока, наконец, потянулся зуммер вызова. Ответила опять Катина мама:

- Катю пригласите.
- Она уже спит. Звоните завтра.
- Во сколько она уходит на работу?
- Часов в семь. Попробуйте утром позвонить.

В пять утра ещё не будет первого троллейбуса. Остывшие такси, окутанные утренней промозглостью, картинно застыли, пристроившись друг за другом. Одинокие машины, как ночные комары, будоражат сознание.

Леонид шёл к заветному дому с колоннами. Он специально удлинял путь, обходя кварталы по кругу, чтобы прийти ближе к семи часам, но не получилось. До семи оставался целый час. В доме уже светились редкие окна. Леонид выбрал лавочку напротив её окон. Словно почувствовав его приход, зажглось и её окно. Леонид аж встал, но только и всего-то.

Время нарочито тянулось. Он смотрел на часы, а они отмеривали каждую минуту. Без времени выходили только собачники. Четвероногие твари устремлялись в круг по двору и обязательно подбегали обнюхать незнакомца. Наиболее смелые тут же мочились на столбик лавки. Собачников поддерживали выносящие мусор. В основном это были мужчины, одетые кто в чём. Один даже в трусах и майке. Они обязательно плевали и сморкались у мусорного бака. Выкуривали сигарету и возвращались домой завтракать. Ближе к семи стали хлопать парадные двери, выпуская расходящихся по сменам первых трудовых ласточек.

Появилась Катерина. Она словно выпорхнула. За нею дверь хлопнула так же, как и за другими. Леонид даже удивился. Всё в доме стоит бездвижно. Двигаются только люди и двери, но одни из них бездушны!

Увидев Леонида, Катерина замедлила шаг и, подходя, протянула руки. Он ткнулся в них лицом и не мог надышаться.

- Я так ждал тебя.
- Не надо было тебе приходить.
- Я провожу тебя.
- Проводи до метро.
- Можно в Пушкин?
- Нет.
- Давай поговорим.
- О чём?
- О нас.
- Нет предмета.
- Почему?
- Есть ты и я. Нас больше нет.
- Что с тобой? - Леонид только теперь рассмотрел её лицо. - Ты плакала?
- Нет.
- Почему глаза опухшие?
- Я ненавижу тебя! Оставь меня в покое, - вырвав руку, Катерина ускорила шаг и побежала.

- Катя!

Леонид вбежал в станцию метро, ища знакомый силуэт. Его подхватил людской поток и понёс. Вот уже эскалатор. Знакомый запах графитовых тормозов. Куда ехать? Нигде нет Катерины. И опять надо ждать вечера, чтобы позвонить.

А надо ли?

Может, лучше и правда подрасти сначала?

Виновники от бога

рассказ

Оставшись старшим в храме, я искал забот. Два дня как заведённый носился по двору, выполняя просьбы прихожан. Очень хотелось оправдать оказанное доверие и угодить отцу Митрию, настоятелю храма. Мне льстило, что на время своего отсутствия отец Митрий поручил мне управляться с делами в церкви. Я даже усовестил себя за то, что «навесил» отцу Митрию кличку Чижик.

К исходу второго дня моего хозяйничанья несколько раз на глаза попадалась старушка. Похоже, она пришла после обеда и уже несколько часов сидела у входа. Я намотался в заботах так, что к вечеру сил не осталось ни на что, но и люди были довольны. Когда ушел последний прихожанин, я вышел на паперть глотнуть воздуха и успокоиться. Моё внимание опять привлекла сухонькая старушка, которая так и просидела на паперти. Не заметить её было невозможно. Это была ухоженная старушка, с мужским носовым платком в руках, которым она то и дело обматывала кисть. Видно было, что не за милостыней она пришла. Я решил подойти к ней и осведомиться, в чём причина её столь долгого ожидания и почему она не идёт домой. Выяснилось, что ждёт она отца Митрия.

– Завтра годовщина, как чоловік помер, – защебетала старушка. – Хочу просить отца Митрия молебн отслужить, дух злой выгнать.

– Завтра приходите. Нет отца Митрия. Уехал, – пояснил я с некоторым облегчением, потому что сил у меня уже не было.

– Как же так? – запричитала старушка. – Обещал же, родимый. Может, ты, ба-тюшка? – с последними словами она взяла меня за руку, и из глаз её полились слёзы. Никакой скорби и горя на лице, а только льются слёзы. Я молча рассматривал лицо просительницы, оказавшись в неловком положении отказать.

– Прошу, милоч. Завтра годовщина. Придут люди, а этот дух смердит на весь дом, – старушка быстро склонилась и прилипла губами к моей руке. Мне стало неловко, но и отказать от этого первого ощущения, когда в мольбе тебе целуют руку, я не смог. От подаренного мне просительницей действия мой дух налился силой. Когда вернусь в семинарию, буду просить рукоположить меня. С высоты посетивших мыслей мне стало жаль старушку:

– Хорошо, – согласился я, ещё не зная, что делать.

Потихоньку, чтобы никто из церковников не видел, я взял епитрахиль, четырёхконечный крест отца Митрия, кадило, молитвослов и пошёл за старушкой. Когда мы вошли к ней в дом, в нос ударил зловонный дух. Старушка открыла окно.

– Пуская проветрится.

Я начал приготовления к молебну. В этот момент в дом тенью зашла Лизавета, помощница отца Митрия. У меня едва не зашло дыхание от Лизаветиного появления. Я рассчитывал на скрытность своих действий, а оказалось, что за мною следят зоркие очи. Лизавета поманила меня во двор, смешно загребая воздух ладонью. Я последовал за нею.

– Старая опять злой дух изгоняет? – заговорщицки зашептала Лизавета.

– Отца Митрия нет, – начал я, пытаюсь оправдаться. – Что поделаешь, если просит? Я потом доложу... – чуть не вырвалось Чижик, – отцу Дмитрию.

– Это ничего. Заработай свою копейку. Отец Митрий помогает ей, – одобрительно закивала Лизавета.

– Почему в доме так воняет? – поинтересовался я, скорее, чтобы перевести от волнения дыхание.

– Я расскажу вам, – заулыбалась Лизавета и приблизилась ко мне так, что я почувствовал ее дурной запах изо рта. – Они с печником не рассчитались, и тот

напакостил. Сунул под мазанку несколько яиц. Вонять будет, пока не изведет хозяев. С печниками шутки плохи.

– Может быть, надо сказать? – отпрянув от воняющего лизаветиного рта, предложил я, ошарашенный жестокостью печника.

– Старая, может, и не знает. Это ещё её муж приглашал печника. И умер в день, когда печник закончил. Похороны. Не до него было. Старая отмахнулась от печника, вот он и отомстил.

– Отец Митрий знает? – меня поразила и весёлость, с которой Лизавета выдавала тайну.

– Знает.

– Чего же не поможет? – с недоверием посмотрел я на Лизавету.

– Доходное дело потерять, кто же захочет? И ты, батюшка, не робей. Молебен отчитай, получи свою четвертную и ступай, – Лизавета, довольная оказанной помощью, убежала. Она приняла меня в свой круг и признала старшинство.

Я вошёл в дом с тяжёлыми мыслями. Старушка мирно ждала, сидя у открытого окошка. При моём появлении она заулыбалась щербатым ртом и поправила белую косыночку на голове. Она преобразилась, уже переделалась в чистое, взяла свечи, аккуратно обмотанные платочком, – приготовилась к молебну.

– Выйдите, пожалуйста, – попросил я.

– Ничего, – не поняла моей просьбы старушка. – Я тут смиреннько посижу.

– Выйдите, пожалуйста, вон! – грозно прикрикнул я, и сердце моё сжалось от боли. Я не мог смотреть на испуганную старушку, которая от моего крика вздрогнула, сгорбилась, словно ожидая удара плетью по спине, и покорно выскочила из комнаты, что-то шепча, извиняясь. Видать, муж-конюх любил положить плеть на спину жены.

Я затворил дверь и быстро осмотрел печь и трубу. Видимых выступов не обнаружив, я поискал по углам, чем бы постучать, но в мыслях у меня был Чижик. Как он мог! Ради корыстных расчётов попирает правилам морали, совести, чести, наконец, пренебрегать обычным состраданием к беспомощной старухе. Мне вспомнился затхлый запах семинарии, и зловоние в доме старушки как будто усилилось. Как же так! Мир духовников вне стен семинарии такой же затхлый, как и в её стенах. От нахлынувшего гнева рука сама сжала крест. Именно прикрывшись крестом, благочинный требует у этой старушки деньги. Я смотрел на крест, с силой сжимая его, и решение пришло само собою. Крестом Чижика я начал обстукивать стенку трубы. Под самым потолком звук оказался звонче. Я приложился посильнее, штукатурка обвалилась. Из образовавшейся дыры ударило сероводородным смрадом. Запах был настолько тошнотворным, что меня едва не вырвало. Внутри лежало с десятков яиц. Я выбрал яйца и обмотал их толстым свёртком из газет. Дыру забил тоже газетами. Молебен свелся к тому, что я обильно обмахал кадилком комнату.

Старушка ожидала меня во дворе, молясь на заходящее солнце. Встретила она меня с содроганием. Молча схватилась за мою руку, и я почувствовал свернутые деньги у себя в руке. Вот так все святые отцы принимают подношения от обманутых прихожан.

– Спасибочки, спасибочки, – причитала старушка.

– Больше не будет вонять, – я не мог спокойно смотреть на старушку и не позволил ей на этот раз целовать себе руку.

Пряча свёрток с яйцами, разбитый окончательно, я уходил прочь от доходного дома отца Митрия. Совесть моя восставала! Путь пастыря – не трудный путь, а грязный. Какое лицемерие! От гнева я не шагал, а ударял ногами в землю. Что же это делается, Господи?! Ради низкой наживы, ради шкурного счастья обманывать забытую Богом старуху! Незачем ей целовать нам руки. Не за что ей нас благодарить! Мы – виновники её мучений!

Александр ТОРОПЦЕВ

Об авторе| Доцент Литературного института им. А. М. Горького, руководитель семинара по детской литературе. Окончил МИЭМ в 1976 г., работал мастером на радиозаводе, инженером на телецентре в Останкино, заместителем главного редактора журнала «Школьный вестник» для слепых и слабовидящих детей. В 1994 г. экстерном окончил Литературный институт им. Горького. Писать начал в 1971 г. Первая публикация вышла в 1991 г. Первая книга – в конце 1994 г. В настоящее время является автором 40 книг историологического содержания для детей и взрослых, 2 книг прозы о второй половине XX века и романа «Охрана», а также книги «Лесков и Ницше. Сравнительное описание двух параллельных творческих миров».

Михалыч

(Три отца, две матери прораба Михалыча и его же свиноматка на десять кило)

рассказ

Михалыч вспомнил ее на тридцать девятом ведре: он керамзит таскал на второй этаж красивого дома с обширной мансардой, по-купечески, хозяйкой, примостившей дутые бока между старой «антоновкой» и тремя стройными, высокими – будто мачтовые сосны – липами.

Керамзит в ведрах это не гравий, не песок – полегче будет. Но «водила» психоватый попался, сыпанул тридцать кубов за участком, трудно было в ворота въехать, узкие, видите ли. Теперь таскай ведро за ведром и засыпай пол, потолок, внешние и внутренние стены толстобоккой мансарды, утепляй – чтобы до последнего кубического сантиметра керамзита ушло в дело, в тепло.

Устал Михалыч на тридцать девятом ведре, усы густые – темный каштан, с рыжими прожилками — зло встопорщились, на худом сердитом лице с тугой морщинкой в переносье проявилась упрямая грусть, вздулись вены на жилистых руках, заискрились каплями влаги глубокие глаза. Устал человек. И вспомнил вдруг мать свою и удивился: «С чего бы это?» Потом понял: от напряжения память взбунтовалась, повела в далекие дали. Но странно он вспомнил мать: будто бредет она с носилками по настилу из досок на второй этаж дома, что построила в пятьдесят пятом напротив профтехшколы, а он с пацанами во дворе, в закутке, чтобы учителя и мастера не заметили, в «расшибалку» дует на перемене.

«Не играл я никогда в «расшибалку», – удивился Михалыч, осторожно ступая на лестницу-стремянку. – И мать не могла таскать носилки в пятьдесят пятом: ее уж двенадцать лет не было в живых. Другая мамка таскала...»

– Не спи, Михалыч, замерзнешь, – ухмыльнулся Димка-бригадир, толстый, молодой, светловолосый, с пышными усами и вялою рукой, любитель готовить обеды, особенно когда нужно было что-нибудь таскать-разгружать.

Хотел ответить, но раздумал, крикнул браво, поднял ведра, поставил их на потолочную балку. Димка подхватил керамзитом наполненные ведра, а Михалыч – с пустыми – спустился вниз, поплелся к воротам, за которыми распласталась огромная куча хрустящих коричневых камушков.

«Как же бабы-то носилки таскали?» – подумал, дрогнул усами, но не ответил сам себе.

Мимо с ведрами прошел Володька, высокий, спокойный, как лось в летнюю пору. Подмигнул ему. Тоску не сбил. Тоска была сильнее. И шумный шорох керамзита не справился с ней. Сорок второе ведро.

Их в тот день было сто шестьдесят. С каждым ведром тоска нарастала. Солнце вскарабкалось на небо, почти бесцветное, и осталось там, лениво наблюдая, как бродят с ведрами мужики, как краснеют лица шабашников. Долго висело оно над головами трудяг.

Наконец пришел закат. Запалили костер под липою стройной, нестройной, поставили разогревать суп, чай, и под резвый стрекот сухого дерева, под въедливый хруст керамзита, под шум пустых желудков добились-таки потолок, утеплили.

Поели плотно, быстро и вместе с солнцем улеглись. Двухместная палатка на троих. Один отчаянно сипит, другой мало что толстый, как перекормленный хряк, да еще и ворочается, будто его весь день заводили, завели и запустили перед сном, и храпит – не храпит, а ревет, как Братская ГЭС. Братан такой храпучий.

А Михалыч спать привык тихо. С детдома. А еще он привык засыпать последним – натура у него такая была. И спать он привык калачиком. Сначала на правом калачике, под утро на левом.

Но здесь, в палатке, под окнами красивого дома, спать приходилось навтыжку: неудобно, непривычно. Усталость, правда, быстро убаюкивала Михалыча, но в тот вечер и она не совладала с ним, растревоженным. Поворочался он с часок на вытяжке, выполз из спальника, сел у присмирившего костра, обхватил голову, замер от дивных чувств.

Не знал Михалыч, что происходит с ним, шепнул то ли с испуга, то ли от радости: «Надоело все!», обомлел, придвинул ноги к кирпичам, охранявшим костер от ветров, и вдруг душу свою почуял, ощутил: не руками потрогал – непонятно чем, но потрогал он душу усталую. Она разлита была по телу, и все тело, все клеточки встрепенулись от волнения, от тоски по матери, по той душе, от которой пятьдесят три года назад отделилась его душа. Он сидел у костра, прижав ноги к угасающему теплу кирпичей, и хотелось ему в этот миг только одного: увидеть мать, прижаться к ней, обхватить (будто он маленький, ей по грудь), почувствовать то самое доброе в мире, что на свете белом довелось ему познать – душу ее, сказать...

И вдруг Михалыч почувствовал, что она рядом, очень близко, недостижимо близко. Она пришла к нему. На свиданку. Вот она – через решетку и толстое темное стекло. Не видно ее, не слышно – тюрьма. Бессрочная тюрьма. Пожизненное заключение. Жизнь. Самый высокий потолок. Хуже вышки. Вечная грусть. Свиданка с матерью – одна отрада. Она пришла. Она рядом. Через толстую решетку и темное стекло. Ничего не видно, не слышно. Можно только чувствовать: если оттуда, с воли, этого очень захотят. И он почувствовал. И обрадовался. Как зек, которому нечего терять,

у которого в этой жизни осталась одна надежда – на свиданку с матерью. И как зек, которому нечего терять, хотел Михалыч говорить – что за свиданка без слов, видеть – что за свиданка через темное стекло?! Ни того, ни другого в его тюрьме не разрешалось – можно только чувствовать. Ах чувства! Как дороги вы человеку, которому нечего терять!

Михалыч неосторожно шевельнулся (ноги затекли, упершись в тепло кирпичей) и вспугнул диво дивное: не получился у него разговор! Он вновь съежился, затих, просидел в предутреннем безмолвии, может быть, вечность просидел в ожидании нового чуда, и...

– Чего ворон считаешь? – буркнул Володька, прошел, сонно шатаясь, к дереву, надежда исчезла, как дым березового костра.

И остался Михалыч один. В одиночной своей камере пожизненного заключения. Опять один.

Дождался, пока Володька скроется в палатке, удивился произошедшим с ним, улыбнулся – тоски не было! Куда она улетучилась, не знал Михалыч, но с той минуты он не чувствовал себя одиноким. Залез в спальник, вытянулся, усталился в дырочку в палатке, где через целлофановое покрывало проглядывались две неяркие звезды, и уснул.

Проснулся раньше всех, оттолкнулся и побежал по своей камере пожизненного заключения, чтобы не замерзнуть, чтобы пожить. Ему жить захотелось долго-долго!

Расшевелил костер, давно уснувший, поставил чайник на плиту, покоившуюся на кирпичях печки-костра, подумал: «Я живу, я – зек, ну и что? Нормально. На волю вечную больше не тянет. Даже если позовут туда, если мамкина душа уговаривать будет, не пойду. Мне здесь хорошо. Здесь тоже люди живут. Много людей хороших на зоне, несладко иногда бывает, но то ведь зона. Раз попал сюда, сопи в две дырки и людям не мешай – помогай». Удивился мыслям бойким, подобрал ноги от жара костра.

Чайник удивленно засипел: ты чего, взбрэндил? Михалыч не ответил: чайник ты и есть чайник, мало таких видели?! Нарезал хлеб, полукопченой колбасы, разбудил мужиков. Те солдатами вскочили, полили друг друга из ведра, покрякали и сели за стол, круглый, взопревший фанерой от старости, но еще крепкий.

Михалыч чему-то улыбнулся, не ответил Володьке, который, громко хлюпая, спросил:

– Всю ночь колобродил? Чаек что надо заварил.

И опять был керамзит. Полдня. К вечеру стелили полы. Работа молодым в радость. Но пятидесятилетним на корточках елозить утомительно: ноги стынют, поясницу ломит, руки крутит молоток, гвозди намагничивают пальцы – в самых кончиках пальцы гудят от магнитной энергии гвоздей. Скорей бы в спальник.

К лешему ужин – спать. Уснул Михалыч быстро, спал навтыжку на правом боку, не шелохнулся ни разу, проснулся раньше всех, заворочался. Володька, чтобы не крутился, прижал его к стенке палатки, словно в тесный пенал вогнал. Кому приятно спать в пенале?

Вывернулся кое-как Михалыч, вылез из палатки, потянулся у костра и по саду побрел осторожно, словно бы на ощупь, словно бы ждал чего-то. Брел Михалыч по траве – ноги мокрые, руки в стороны, голова вверх, хорошо ему было. Так ему было хорошо, что остановился он, руки опустил, с удивлением осмотрел закоулки большого сада, потер крепким пальцем лоб, еще раз осмотрел сад: деревья, грядки, росную траву, полиэтилен помидорной теплицы.

* * *

Было у Михалыча две матери.

На свиданку приходила мать родимая, та, что родила его в тридцать девятом. Она погибла в сорок втором в цехе, и никогда он не видел лица ее живого, не слышал голоса. Только очень любил почему-то и мечтал, пятьдесят лет мечтал, когда оставался один на один с собой – во снах увидеть ее.

Она не приходила и лишь вчера, ночью, порадовала сына, пришла, успокоила уставшего не разговорами да обещаниями, а одним лишь присутствием своим: я рядом, все будет хорошо. И ушла. Далеко-далеко. Где туманы невидимые кочуют, не растет ничего и не колышется, откуда вырваться можно по случаю, по великому счастью.

Михалыч, родившийся по случаю и на счастье, стоял в центре сада, орошенного косым дождем солнечных лучей, и поверить не мог, что это больше не повторится, что ему не будет больше свиданки, что все для него матушка родимая сделала – возможное и невозможное. Он не верил. Стоял и ждал.

И причудилось ему, полусонному, что идет он по саду мальчиком: маленьким, трава по пояс. Таким маленьким, что даже слово война понять не может. Идет он по саду и маму мечтает увидеть. Она с работы вернется, на колени его посадит и поедет он по кочкам, по кочкам.

Шел Михалыч по кочкам неухоженного сада и не видел ничего, по памяти брел. Память проснулась, повела Мишутку по саду – родному, которого он никогда не видел. Шел мальчик по саду, вспоминал: да, я шел, точно помню. Большой был сад, там груша росла, там три вишенки, смородина, ягоды красные, у забора стояли стройные березы и тополя. Как хорошо вспоминается. Не может этого быть. Три года всего было мне, не могу я этого помнить. Но помню же! Точно так я шел по саду, как сейчас иду. На солнце.

Он шел по тропинке и думал: дойду до калитки, поверну обратно, если маму не встречу, потом опять пойду – все равно встречу. Но до калитки не дошел. Навстречу кинулась похожая на маму тетя, обняла его, даже не подняла – тяжелый что стал? – задрожала всем телом. Оттого, видно, дрожала тетушка его (думал сейчас Михалыч), что чуяла мамкина меньшая сестренка смерть свою близкую и все, что достанется в жизни Михалычу – племяннику и дочке ее, которая на год помоложе была братика двоюродного.

* * *

– Чего стоишь, как пень? – окликнул его Володька. – Костер бы разжег!

* * *

Было у Михалыча три отца: первый с мамкой в цехе погиб.

Второй, самый главный, самый добрый был. Его фотокарточку показывали детям воспитатели, спрашивали у всех и у каждого в отдельности: «Кто это?»

– Это пап! – отвечал бойко мальчик-Михальчик, так называли его в начальных классах детского дома.

Папа, самый добрый и мудрый вождь всех на свете людей, заботился о детях, отдавал им все, что у него было.

В детдоме фруктового сада не было и огорода – тоже.

– Не чуди, Михалыч, – усмехнулся Димка, выслушав на завтраке воспоминания уставшего человека. – В три года себя помнят только гении. Пей чай, работы по горло.

– Я и сам удивляюсь, – Михалыч улыбнулся.

Добрая у него была улыбка, усатая. Лицо худое, говорок басистый, движения резкие, может и послать куда подальше. А улыбка иногда пробивалась сквозь смурность лица такая, что не верилось – разве может так улыбаться пятидесятилетний усатый человек, так только дети улыбаются, когда навстречу мамка идет.

– Чего лыбишься, Михалыч? – Володька шагнул от стола. – Как будто тебе бочку пива подарили. Пошли.

Весь день обнимай плаху 50 на 120, режь в размер, загоняй шип в паз клинья-ми, забивай гвозди. И не думай ни о чем, потому что думать на такой работе – значит щели в полу шириной в палец, доски исколочены-измяты, а то и ссадины в кровь.

Но как же не думать, когда рядом совсем, за спиной, стоят все родители Михалыча: обе мамки и три папки, и смотрят, как строит их сын красивый дом bravому хозяину.

– Да вон и хозяин объявился!

Дымчатого цвета приземистый «Ниссан» замер у ворот. В синей, строгой паре под галстук вышел из машины крепкого сложения человек, уверенно направился к дому, улыбаясь. «Здорово-здорово!» – всем руки пожал, осмотрелся, словно на экскурсию приехал, и стал работу принимать. Как договорились: оплата сдельная. Утеплитель засыпали, полы настелили, фронтоны обшили – получайте в субботу деньги.

– Деньги получай!

Семь классов закончил Михалыч в детском доме. Круглые пятерки. Отличник. Прямым ходом в Суворовское училище. Так и постановил отец всех на свете детей: хорошо ведешь себя и учишься, и жизнь тебе будет хорошая. Доброго папы уже не было, но друзья и соратники, добрые дедушки, продолжали дело вождя. В Суворовское Михалыч не прошел по зрению. Забрал документы, побродил по Москве, очутился у трех вокзалов, встретился с таким же неудачником: тот тоже горевал после неудачи в Суворовском.

– Айда в профшколу! – решили пацаны. – На краснодеревщиков.

Сказали – сделали. Приехали – экзамен. Лучшим в детском доме математиком был Михалыч, все задачки по арифметике и геометрии решал. А тут – двойку получил. Так неожиданно он двойку получил, что даже не поверил. Никто бы в детдоме не поверил!

Директор вызвал его к себе, сказал:

– Не можем мы тебя принять с двойкой.

– И ладно, – робким был ответ.

– Я без тебя знаю, что ладно, а что неладно. Как дальше жить собираешься?

Деньги на дорогу есть?

– Нет, – пацан, войной недокормленный, полтора метра с кепкой, кепка в руках, не знал, что говорить, слезы мешали: никогда в жизни он не плакал, а тут...

– В детдоме получил на дорогу? – не отставал директор. – Что делать собираешься? – не понимал он, хоть и при орденах, что у пацана даже дороги никакой не было.

– Воровать пойду, – выпулил двоечник несчастный. – Ничего больше не умею делать.

И устал сдерживать слезу, заревел от обиды. Почему так получилось? Старался ведь! Все задачки, кажется, решил. А тут! Громко ревел Михалыч. Ничего в жизни у него не получалось. Двух отцов потерял, мать, в Суворовское не поступил – даже не спросили, как он задачки в детдоме решал, сколько раз подтягивается...

– Не реви ты, – после некоторого молчания (будто экзамен на ревление принимал) сказал директор, который хоть в отцы к пацану не набивался, но вдруг строго

буркнул. – Берем мы тебя, – и, вздохнув, он, длинный, с одной рукой, добавил. – Вставай на довольствие.

– У, елки-моталки! – рыкнул Михалыч, сжал левый кулак: палец прибил молотком, черная метила родинкой вскочила – больно!

Да ладно бы палец, бывало на стройке всякое, но... на мансарде-то что творится, хозяин как разошелся!

Давно Михалыч газет не читал. О чем читать – о гомосеках да миллиардерах? Видал он их всех в гробу и подальше кое-где видал. Читать еще о них.

Хозяин в темно-синей паре разошелся не на шутку. Не с той ноги что ли встал из своего «Ниссана». Все газеты разом прочитал шабашникам, бегая по мансарде. Спился народ, работать разучился, деньги получать не хочет, зарабатывать честно. Ну и мать-перемать через каждое слово, не по-газетному, конечно, но смачно, яростно, будто его за эту речь в Думу должны были выбрать или в другие бугры. Никогда Михалыч таких слов о своей работе не слышал. А тут услышал. Вроде бы старался, гвозди колотил, пальцы в кровь, а он: чего лупишь в доску по десять гвоздей, они деньги стоят – мои деньги, а не твои. А их зарабатывать надо, тунеядцы несчастные.

Действительно, наколотил Михалыч гвоздей. Не жалея. С усталости, что ли? Или от задумчивости. Двойку получил он за свою контрольную шабашную, опять двойку. Помолчал Михалыч, слюну проглотил.

Тридцать пять лет назад у него уже мамка была вторая и третий отец, плюс четыре брата.

То было нехорошее время для него. Еще год назад он любому бы шнобель намылил, если бы кто грубое слово сказал о вожде всех народов. Да убил бы – чего говорить. А тут вдруг по радио, в газетах, на собраниях, а тут вдруг учителя, мастера и даже директор – весь мир заверещал-закричал громко и смело, так громко и смело, что Михалыч, хотя и вырос в профшколе на 17 сантиметров, маленьким себя почувствовал, никому не нужным.

Не было бы в тот момент отца и матери, не выдержало бы сердце пацана – так бойко стучало оно, когда по радио говорили, что никакой не мудрый был отец его главный, а враг всему роду человеческому, изверг. Михалыч, пацан-допризывник, скрипел зубами, и только спокойные, добрые глаза отца и матери спасали от беды.

Она нашла его в пятьдесят пятом на речке. Он дрался с ее сыновьями. Ну как дрался: сначала он бил одного, потом его мутузили трое.

– Настя! – крикнули соседки. – Там твои детдомовца лупят, из профтехшколы.

Господи, грех-то какой – детдомовца бить! Она картошку недочищенную плеск в ведро, руки о фартук и на речку бабьим тяжелым аллюром. Не успела. Пацаны, помятые, всклокоченные, как трава некошенная после грозы, сидели на взгорье у быстрой речки и о чем-то наперебой болтали. Ну, умники! У детдомовца синяк под глазом, у младшего ухо в кровь, но стоят друг за друга стеной:

– Мы приемчики показывали, честно, мам. По самбо. Ну честно!

Зазвала всех домой, накормила. Мишка – гость – ел не спеша, знал себе цену. Улыбнулся ей, спасибо сказал и пошел. Она посмотрела на его недокормленную фигурку, на глубокие глаза. «На здоровье», ответила и больше ничего. И только когда посуду мыла, слезой неосторожной тарелку макнула и руку чуть выше локтя. Быстро справилась с собой и пацанам со всей строгостью бабы, лучшие годы которой пали в битвах на трудовых фронтах, которую выть учили «похоронки», петь учили «похоронки», жить учили «похоронки» и твердый бархатистый голос радиодиктора, которая рожала мужиков для страны, для светлого будущего всего человечества несмотря ни на что

с 38-го по 47-й годы и рожала бы хоть по 57-й год да подустала мужиков рожать... – со всей строгостью бабы русской сказала Настя пацанам:

– Мишку не обижайте.

Так нашла она себе пятого сына. На речке.

И он назвал ее мамой ровно через год. Как и все сыновья. Год кормила она его, обштопывала, обстирывала, обновы купила: брюки, рубашку, ботинки, и он вечером, когда всей семьей они примерку устроили, сказал ей для бабы самое доброе, заветное слово:

– Мама, спасибо.

А через месяц затрубили по радио страшные для Михалыча слова. Он сжался в комок, словно бы к прыжку приготовился. Не верил. Он любил, приучен был любить отца с фотокарточки, всерьез мечтал отрастить такие же усы, тренировал улыбку перед зеркалом, когда один оставался. Он не верил. Смотрел на портрет отца всех детей, в грустные глаза второй мамы и третьего папы, и в их глазах пацан-допризывник чувствовал непонимание. Приученные любить и молчать и работать, они, люди русские, молчали. То была тихая, невинная мудрость простых людей – обыкновенных. Она спасла Михалыча от внутреннего раздора, от безумных действий. Сердце угомонилось, успокоилось.

Он так и не поверил в то, что говорили про великого отца по радио. Отец все-таки. Хоть и фотокарточный. А Михалыч родителей не предавал. Его так воспитали. Хорошо воспитали, считал он. И сам он себя воспитал хорошо. Родителей не выбирают.

Закончил профтехшколу. Стал мастером-краснодеревщиком, работать пошел, принес домой первую зарплату. Родителям отдал. Сели за стол, все в сборе, кроме старшего – он на погранзаставе служил, и отца фотокарточного – его портреты все уже сняли со стен: кто изорвал в мелкие клочья, кто припрятал, кто огню предал, но почти все наклеили новые обои, стены обновили: даже метин не осталось от гвоздей, а у многих не осталось метин и в сердцах, потому что новые добрые дяди такую светлую радость наобещали всем по радио и телевизорам КВН-49, что дух захватило: коммунизм! Светлое будущее всего человечества. Хорошо-то как! Всего двадцать лет. А что это такое – с начала войны прошло почти двадцать лет! Доживем. Поработаем, в работе время быстро идет, и будем жить при коммунизме. Айда все на работу – быстрее.

И побежали без оглядки старые и малые к коммунизму, не замечая, что чем быстрее они бежали, тем быстрее приближались не только к коммунизму, но и к заветному концу, к которому ни коммунистов, ни капиталистов не тянуло. Об отце великом стали забывать. Другие люди позанимали святые места на трибунах, уверенные до одурения. Сами они одурели от светлой мечты, людей одурили, и некогда было тем и другим думать про великого отца, сопоставлять, учиться жить.

– Я же ясно сказал, стойки под стропила здесь ставить, а не здесь, – бушевал хозяин. – Память потеряли, водяру тут хлыщете ведрами. Послал мне Бог алкашню.

Боль в пальце утихла. Михалыч виновато улыбнулся: синяя пара под галстук, протопав мимо, взглянула на него.

– Чего за руку держишься, как за хрен?! – хозяин вдруг посветлел. – Пить надо меньше, не будешь по пальцам бить.

И засмеялся. Слава Богу, кажется, пронесло.

Присел Михалыч на плаху, вбил в потолочную балку скобу, вогнал между скобой и плахой клин: плотно прижалась доска к доске, волос в щель не пролезет.

– Умеете работать, когда хотите, – хозяин попрыгал по полу, у Михалыча сердце радостно заухало: будто его опять в профшколу приняли.

Тринадцать лет назад он сдавал Олимпийский объект. Это, если посчитать, до материально-технической базы светлого будущего оставалось несколько дней. Ну – недель. Ну, если сбросить на разные мелочи и непогоду, которая во время суперпохода трехсот миллионов в коммунизм не баловала – несколько месяцев.

И до Олимпиады оставалось несколько месяцев. Михалыч ее ждал, много работал. Может быть, поэтому не переживал из-за того, что о светлом будущем уже не говорили с пафосом и придыханиями в голосе, как то было во времена первой его зарплаты, когда коммунистическая надежда отвлекла простолюдье от сталинской темы. Ее в те времена как бы оставили на потом. Потом разберемся. Коммунизм забачаем, по три костюма напялим, спляшем какой-нибудь коммунистический фокстрот и поговорим, хорошо одетые, обо всем: дел-то при коммунизме особенных не будет, немного работы и много жизни.

Такое мнение было у Михалыча. Он никому не говорил о нем, в молчанку играл, хотя в штрафниках не ходил, просто строил коммунизм, делал всё, как полагается. В армии замкомвзвода был, после армии окончил заочно техникум, бригадиром работал, прорабом, женился, дочь родилась, детский сад, школа, объекты разные. Михал Михалычем уважительно звали. К коммунизму дело пошло: ГЭСы, ракеты, космонавты, заводы, гордость и радость на сердце. До светлого будущего рукой подать. Не понимал в те годы Михалыч диалектики будущего, которое, чем быстрее бежал к нему народ, тем больше удалялось от него. Странное будущее. Казалось, до него рукой подать, а нет, хрен дотянешься. А когда долго к чему-то тянешься и не достаешь, то либо надоедает все, либо... Коммунистическая гордость и радость стали затухать. Грусти еще не было у Михалыча, но радость уже заметно спала. Он не захотел верить в грустное, а когда страна взялась с жаром-пылом за Олимпийское строительство, первым крикнул: «Я!» и отдался делу со всеми потрохами. Тем более цель была светлая.

Немного пугало его слово Олимпиада. В детдоме учительница по химии была Олимпиада Тимофеевна, злюка страшная. Не любил он с детства ни Олимпиаду, ни химию. Но цель у Михалыча была. Квартиру ему обещали. А без квартиры как? Коммунизм ведь скоро, а тут хоть и двадцать три метра комната, и два новых пиджака в гардеробе, но квартиры-то своей нет. Как же в коммунизм без квартиры – плясать негде будет! Шутил Михалыч, прораб на Олимпийских объектах, но в шутке той была затаенная вера – он верил. Может быть, потому что никто еще в открытую не признался: коммунизму не быть.

В конце семьдесят девятого он сдавал Олимпийский объект и готовился получить квартиру. Не в Олимпийской деревне, положим, но в родном Пригороде. Трехкомнатную. С лоджией на шесть метров и прихожей – я тебе дам.

Комиссия на объект приехала – мать честная! Иностранцев не было, но пузатые все, как на подбор, важные. Крепко замандражировал прораб, будто дрожь похмельная била по телу, хотя не пил он недели две. Шутка сказать: под плитку все сработано, цветно, весело, как для бал-маскарада, хотя строил Михалыч обыкновенный железнодорожный вокзал подмосковной станции. Началась бодяга. То не так, это, алкаши, тунейдцы, совесть потеряли, на весь мир ославите. Опустилось все внутри у прораба и подниматься не думает: не видать ему квартиры и коммунизма. Но ведь он старался! Все по проекту делал. А уже если что недоде...

– Молчи, Михалыч! – остановил его ударом в спину начальник треста. – Веди в кабинет, там договорим.

А в кабинете круглый стол со скромным угощением по русскому обычаю: с икоркой красной и черной на закуску или деткам в подарок, с другими деликатесами, с покорным наклоном головы, уж извините, если что не так.

А не так на объекте было все. Даже после третьей стопки. После пятой, правда, что-то изменилось, а когда прораб стопкам счет потерял, дело резко пошло к коммунизму. Пропустили Михалыча в светлое будущее. Приняли объект, оклад повысили, дали квартиру – все пошло у него чин-чинарем.

Михалыч забычил чинарик «столичной».

– Как уехал! – удивился, а Димка лишь руками развел:

– Говорит, пока не переделаете, не доделаете, деньги не дам.

– Не может быть! – Михалыч глаза вытаращил, губы сжал, усы погладил и застыл на месте.

– Будет проезжать часов в девять. Время есть, – сказал Володька. – Давай поработаем.

Мужики сели на брус, задымили. Говорить не хотелось. Ветер беззвучно телепался в листьях липы, шевелил некошеную траву. Михалыч смотрел на нее сквозь дым Володькиной сигареты, сизыми завихрюшками вытанцовывающий перед глазами причудливый танец. Гибкие фигурки дыма извивались, закручивались в прозрачные спирали, ниспадали в небо то быстрыми косичками, то вялыми клубами, то бутонами цветов, проваливались в небесный огромный сосуд, а Михалыч смотрел на беззаботное вальсирование сизых клубов и не замечал, что не курит дорогую «явувявскую», что гудит где-то рядом муха.

Никогда не было с ним такого – чтобы деньги вовремя не приносить домой. Даже с недоделками принимались объекты, даже олимпийские. Ну, водочки там, коньячку-балычку, стол, а то и на дачу кому-нибудь чего-нибудь подбросит – не коммунизм еще, слава Богу, прощаются мелкие грехи, да и не для себя старался он, для трудяг: получали мужики и бабы всегда вовремя даже премии, не жаловались. А тут приехал бычара на «иностранке», уперся рогом, замычал: «Мелкие недоделки? Сами вы недоделки! Это – халтура. А за халтуру все уже уплачено. Сейчас работать надо, понятно?!»

«Недоделки», – подумал тоскливо Михалыч.

Все у него было нормально. Квартиру получил, обставил, сарай у оврага, неподалеку от дома, смастерил с погребом два с половиной метра глубиной, повышения ждал. Шел ему в ту пору сорок третий год. Это когда не боишься ни сумы, ни тюрьмы, даже коммунизма, о котором все вдруг разом забыли, а если и вспоминали, то с шуткой или со странной русской придурковатостью: мы и раньше знали, что коммунизму не будет, что все это брехня. Не нравилась Михалычу эта придурковатость русских курилок, хотя он и сам уже не верил в передовицы главных газет.

...Он возвращался вечером домой, почти добрал до новостройки. Шел спокойно. В старых домах бывало всякое. Но такого не бывало никогда: чтобы Михалыча кто-нибудь здесь тронул. Он в этих двухэтажках, если не считать солдатские три года, двадцать лет жизни прожил, свой в доску, родной, всем лично известен: от начальства до синих кепок и доходяг. Он шел спокойно. Не думал ни о чем. Полный отдых в голове. Никак он не ожидал, что его местные кореша-зеки проиграли. Первого встречного они проиграли в «секу». А он шел и мечтал телевизор посмотреть, очередное мгновение показывали из семнадцати. Вдруг из-за угла вывалился на него детина метра под два без кепки – прямо снежный человек, йети. Михалыч вытащил руки из карманов, хотел спросить: «Ты чего, кела?» а тот даже слушать не стал – схватил его в охапку и в кусты.

– Ты чего дуришь? – пробасил Михалыч, а йети его мять-подминать.

У Михалыча от неожиданности фишки на лоб: ничего себе заявочки!

– Слушай, я могу и в рожу дать! – он быстро остервенел. – Тебе брюки-то зачем?

Вместо ответа получил удар огромным кулаком по затылку. Не нокаут, а глубое грогги. Несколько секунд затемнения. Когда оно рассеялось, понял Михалыч, что этот чертов йети его пытается просто-напросто изнасиловать. Во дела! От сумы, от тюрьмы – и от этого дела! Мычит йети по-своему, кулаками, зверина, машет, кувалдометрами, а силушки у него раз в десять поболее, чем у Михалыча, победителя Олимпиады.

«Мать честная! – подумал он, устав вконец от борьбы. – Что же будет-то, как же я домой приду, к дочери?»

Он дочь свою со школы, со второй смены, встречал и водил по этой дороге, чтобы никто дочку не обидел словом дурным. Словом дурным! А тут...

Упирается Михалыч, сопротивляется, а махина сверху мнет его, лупит кулаками по голове, по бокам – нет сил. Нет силенок справиться с ворогом проклятым. Осталось одно средство спасения, крикнуть во всю глотку: Петька, помоги, Михалыча насилуют! Петька, его окна над кустами, выскочит, поможет... но ведь смеху будет, позору на всю жизнь. А у него дочка в девятый класс пошла. Стыдно кричать. А гаденыш-йети ногами по печени, под дых.

Эх, Михалыч, спасайся сам. Изловчись, извернись и молчком ему самоделку-нож в пузо двинь или хоть куда попадешь. Ну, дитя войны и детдомов, вспори ты пузо этой гадине! Упал Михалыч на правое плечо, не видно ни черта, руки-ноги-тело ватные. Темнота в глазах от кулачищ пудовых, от вечера осеннего, от задранного пиджака, совсем еще не старого, черного, под галстук, пиджака сорок шестого размера, второго роста. На работе... нож-то на работе не оставил? Где он? Где ножик родненький?! Неудобно по собственным карманам шарить в такой позе, а эта сволочь уже трусы дерет – ну придурок! Красные трусы, спортивные, неужели нет ножа! Неужели в вагончике оставил, неужели так крупно сдурил ты, Михалыч?!

«Мать честная!» – шумно ударила в голову не то мысль страшная, не то боль от очередного удара.

Есть! Повезло! Он всегда нож с собой носил в боковом левом кармане. Спокойнее было с ножом бывшему детдомовцу. С трудом просунул он руку в карман, вытащил нож, резко припал на оба плеча, раскрыл самоделку под собой, у груди, расслабился – мол, сдох, делай, что хочешь. Финт удался, йети тоже расслабился, а, может быть, свои штаны снимал, сука недоразвитая, и Михалыч с брюками на коленях, в трусах на бедрах, с пиджаком, рубашкой, майкой на голове почувал момент, подумал шально, азартно: «Вырвусь!», да вовремя понял, измотанный неравной схваткой за личную честь, что силушек не хватит вырваться, что сможет он сделать всего одно резкое, через не могу, движение.

Толчком рванулся он на локти, крутанул тело против часовой, руку правую бросил вверх с изворотом до боли в спине – угадал, попал! Нож в пузо воткнулся дылдино, вошел легко, глубоко – ах, радость-то какая, попал! Обмякла туша, ухнула по-звериному, а Михалыч, счастливый до безумия, вывернулся из-под туши вправо, с земли приподнялся, место освободил жертве своей. Мужик завалился мешком здоровенным, полупустым, бухнулся о землю, екнул, йети подрезанный. Михалыч, победитель, олимпийских объектов строитель, брюки натянул на тело неиспоганенное, пиджак от пыли отряхнул.

«Победил! Я победил!» – дрожала мысль, дрожали пальцы, колени, спина дрожала и живот, и грудь и челюсть, и зубы клацали – от счастья.

А поверженный соперник, враг, даже не стонал от обиды и боли – проиграл.

– Мужики, я человека зарезал, – спокойно сказал победитель, прошел усталым шагом к раковине, открыл кран. – Позвоните в «Скорую» и в милицию, я дома

буду, собираться, пусть приезжают. Он у седьмого лежит.

Хлопнул дверью котельной, затем по карманам: надо же, ключи не выпали.

В олимпийской квартире ждали его жена и дочь, красивые девчонки, что и говорить.

– Часов пять у нас есть, успеем, – сказал Володька, и, побросав окурки, мужики пошли устранять недоделки. – Вот повезло мне на этого борова.

Михалычу повезло с адвокатом, следователем, судьями. Нормальные были люди, советские. Он хотя и знал, что срок ему катит лет на пять, но был уверен в благополучном исходе дела. На суд народу пришло мало. Выступали, говорили, судили-рядили, характеристики зачитывали – у Михалыча во были характеристики, хоть в Верховный Совет выбирай.

Потом был приговор. Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики намотали Михалычу срок – пять лет. Он остолбенел от неожиданности, будто заморозили его под корень. А они его еще и спрашивают тем же именем, слово последнее желаете сказать? А больше что, слов не будет? Испугался Михалыч последнего слова. Роковая черта. Суд поделил приговором зал: здесь осужденный, там все остальные. Но почему? Последнее слово, роковая черта. Больше слов не будет.

Михалыч стоял за чертой и не верил, что все уже свершилось. Секунды катились в голове со сверхсветовой скоростью. Память ревела зверем. За что?! Пять лет строгача! Разве можно сажать в тюрьму человека за то, что он победил в схватке с не-людем?! Вы ошиблись, судьи, не ту строку прочитали. Мы не ошиблись, увидел осужденный в спокойных, непроницательных лицах, и в душе колыхнулось что-то мерзкое, глупое: они правы! И эта, изнутри изошедшая правда потрясла Михалыча. Он стоял, человек сорок шестого размера второго роста, между судьями, людьми и милиционерами, смотрел на них и не знал, что же сказать в последний раз, не понимал, что решение суда бесповоротное, роковое, поделившее всю его жизнь на две неравные части: перед последним словом и после него. После него будет всегда. Раз и навсегда суд вынес приговор. Разрезал жизнь Михалыча. И ни один хирург не сошьет эту рану жизни: нет таких хирургов, таких прочных ниток.

– Я хочу, – он потупил взор, – вот что сказать, – голос слегка окреп, но не выбрался из той безнадеги, в которую его вогнал приговор суда, – я помог отыскать этого гада. Он пять судимостей имел, его разыскивали четыре года. Сколько бы бед он на творил. Я его помог найти. А вы мне пять лет. А его в хорошей больнице лечили.

В зале кто-то недовольно вздохнул, и осужденный умолк.

– Вы все сказали? – спросил судья.

Михалыч посмотрел в зал, хотел узнать, кому помешало его последнее слово, удивился: полусонные лица сослуживцев, друзей, родных. Неужели им помешало последнее слово Михалыча?! Про жену-то он и не думал. Она вроде бы и любила его, но иной раз он ее не понимал. Вот и сейчас она уткнулась тупо в пол, а на лице не то ухмылка, не то скандал или бабье: «Каким был дураком, таким и остался. Не мог последнее слово по-человечески сказать».

– Да, – молвил осужденный, потому что не научили его в детдоме, в профшколе, в техникуме последние слова говорить.

Работали неохотно, зло. Не верили, что хозяин проездом заглянет, рассчитается по уговору. К восьми часам злость выдохлась, усталость выдула ее.

– Все, наелись! – махнул рукой Володька. – Рванули домой, в понедельник деньги получим, заодно и поговорим.

Уложили инструмент в бочку из-под краски, собрали вещи.

Вдруг объявился хозяин – будто эти пять часов он с чердака соседнего дома наблюдал в подзорную трубу, как устраняются недоделки. Обрадовались друг другу.

Михалыч усы крутил, негромко побрякивал.

После «беглого осмотра» объекта хозяин отсчитал деньги.

Михалыч получил две крупные бумажки по пять тысяч рублей и... оскорбился в душе: вкалывал десять дней, а заработал всего две бумажки. Володька с Димкой улыбались: «По три нуля на каждой!», а он сузил глубокие глаза, брови нахмурил.

– Ты чего обмяк, как передоенная корова, мало дали? – хохотнули шабашники.

Он не ответил, продолжая молча теребить бумажки. Что-то тут не так, а что – непонятно.

– Хватит деньги мять, погнали домой, – Володька пружинистой походкой прошел к рюкзаку, забросил его на плечо, и они поспешили на электричку.

В вагоне разработали план разговора с хозяином. Они хотели выцыганить у него надбавку процентов на пятьдесят. А что?! Инфляция. Рост цен. И т. д., как говорится. Прибавляй, хозяин.

Приехали. На вокзале разбежались – кто направо, кто налево, Михалыч прямо пошел. Мимо роддома, школы, старых домов – к «олимпийской» девятиэтажке. На перекрестке, неподалеку от вокзала (еще шум электричек не потерял силу), остановился у киоска.

– Комплект «Распутинской», – сказал с выпендрежем, протянул смазливой девчонке бумажку.

– Майкл, смотри какая?! – удивилась та, долго рассматривала купюру на свет, уложила в бумажник и с неохотой отсчитала сдачу.

Михалыч стоял гордый. Все нормально – ворох денег-бумаг отвалила девчонка. А когда он убрал их в карман, сразу приполневший, да в другой карман сунул бутылку, стало совсем хорошо.

Пошел по тротуару под длинным кленовым козырьком прямо на луну. Вечер быстро густел.

Вообще-то Михалыч никого не боялся, даже когда с деньгами ходил. Или с бутылкой ноль семьдесят пять. «Погуляем напару с луной, – пел он новую песню, сочинял то есть на бравом ходу, – хоть и с толстой, но молодой».

– Ха, ну и белибердень прет, – хорошее настроение было у него в дни зарплат, премий и отпускных. Стихи, правда, чепуховые получались и мелодии так себе, но разве в этом дело? Человеку хорошо, Михалычу. Идет он домой и песни сочиняет, никому не мешает:

Я бы с неба ее утащил
И в кровать бы с собой уложил,
О, луна ты моя, о луна,
Почему ты не любишь меня?

Мимо седьмого дома прошел, даже не екнуло, как иногда бывало, у того проклятого угла. Вступил в трехкомнатную барином, сказал жене:

– Мяса давай, пить будем.

Любил он водочку под мясо и соленые огурцы.

Жена на кухне колготилась, слегка под шафе. Выложил ворох бумаг-денег на стол, синюю бумажку показал. Жена поохала, подивилась – вечеря началась. Распили они «Распутинскую», добили остатки «Столичной», спать легли.

На первую свиданку не пришли жена и дочь.

Мать он принимал на первой свиданке в просторном «кабинете» пересыльной тюрьмы, ту мать, которая не в капусте его нашла, как и положено русской бабе детей родных находить, а на речке.

Крепкая она была. Ни война, ни стройки пятидесятых, ни шесть мужиков в

доме, ни смерть мужа (он умерил от ран военных в семьдесят пятом, когда они, проводив младшего в армию, собрались пожить по-человечески), ни суета с внуками не притомили ее, не ухайдокали. И беда Михалыча в гроб ее не уложила. «Всяко в жизни бывает, – грустно сказала она на свиданке, – держись». Он кивнул лысой головой: «Ладно, мама», хотел сказать много хорошего да стушевался, как когда-то перед директором профтехшколы, плакать, конечно, не стал, сдержался.

Первая получка была – купил он ей разноцветный платок. Мать носить его не стала, берегла, радовалась подарку. После армии опять была первая получка. Разные премии были, повышения, просто праздники – дарил он матери подарки. Но чего-то главного не успел подарить ей Михалыч. Он понимал это, хотел сказать на свиданке что-то важное, но не смог почему-то.

А она смогла и успела:

– В тюрьме тоже люди живут, держись.

С ее легкой руки повезло Михалычу на зоне. Не сделали его педиком, не стал он тубиком, не издевались над ним, не мытарили, шестерить он не мог из-за детдомовского своего происхождения. Вел себя тихо. Никому не мешал, делился всем, что было – как учили в семье и раньше в детдоме. В отцы к нему больше никто не набивался, хотя разных паханов и бугров на зоне хватало. И дури людской, и одури душевной повидал он – на всю жизнь с лихвой. И все-таки люди на зоне жили. Корешей он нашел! С бывшим детдомовцем стыкнулся. Тот пару лет спустя после него в Суворовское поступал, срезали. На зоне семирик тянул за наркотики. Не то чтобы по случаю. Дела были. И... кому-то надо за наркотики сидеть, – так он оправдывался перед Михалычем. Повезло ему на зоне. В примосковских областях отсидел срок от звонка до звонка, как и положено в таких случаях.

...Жена захрапела громко, по-пьяному отрешенно. Михалыч тоже спать хотел, еще в электричке кемарил, но сейчас тело, усталостью намагниченное, и старая тоска не давали ему уснуть. Он лежал на кровати «с краю» и чего-то ждал. Непонятно чего. Потом сознался себе, что ждал он ту мать, которая недавно приходила к нему на ночную свиданку. Родную мать ждал Михалыч в своей камере кряду несколько ночей, хотя знал наверняка, что она так скоро не придет и придет ли вообще? И сейчас он зря ждал. Но ждал. Ворошил жизнь свою, искал слова для матери, ночь плутала за окном, искала чего-то, нашла выход, поспешила в свои покои, оставив сонное Подмосковье один на один с солнцем. То звезд было черти сколько, а теперь осталось на блеклом небе за окном одно солнце. «Не придет», – зевнул Михалыч и отрубился. В два часа проснулся, носом потянул: мировая жарка на кухне готовится, пора вставать.

Поели, «резкость навели» (у него для этого всегда имелось в загашнике что-нибудь), полегчало. Захотелось рассказать жене о ночной свиданке, но не стала она слушать его бредни, буркнула:

– Лучше на рынок пойдем. Мяса купим, то-се-пятое-десятое, овощей.

Не любил Михалыч по рынкам ходить. Другие любили, а он не любил. Особенно с женой. То-се-другое. И овощей. Ха! Это она одна так покупала, а если удавалось мужа на рынок заманить, то и то, и се, и пятое-десятое, и одну сумку, и другую – и овощей в авоську. Затаривалась она, будто в последний раз. Странная была жена у Михалыча.

Обиделся он на себя и жизнь свою бестолковую: ну чего вскочил! Нужна была ему эта резкость! Спал бы на здоровье, пока она одна не ушла бы на рынок. Нет, похмелье приспичило алкашу чертову. Теперь прись за женой, как паинька-пятиклассник за бабушкой. Или тимуровец какой-нибудь.

Городской рынок кипел, бурлил. Бурчали на разные голоса продавцы-покупатели, шипела кожа и резина по асфальту, менялись лица перед глазами, толкались все. И резкость пропала от толкотни.

Вдруг слышит Михалыч писк, что-то внизу, в мешке, пискнуло, взвизгнуло – поросю старуха продает. Живность.

– Почем? – буркнул он между делом, мечтая о пиве.

– За тыщу отдам, – сказала старуха с давно потухшими глазами и обвалившимися давно плечами.

– А ну покажь, – жена-то никуда не уйдет – с бабенкой торгуется, молодую картошку хочет прикупить.

Вытащила бабка поросю из мешка, тот на волю посмотрел, на Михалыча, замешкался, задом в мешке крутанул, хрюкнул, словно бы сказать что-то хотел.

– Ты всего покажь, чего прячешь? – Михалыч даже не заметил перемен в своем недопохмеленном организме.

– А чего казать, все одно не берешь. Сглазишь еще.

Совсем, видно, были плохи у него дела. Сглазишь, ишь чего придумала, староверка несчастная.

– Почему не беру? – Михалыч доверчиво улыбнулся, и бабка заворковала настойчиво и обворожительно:

– Тут за десять кило. Почти по сто рублей. Рядом по сто сорок. Даром отдаю, некогда мне...

Взяла она поросенка на руки, как малое дитя. Мешок опал у ног исковерканным блином, а бабка товар свой и так, и эдак со всех сторон Михалычу напоказ.

– Хорошая будет свинья, – кто-то сказал, проходя мимо, явно ничего не понимая в свиньях и в настроении непохмеленного покупателя.

И сам Михалыч ничего не понимал ни в том, ни в другом. Ну белая, хрюкает, глаза прячет, не ворочается. Смирная. Не то что жена по любому поводу в бутылку лезет или на рынок тащит. Понравилась Михалычу свинья, поросенок на десять кило. Куплю и баста! Имею полное право. И сарай у меня есть. И выращу я ее, и воспитаю. Делов-то! Купил. Сорок четвертаков отсчитал, за мешок добавил, на руки взял мешок, как когда-то в роддоме дочь, как недавно внучку в том же роддоме, и домой поскорее двинулся из шумного, явно перекипевшего котла – рыночного.

Жена рядом с сумками шла, злилась, бурчала, словно проглотила сильно бурчащий детектор. Муж не слушал ее. На руках живое существо, хоть и свинья возраста поросычьего, девчачьего, греет через пыльный мешок, теплом наполняет грудь Михалыча.

– Как был дурак, так и остался, – бурчала жена, будто пластинка у нее заела на этой фразе или бурчалка сломалась, а может просто потому, что две сумки тяжело тащить.

Двести шагов не прошли, сосед навстречу канает.

– Чего купил?

– Хрю я, поросенок на десять кило, свиноматка, – созналась свинья, и – вот что удивительно! – первый встречный даже глазом не моргнул, будто Михалыч всю жизнь ходил на рынок за поросятами.

– Петрович с пятого на днях комбикорм предлагал по дешевке, зайди, пока есть, – сказал сосед и пошел дальше советы давать.

– Понял, – Михалыч погладил пыльный мешок и буркнул: – Так-то, Машка, живы будем – не помрем. У Петровича жратвы по дешевке накупим – хо-хо!

– Совсем ты рехнулся. Жениться что ли собрался на своей Машке? – съязвила жена, а тут и второй знакомый попался навстречу.

А потом и третий. И все они советы подкидывали Михалычу: у Петьки доски есть – закуток смастеришь, Валька запор сделает за пару бутылей. Шел Михалыч с

Машкой, радовался, даже резкость сама собой навелась, хотя поросенок на десять кило ему бицепсы напряг до предела, и спина гудела с непривычки, и жена вздыхала, достала своим нытьем.

...Наутро вышел из девятиэтажки человек: в черном пиджаке, в глаженных брюках, в красной рубашке, в нагуталиненных ботинках – с рюкзаком за спиной и с сумкой в руке. Усы густые, торчат по-чапаевски, глаза глубокие сияют блеском стали, улыбка бьется сквозь усы лица худого, смуглого – радостно человеку. Он план имел в голове. За пару недель они дом сдадут, штук двадцать он заработает (а то и больше – сегодня разговор по этому поводу!), материалу прикупит, сарай утеплит, чтобы Машке осенью в бока не дуло, вес не сдувало с боков.

Хороший план, крепкий шаг — Михалыч идет. Давненько он не чувствовал такого душевного подъема.

Когда с зоны вернулся, к начальству таким шагом шел. Знал, что примет его управляющий трестом как надо, найдет дело. А тот ему: «Нельзя тебе с людьми работать, статья такая. Ну и что, что ты на зоне руководил?! Здесь не зеки, а нормальные люди». Так и сказал: «Здесь нормальные люди. Хочешь, плотником иди. Без денег не оставляю по старой памяти». Нет, грозно буркнул бывший зек, из ненормальных то есть, крутанул по-солдатски и был таков. В кооператив подался, сам работенку нашел. Без сопливых. Деньжата все эти пять лет водились, председатель ушлый был мужик, себя не забывал и работягам давал заработать. Михалыч деньги в дело пускал: дочь замуж в хорошие руки отдал, свадьбу на ять справил, квартиру обновил, но... душой он маялся. Словно бы стиснули душу его крепкими клещами. Не потому что в прорабы не взяли, а потому что ненормальным назвали, нелюдем. Обидно – за честь свою стоял. Борова победил.

Гордо вышагивая по сонному асфальту, Михалыч думал-мечтал: «На Машке потренируюсь, а там штук пять заведу».

На вокзале встретил корешей. В электричке они еще раз в деталях проработали разговор с хозяином, вышли из вагона – настроение выше крыши. По бутылочке пивка шарахнули, по две на вечер прихватили, идут-шумят, Михалычеву Машку обсуждают. А он радуется – давно с ним так люди не говорили. Вроде бы ничего такого, свинья на десять кило. Шутки деревенские с секс-начинкой, но как-то по-другому стали относиться к нему кореша. Как? Да он и сам понять не мог. Шел к объекту, слушал треп парней и – человеком себя чувствовал, нормальным то есть.

До обеда работалось легко. В половине четвертого к воротам подкатила «иностранка», хозяин поздоровался со всеми: «Привет!» и с каждым – за руку.

А в четыре часа бригада уже возвращалась домой. Солнце сбоку, Михалыч ближе всех к нему, может быть, оттого и потел. А может быть, от чего-то другого. Володька шел рядом походкой крупной дичи: шаг увесистый, туловище слегка вперед, рюкзак тяжелый, спальник наверху скаткой, в руках брезентовая сумка с гвоздями и электро-рубанком наверху, губы сжаты. Димка-толстяк тоже потел – идти в ногу с Володькой было тяжело.

– Не захотел и не надо, плакать не будем. Расчет и поворот, – печатал шаг Володька, а Димка ему поддакивал:

– С голоду не умрем. У меня уже есть работа. У хозяина три «Вольво», при деньгах мужик, не то что этот бирюк.

Михалыч молчал.

Не сговорились они с хозяином, психанул тот: «Три дня пили, столько халтуры налепили, еще надбавку просите?! Это вы мне должны платить за три дня простоя. Свободны. Расчет и полный вперед».

Сказал – отрезал. Даже не подумал, что осень на пороге. А мужики тоже пошли на принцип: нет так нет, плати за разгрузку, и мы отваливаем. Расстались.

На перроне допили «вечернее пиво», жару в словах прибавилось. И шуму. Михалыч, правда, молчал. О Машке думал – чтобы тупые мысли не бередили мозги, но они бередили, мешали, тянули в прошлое – в кабинет директора профтехшколы. Он ругал себя: «Причем тут профтехшкола, забудь о ней». И забывал, и думал о Машке. Ничего страшного, подправит он ей сарай, Димка найдет объект, и председатель кооператива не оставит их без дела. Зачем горевать? Другие больше дадут. Все хорошо. Нет. Чего-то не хватало. Уверенности не хватало Михалычу.

После приговора суда поколебалась уверенность в нем. После похода к управляющему треста еще меньше уверенности осталось. На днях она вдруг окрепла непонятно почему. Жить стало спокойнее. А ведь была. Михалыч уверенный был типчик, иногда даже слишком уверенный в себе и в своем будущем.

На станции разбежались. Пока. Пока. Завтра у Володьки в шесть.

«Черт бы побрал эту жизнь, – подумал Михалыч. – Чего не сделаю, все не так. Почему, а?» Вдруг остановился он, повернулся, крикнул корешам:

– Мужики, приходите ко мне в двенадцать. Я Машку зарезу, под парную свининку чекулдыкнем водочки.

И улыбнулся доверчивой улыбкой славного дитя великого вождя всех народов. Улыбка хрупкая, готовая в любую минуту взорваться звериным оскалом – чтобы не приставали, чтобы уважали или... боялись?

– Ты что, сдурел? – Володька поправил рюкзак, поставил сумку на тротуар. – То дворец ей собирался строить, а то...

– Какой из меня свинарь? Зарезу. Мяса парного рубанем под «Распутинскую». Я для этого Машку и купил. Это я так чего-то. Наслушался всех. Выгодное дело. Из меня свинаря сделать – ха, кому это выгодно? А, мужики, приходите!

– Чудишь ты, Михалыч, – сказал Володька. – Ладно, завтра в двенадцать у тебя, пока!

И разошлись по хоженным своим дорожкам.

«Пить – не пить, чудить – не чудить, что делать, если, что не сделаешь, все не так?!» – подумал Михалыч.

Рюкзак ему надоел, носки в ботинках сбились, сумка тянула руки, но шел он быстро, чтобы поскорее покончить со всем этим.

– С чем ты хочешь покончить?! – взбеленилась жена, узнав про Машку.

Да так взбеленилась, что Михалыч даже загрустил от непонимания собственной жены: вчера хотела зарезать свинью, сегодня – расхотела. Пойми этих баб!

– И ты вчера хотел, а сегодня расхотел, – шипела то ли жена, то ли картошка на сковородке: поругались они крепко.

Жена все-таки отстояла Машку. Говядины, говорит, пожрешь со своими алкашами, в морозилке три кило. А то и на рынок сходишь. И все. И сам будешь ходить за своей поросятиной. Нет, будешь. А под нож ее не дам. Вот чувырла огородная. Уперлась, как сломанный бульдозер, и ни с места.

Махнул Михалыч перед сном стопарик для успокоения души, потом еще один, чтобы сердце работало нормально, и уснул младенцем – калачиком на левом боку.

А утром проснулся и – еще в кровати, под сопенье мирное жены – удивился: «Чего это я вчера чуть Машку не порешил?!»

Юрий ХАРЛАМОВ
(к 60-летию со дня рождения)

Об авторе | Русский поэт-пародист Молдовы, член Союза писателей России (2001 г.) и Международного сообщества писательских союзов (2007 г.). Автор 7 книг-миниатюр, стихов, пародий, эпиграмм, юморесок, участник 7 коллективных сборников. Пишет на русском и немецком языках. Отдельные произведения переведены на английский, румынский и болгарский языки. Информация о нём включена в библиографический словарь-справочник «Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях» (Кишинёв – 2003 г.), «Воронежскую историко-культурную энциклопедию» (Воронеж – 2006 г.), «Зарубежье: русская

литература сегодня» (Москва – 2008 г.). Активно участвует в литературной жизни Кишинёва и Молдовы. Заместитель председателя Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Живёт и работает в Кишинёве.

Пародии на поэтов Молдовы

Вопрос, однако...

*...Женился на болотной жабе
По глупости Иван-дурак.
...И дураку напрасно снилось,
Что стала женщиной она.*

Виктор Голков

Иной дурак даст умным фору,
Известное представив так,
Что умным остаётся впору
Лишь восклицать: - Ай, да дурак!
Итак, Иван-дурак женился.
На ком – из сказки знают все.
Но только умным и не снился
Дурак во всей своей красе.
Болотная простая жаба
Непредсказуемой была:
Нежданно обратилась в бабу,
Полцарства парню принесла...
Так кто ж дурак – кто сочетался
Законным браком с жабой той
Иль тот, кто едко посмеялся
В стихах над сказочной мечтой?

САМОУЗНАВАНИЕ

*Для того пишу стихотворенье,
Чтоб в себе мне прежнего узнать.*

Борис Куделин

Вот опять находит вдохновенье.
Значит, снова время сочинять.
Я берусь писать стихотворенье,
Чтоб в себе себя с собой узнать.
Если кто возьмёт читать, не зная
То, что мной слагалось не шутя,
Тот смекнёт, что я себя теряю,
Сам себя в себе не обретая.
Позже, так и не нащупав смысла,
Разогрев сомнения накал,
Я вконец зациклился на мысли -
А зачем себя в себе искал?

ЗАПРЕТА НА ПОЭТУ

*Зачем тебе запрета пить вино?
Не роняй своих слезёнок.
Твоя обитель для меня острога.
Лебедь однокрылая.
Из серости быта к нам сказка пришла.
Косым лучом снега коснул...*

Вера Режинская

Стихи писать вам не дано -
Напрасно не взывайте к Богу.
Коль есть запрета на вино,
То и за ляпы путь - в острогу.
Раз дарит сказки серый быт,
Молчит испуганный ребёнок,
А каждый шаг его омыт
Солёным ручейком слезёнок.
Чтоб матом вас фанат не крыл,
Пишите более ликвидно.
А если лебедь однокрыл,
То и рифмовки инвалидны.
А значит, прозой слова,
А не поэзией, косните.
Тогда фанатов станет два -
И пародист, и едкий критик.

ЗНАК СВЫШЕ

*Слышу – меня Небеса окликают.
Вижу – глазами влекут.
Звёздные реки звенят и сверкают.*

Леонид Серебряный

Слышу – меня Небеса окликают,
Вижу – глазами зовут, мол, пора.
Звон в голове ни на миг не смолкает:
Может быть, лучше уж завтра, с утра?
Я не из тех, кто за принципы дрался,
Воле Свершенья противиться мог.
Надо – так надо. Побрился, собрался...
Тут резанул мне по нервам звонок.
Я осмотрелся сквозь сетки-ресницы
И, осознав, не поверил глазам:
Надо, поди ж ты, такому присниться!
Или то знак, чтобы я не писал?

УЧИ ГЕОГРАФИЮ!

*Гуси...
Летят они на Север, в Гималаи.*

Радий Бернат

Географии толком не зная,
Но по карте полазить любя,
Он решил посетить Гималаи
И тем самым прославить себя.
Прославления не состоялось
По вине географии всей.
И поэт, призадумавшись малость,
В Гималаи направил гусей.
Те зачем-то рванули на Север
(видно, с компасом в стае беда).
А закончилась их одиссея
На полярной зимовке тогда.
Стало голодно в солнечном крае.
И, свою признавая вину,
Птицам он эпитафию справил,
Чем совсем обезгусил страну.
Слава «первопроходца» не греет.
Если б он в ряд с великими встал,
Его б Беринг повесил на рее,
А Джеймс Кук людоедам отдал.

ВЛЮБЛЁННАЯ В ЛЮБОВЬ

*Когда мне воспевать любовь дано,
Зачем юлить, притворствовать напрасно?
Когда тебя люблю, то я люблю,
Грех не любить, любить – это прекрасно!
Люблю, люблю и в радости и в горе.*

Светлана Бахрушина

Люблю любить любовь своей любви.
Я влюблена в любовь, и тем любима.
Любовь, меня любовью назови –
Я возлюблю любви любящей имя.
Влюблюсь в любовь, влюблённая сама.
Люблю любить. Любя же, опасаясь,
Чтоб от любви мне не сойти с ума.
Но страх пройдёт, и я опять влюбляюсь.
Девиз моей влюблённой жизни всей –
Любя, любить и явно, и украдкой.
Так берегись, любовь, любви моей,
Иначе залюблю. И без оглядки.

МЫ ПАМЯТНИК ТЕБЕ...

*Гласит плакат у входа на Арбат...
Теперь, Арбат, ты знаменитым стал
Ещё и тем, что ты не догадался,
Что Благовещенский тут побывал,
Прошёл – и незамеченным остался.*

Борис Благовещенский

Когда поэты в Лондоне, всегда
Отметиться спешат на Пикадилли.
Их много было тут, но вот беда –
Тут Благовещенского ноги не ходили.
Его, друзья, я в этом не виню –
Да мало ли где наши не бывали!
И на нью-йоркской Сотой авеню
Бориса тоже помянут едва ли.
Скучают Елисейские поля,
Засохли на Унтер-ден-Линден липы,
Мечтает Рима древняя земля
Приветствовать прославленного VIP´а.
От счастья светится один Арбат:
Здесь пиво пил Борис в престижном баре.
А мы, чтоб помнить, выставим плакат
У входа, правда, на бульвар чел Маре.

НОС ERAT IN FATIS

*И странное напишется письмо...
Лопатой памяти... пласты времён...
Как звенит хрустальный воздух...*

Мирослава Метляева, «Dum spiro»

Как странно появляется строка,
Рождённая нелепостями быта!
В ней есть и мысль, и чувство, и рука,
И где-то даже истина зарыта.
Лопатой памяти пласты времён
Разрою и, всплакнув, перекопаю.
Нелёгко труд, но мне поможет он:
Там в неизбежности строка другая.
Весь мир сквозь сито мозга пропущу,
Из плоти знаний выберу осколки.
Средь них ещё две строчки отыщу –
Стихи сложу
 для пыльной книжной полки.
Себя устало в кресло усажу
И смежу веки с тихим светлым стоном.
Пусть звон в ушах,
 но честно вам скажу:
Мне сладко спать
 с хрустальным этим звоном.

УЗНАЛ-ТАКИ!

*Доверчивое памяти чело
Напоминает чем-то коромысло.*

Сергей Шамота

Как-то в зеркале вурдалака
Неожиданно углядел.
Вмиг вспотел и, дрожа от страха,
Убежать от него хотел.
Но потом, приглядевшись малость,
С удивлением в нём узнал
Длани-крюки, и рамен впалость,
И очей жалящий накал.
А потом – чела коромысло,
Выю, выгнутую дугой...
Понял, что продолжать нет смысла:
Это – я, и никто другой.
Что ж, узнать себя изловчился.
Только мысль тревожит одна:
– От чего тот казус случился –
От стихов или с бодуна?

ЧТО ДА, ТО ДА

*Чёрный ворон ночью скачет,
Добыч клювом вороша...
Любовь совсем такая...
Никудышный гном-старина...*

Алексей Дука

Как-то ночью мне не спалось.
Созерцая свой альков,
Думал я, что мне досталась
Жизнь почти что без подков.
Что желал, того добился,
Мастер спорта, шахматист,
Знал языки и учился,
Стал в поэзии речист.
Что любовь совсем такая,
Понял в случае одном –
У молодки грудь тугая
Всё ходила ходуном.
Нынче стал я никудышный
Тихий гномик-старина.
– От стихов всё это, слышь ты, –
Мне твердит моя жена.
Чёрный ворон ночью скачет,
Добыч клювом вороша...
Вот и мне хана. А, значит,
Если всё переиначить,
Гибнет от стихов душа.

Об авторе | Прозаик, журналист. Родилась 26 сентября 1956 года в г. Орле в семье врача. Окончила Ленинградский университет, отделение журналистики. В 1977 году переехала жить в Кишинев. Работала в газетах "Молодежь Молдавии", "Республика", «Комсомольская правда», "Новое время". Печаталась в журналах "Дружба народов", "Кодры". Член Союза журналистов Молдовы. Член Союза писателей "Днестр".

Сегодня трудно найти человека, который относился бы к творчеству Сальвадора Дали равнодушно. Одни превозносят его, считая новым словом в искусстве, другие ругают за искусственность, аморализм, разрушение основ традиционного искусства. На протяжении своей долгой жизни художник, родившийся в Каталонии, живший в Париже, США, кровно связанный с Россией, благодаря своей жене и музе Гале (Елене Дьяконовой), много раз менял убеждения, направления живописи, сохраняя при этом верность своему завету – «выделяться из толпы». Дали был удивительно разносторонен – занимаясь живописью, театром, кино, рекламой, сочиняя стихи, мемуары, артефакты, теоретизируя об искусстве, он освещал все эти сферы деятельности отблеском своего яркого и противоречивого таланта. Творчество Дали, проложившее мост между искусством XIX и XXI веков, нуждается сегодня в новом осмыслении.

В этом контексте, наверное, многим будут интересны главы из романа Елены ШАТОХИНОЙ «ДАЛИ И ГАЛА».

Отрывки из книги «Дали и Гала»

ОТ АВТОРА: «Жизнь гения, его творчество и даже и все его любовные истории интересны не сами по себе, интересно, что из них следует и какова человеческая плата за те или иные «услуги судьбы». Поскольку энергетически гении чрезвычайно одарены природой, то многое в их жизни происходит в столь же концентрированном и «полновесном» виде. Пожалуй, этой концентрации хватило бы на 100 обыкновенных человеческих судеб. Потому многие биографии гениев так похожи на многосерийную ленту с захватывающим финалом, а по пути к нему – не менее интересными коллизиями, завязками и развязками драматических сюжетов. Трудно отлучить нас от желания взглянуть в тайны жизни неординарного человека. Суть только в том, что один смотрит на них через замочную скважину. А другой старается читать чужую книгу судьбы столь же честно, как если бы он читал историю, написанную самим Творцом, и при этом не без содрогания думал о равнодушии смерти, странном безразличии природы, равновесии добра и зла, улетающем времени или карающем мече судьбы, над которыми не властен ни один смертный человек».

ВИВАТ, США! или «ДОЛГОЖДАННАЯ АМЕРИКА»

...«**Н**аконец-то дорвались!» – самая подходящая формулировка для образа жизни дружных супругов второй половины 30-х годов. От успеха они устать не мог-

ли – он только служил им желанным допингом. Однако в этом плавном скольжении были и свои спотычки.

Дали, не отличавшийся сентиментальностью и благодарностью, безжалостно разрушал отношения с друзьями-сюрреалистами, так долго оказывавшими ему поддержку и в пору тотального безденежья – пусть и недорого – покупавшими у него картины (забавно, что эти картины втроедорога выкупались у них галереями и коллекционерами еще при жизни Дали). Как и Галя, Сальвадор быстро научился сортировать людей по признаку полезности. Это стало семейной «фишкой», где главное слово принадлежало властной Гале. Он верил ее оценкам людей безоговорочно, потому что она всегда чувала угрозу загодя, но так же бестрепетно шла навстречу любой пользе и процветанию. Но несмотря на то, что Дали находился в расцвете своей работоспособности, изобретательности и таланта и только на последнюю лондонскую выставку 1936 года представил рекордное количество лучших работ – целых 28, не считая рисунков, в прессе раздавались и скептические замечания. Некоторые из них были меткими и целили не в бровь, а в глаз. Так известно ехидное, полное уничижительной язвительности мнение английского критика из «Дейли Телеграф», написавшего, что «подобные изображения глубин бессознательного предполагают высокое умение их автора в полном сознании отдавать себе отчет в том, что вызывает интерес у зрителя».

Отчет он себе отдавал. Больше, чем кто-либо из говоривших о «бессознательном», он отлично понимал, что делает и зачем.

Публика изучала Дали, но ведь и он изучал публику! У него это получалось гораздо быстрее и лучше. К этому времени его работы стали более хладнокровными, расчетливыми и обобщенными: он уже не столько купался и копался в своих мельчайших ощущениях, сколько старался достичь максимального внешнего впечатления, понятного и без Фрейда. Он стал пренебрегать «мелочами» и деталями, уводящими в сторону от главного. Все чаще «ударными моментами» картин становились одно-два крупных и самодовлеющих изображения, поражающих формами и нестандартной интерпретацией объемов, предназначения и смысла. По сути, в работы Дали – почти искусственно и «одиоко» – начали внедряться арте-факты, которые легко было мысленно «извлечь» и использовать, как авангардную скульптуру или предметы быта (скульптуры его «предшественника» Генри Мура тому яркое свидетельство). Другой областью его творчества были рисунки и акварели – творения настоящего мастера, быстрые, легкие, точные, изящные и выразительные, подлинно «авторские», со своим узнаваемым штрихом. Одаренный художник Дали мог рисовать в любой – и реалистической, и гротескной манере. Но речи не было о том, чтобы его иллюстрации к книгам, графика в целом смогли бы сделать для славы и денег даже половину того, что принесла живопись. Поэтому рисунок составлял малую часть его жизни, вроде скоростных записей на полях прочитанной книги.

Невозможно отделаться от ощущения, что некий стратегический план, а не вдохновение творца (его он приберегал для баснословного и непрерывного извлечения фантазий), главным образом управлял жизнью Дали. Он знал, в чем он «первый» и единственный, знал, что за ним по пятам идут другие, и этим завоеванным местом на Олимпе делиться ни с кем не собирался.

Производительность Дали-художника, заимевшего такую твердую опору, как Галя, ошеломляет. Но еще больше поражает быстрая смена стратегии завоевателя и покорителя. Если он слегка надоедал в Париже – он устремлялся в Лондон и там делал сюрреализм модным. Не успев приесться Лондону – спешил с картинами в «незахватанный» Нью-Йорк, лишая кого-либо из сюрреалистов даже гипотетической возможности действовать так же быстро, тотально и эффективно! Разумеется, он творил не в безвоздушном пространстве и щедрые образы не сыпались с неба. Если внима-

тельно посмотреть работы его предшественников-дадаистов и современников-сюрреалистов, становится ясно, что Дали не гнушался «подсмотреть» у братьев по цеху какую-то деталь, идею и необозримо развить ее. Жан Арп начал работать с твердыми «мягкими» объемами и предметами раньше «яичницы Дали», Поль Дельво насыщал свои работы парадоксами одетых и обнаженных тел, Массон первый нарисовал «Градиву» еще в 1928 году, Рене Магритт задолго до Дали показал эффект голого пространства с вырастающими из «пустыни» странными предметами нарушенных пропорций, автор «Джоконды с усами» Марсель Дюшан размещал на своих картинах нечто вроде носорожьих рогов, про творчество Макса Эрнста и говорить нечего – там можно найти еще более близкие аналогии. Но какое мощное развитие и обобщение эти отдельные находки получили у Дали! И хотя избранные темы, методы, приемы могли считаться общим художественным пространством сюрреализма, у него осталось одно имя – ДАЛИ.

В этом была жестокая «историческая справедливость» – Дали оказался самым ярким и талантливым из большой плеяды движения. Техника его живописи намного превосходила соперников-сюрреалистов, фантазия его была богаче, ярче, изощреннее, и если у сюрреализма был запас неистраченных возможностей – то Дали полностью его исчерпал. Братьям по цеху практически нечего было делать рядом с ним – любая общая выставка обнаруживала его превосходство. Образная система Дали, несмотря на последующие повторы и эксплуатацию однажды найденного, была намного смелее и изобретательнее, насыщеннее и разнообразнее. Друзья-сюрреалисты просто проигрывали на его фоне даже тогда, когда их подходы казались более интимными, многозначными и философскими. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что происходит, Дали захватывал художественный рынок жадно и стремительно, по всем направлениям (картины, рисунок, акварель, иллюстрации, дизайн, теория сюрреализма, выступления, книги, статьи и т.д.), работал так, как работают сегодня лишь мега-звезды поп-культуры, снабженные огромным штатом помощников, имиджмейкеров, средствами связи и скоростным транспортом.

Пусть Дали в тридцатых годах не мог принимать участие в телешоу, он сам становился ходячим телевизором! Круги от его скандальных выступлений долго расходились по газетам и в культурной среде. А количество прочитанных Дали лекций о сюрреализме, когда он вел себя как проповедник, шоумен, актер и ведущий в одном лице, измерялось десятками. Однажды, словно в наказание за претенциозность и розыгрыш, гонку за визуальными эффектами, желание любой ценой привлечь внимание публики, попытка Дали мистифицировать публику чуть не привела к его гибели на Международной сюрреалистической выставке в Англии. Если бы не счастливая случайность, мир стал бы свидетелем самой нелепой и жалкой смерти знаменитости, которую только можно выдумать. Причем, виноватой в этой смерти оказалась бы... Гала!

Дали решил читать свою лекцию перед аудиторией в скафандре и водолазном костюме. На шлеме был установлен радиатор от автомобиля. За поясом его был кинжал, а в руке – бильярдный кий. «Водолаза» сопровождали две большие собаки – белые борзые. Он говорил через громкоговоритель, но на половине «лекции» воздух в скафандре начал заканчиваться – то ли трубку к кислороду случайно пережали, то ли не рассчитали запасов воздуха – и Дали стал задыхаться. Он отчаянно жестикулировал, мотал головой, но многие поначалу были уверены, что эксцентричный номер, что называется, «входит в программу». В это время очень некстати работал и трещал проектор, демонстрируя иллюстрации-слайды к его лекции. Гаечный ключ от «шлема» находился в сумочке у Галы. А она, как на грех, куда-то вышла. По одной версии,

когда до присутствующих дошло, что на самом деле происходит, шлем еле-еле удалось отжать кием, по другой версии (уже самого Дали), стекло в шлеме было разбито молотком, и бледный, как мертвец, художник спасен, по третьей версии – Галу с гаечным ключом все-таки нашли в самый последний момент где-то в дальних комнатах, когда Дали уже терял сознание.

Так или иначе художника извлекли из лап смерти. Когда Дали спросили, зачем ему понадобился скафандр, тот ответил, что «хотел погрузиться в глубины духа».

Комментируя этот случай, английская газета «Star» не удержалась от уничижительной реплики про «бредовое занятие» и «полоумные картины». Это не помешало Дали заключить выгодные контракты с его новым другом Эдвардом Джеймсом, который только за одну картину Дали «Геодезический портрет Галы» (образ жены не сходит с картин и успешно продается) выплатил Дали рекордную сумму в 25 тысяч франков, да еще позволил художнику «пока оставить работу у себя» для успешных демонстраций на выставках.

В самом конце 1936 года, холодным декабрьским утром Гала и Дали вновь погрузились с картинами на пароход, чтобы отплыть в Америку для открытия своей очередной выставки у Джулиана Леви. Тот постарался, чтобы эта выставка прошла с еще большим триумфом, и накануне издал свою прекрасно оформленную книгу «Сюрреализм». Но и Дали-дизайнер не остался в стороне: он придумал и издал вместе с Леви современный каталог-игрушку, равного которому публика еще не видела. На обложке была изображена полуголая женщина, к соскам которой были прикреплены две ленточки. Дернув за них, посетитель мог лицезреть несколько картин этой выставки. Она имела невероятный и заслуженный успех – ведь Дали выставил свои лучшие работы, которые он создавал на подъеме, будучи в сладостной эйфории свободы и денежной независимости. Среди них яркой звездой горело «Предчувствие гражданской войны» – срочно переименованное ввиду политической конъюнктуры полотно, носившее доселе слишком беззубое и безобидное название – «Мягкая конструкция с вареными бобами».

В Нью-Йорке Дали довершил то, что давно сумел сделать в Париже: даже словечко «сюрреализм» стало в кругах американской богемы самым модным. С восхищением американские газеты и журналы, отдавая дань необычной и интересной живописи, дающей эпатажную загадочную картинку, писали про талант паблисити у Дали, «который заставит позеленеть от зависти любого рекламного агента», а заодно отмечали необычную внешность и физическую привлекательность молодого сюрреалиста, одетого как денди.

Вслед за Оскаром Уайльдом, когда-то поразившего своим видом жителей Нового Света, Дали привез в США новый шик элегантно одетого художника.

Дали чрезвычайно понравился Америке. Самое главное – он нравился газетчикам, как «свой парень» в доску. Дали умел подавать репортерам блюдо горячим, а не остывшим. Им уже не приходилось высасывать сенсации из пальца: кричащие, абсурдные, но привлекательные афоризмы и художественные сравнения, расхвалившиеся крупными броскими заголовками, так и сыпались с языка Дали. Ничего, что английского Дали не знал, рядом с ним безотлучно находился знающий переводчик.

Газеты пока ничего не писали про внешность и поведение Галы, до поры скромно державшейся в тени гения, они не находили повода для сплетен и пересудов, но примерно к этому времени относятся загадочные слова Дали Джеймсу, что он не отказывает Гале в праве иметь любовников, сколько она захочет:

– Меня это только возбуждает!

Эта фраза стала коронной на все времена супружества и объяснением странных для верной супруги Галы поступков – и для прессы, и для знакомых.

Значило ли это, что уже тогда, при первом появлении денег, Гала взялась за старое и начала «пошалить»?

О ее любовниках того времени ничего неизвестно. Пока художник и его Муза были уязвимы, что-то еще сдерживало Галу, мешало во всю мощь показать свой характер и дать свободу «степным» инстинктам. Еще не был выстроен прочный золотой забор из долларов – защита и укрепление, еще не все крепости в округе были взяты ее «татарским набегом», еще не был наполнен чемодан под кроватью наличными долларами. Да и времени на все просто не хватало.

«Русские женщины умеют идти до конца», – гордо говорила газетчикам Гала.

«Без Галы я никто», – эхом отзывался Дали.

Удача, словно волшебная ослица, выбивающая копытом золотые монеты, упрямо и счастливо застряла для супругов на одном месте и все била и била своим копытцем. Дали раз за разом писал Бретону, что «делает все для их общего движения». Это звучало как насмешка в свете адских стараний Галы и Дали закрепить свой личный успех, но что мог поделаться Бретон и остальные сюрреалисты? Дали в эти трудные времена стал их добровольным миссионером за границей, их глашатаем, пропагандистом и агитатором движения. Выбирать и ломаться не приходилось. Вскоре и сам Бретон, и другие сюрреалисты под нависшей угрозой второй мировой войны засобираются в Соединенные Штаты.

А Дали все собирал монеты счастья. Разрекламировав в Америке свое участие в «Золотом веке», разумеется, без упоминания Бунюэля, явно ему в отместку за аналогичное умолчание о себе, с лозунгом «продаваться, так подороже!», даже посетил Голливуд. Но пристроить там сценарий сюрреалистического фильма с хорошо освоенным Дали набором образов, несмотря на некоторые обнадеживающие обещания, так и не удалось. Голливуду было не до изысков странных фантазий подсознания, не до образов дохлых ослов на роялях, не до авторского кино – он сурово ковал доллары и вышибал слезу из домохозяйек историями про милых поющих глупышек и элегантных деловых «принцев» в твидовых пиджаках. Супруги были не в обиде – весной 1937 года Гала и Дали и без того увозили из Америки хорошие деньги и хорошие договора.

Впереди супружеской паре предстояло европейское турне по «не захваченным» сюрреализмом и не оцупанным деятельной парой странам – Австрии, Венгрии и Италии. Эти победные поездки вкупе с чередующимися выставками заняли более полутора лет.

В перерывах между выставками и поездками Дали встретился со своим настоящим «отцом по духу», кумиром и идиолом Зигмундом Фрейдом, эмигрировавшим в Англию подальше от нацизма. Встречу помогали организовать двое – Стефан Цвейг, также поселившийся в Лондоне, и верный аристократ Джеймс. Несмотря на то что громкие круги после этой встречи расходились во все стороны – суть ее была проста. Дали не говорил по-немецки, да к тому же взялся во время встречи писать портрет восьмидесятидвухлетнего и значительно одряхлевшего Фрейда, которому оставалось жить всего ничего. Говорили через переводчика. Общение было коротко и поверхностно. Но «старикан Фрейд» на то и был всемирно известным ученым, чтобы даже в течение столь непродолжительного времени успеть сделать свой краткий и емкий вывод относительно сюрреализма и самого Дали.

Изучив далианские «Метаморфозы Нарцисса», Фрейд заметил приятелю Цвейгу, что «искусство не должно расширять свои границы до такой степени, поскольку качественное взаимодействие между бессознательным материалом и подсознательным

процессом должно находиться в некоторых рамках. В любом случае налицо серьезные психологические проблемы».

Вот это была рецензия! Но она не смутила Дали. Он просто не стал приводить эти слова, а, может быть, и специально не захотел. Процитированный им вариант отзыва Фрейда звучит по-другому. Гораздо мягче и подозрительно афористично: якобы Фрейд заметил, что «глядя на картины старых мастеров, ищешь в них бессознательное, а глядя на картины сюрреалистов, хочется найти что-нибудь сознательное».

Супруги Дали после встречи с Фрейдом вскоре уехали на виллу Коко Шанель в Рокебрюне на целых четыре месяца. Дали работал над картинами. Им с Шанель еще предстояло осуществить общую задумку – костюмы к одному из русских балетов. Может показаться странным, но несмотря на то, что мир вот-вот должен был взорваться страшной трагедией, люди продолжали жить вполне обыкновенной жизнью, лелеяли самолюбивые мечты, строили планы и думали о славе и популярности.

Только когда по радио начали передавать тревожные новости, Гале пришлось серьезно сесть за свои карты Таро. Одиннадцатый Старший аркан как всегда показал Гале «Силу» – неумеренность ее желаний, остальные карты предвещали большой переезд и масштабные потрясения через определенный промежуток времени.

– А знаете, будет большая война! – сказала «сивилла степей».

– Когда?! – закричали потрясенные обитатели виллы и без того напряженно слушавшие вести по радио и скупавшие все газеты. – Скоро?!

– У нас еще есть время, – задумчиво ответила Гала. – Но не так уж и много его осталось...

Она не ошиблась, предсказав точную дату начала второй мировой войны. Гале удалось предсказать все главные события жизни Дали, смерть Рене Кревеля, срок жизни отца Дали и вот так просто – даже день объявления войны с Германией. По мере того, как ее предсказания сбывались, Дали все больше убеждался, что она – настоящий медиум. Ее мистические способности увеличивали его восторг перед сверхженщиной, которую может послать человеку только Бог или Сатана.

Между делом Дали обдумывал образ Гитлера.

На пороге весны 1939 года Дали и Гала ненадолго съездили – или, скорее, попросту сбежали по проторенному маршруту за очередной порцией славы и денег в Америку.

Перед отъездом злой «мальчишка Дали» продолжал играть в свой интерес к фюреру, как избалованный инфант террибль.

– Лично я им настолько заворожен, что буквально брежу Гитлером! – говорил Дали.

Его совершенно зачаровывала пухлая мягкая спина Гитлера, которую так ладно облегал неизменный тугой мундир. Столь привлекательная мягкая податливость гитлеровской плоти приводила его в настоящий экстаз, вызывая ощущения чего-то молочного, питательного, вагнеровского. Этот новый «Парсифаль» заставлял сердце жаждущего острых ощущений Сальвадора бешено колотиться от редкостного возбуждения, которое он не испытывал даже в минуты любовной близости с Галой. Он сам в этом признался.

Правда потом, когда война закончилась, восторг Дали поутих.

А пока славная песня кожаной бретельки портупеи Гитлера, вгрызающейся в пухлое плечо, доставляла Дали животную радость.

НЕОБРАТИМЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ НАРЦИССА

В этот очередной и короткий как никогда приезд в Нью-Йорке с Дали случился казус. Он разбил витрину богатейшего магазина. Его арестовали и чуть не посадили в тюрьму. Только напрасно Гала заламывала руки, как гитана, порывалась куда-то бежать и звонить знакомым. Нет, она не зря видела во сне людей, которые взвешивали золото. Сны сбывались наяву.

Очень скоро стало ясно, что удача впиалась в них не на шутку: хоть голым на улицу выходи – все равно заплатят. Устрой скандал – тебя засыпят золотом. До этого не дошло, но случись что-нибудь подобное с кем-то, кого не звали Сальвадор Дали, упекли бы в тюрьму по первое число или наказали бы огромным штрафом.

Едва Дали приехал, хозяева фешенебельного универмага на Пятой авеню, памятуя о громкой славе художника, сразу же заказали ему оформление двух витрин магазина, выходящих на улицу. Дали выложился, как мог. Он взял за основу образ Нарцисса – ночного и дневного, по числу витрин. «Ночной Нарцисс» представлял кровать с балдахинном с буйволиными ножками-копытцами, эффектно задрапированными неровно обожженным черным атласом. Над ложем была укреплена голова буйвола с окровавленным голубем в зубах. На черных атласных простынях возлежал манекен, безразличный к нетленному огню, полыхавшему под кроватью... А «Дневной Нарцисс» – старый восковой манекен прошлого века – в чем-то повторяя знаменитую сюрреалистическую чашку и блюдце, обросшие мехом. Он непринужденно входил в ванную, обтянутую черным каракулем. Ее непроглядную сумеречную черноту подчеркивали трогательные белые нарциссы, плавающие на поверхности воды...

Народ сбежался и глазел – на что и было рассчитано. Но когда в толпе раздались реплики отдельных сильно верующих протестантов и ханжей, что «полуголый» манекен – это уж слишком откровенно, дети смотрят, администрация респектабельного универмага испугалась и решила манекен... приодеть в костюм.

Вечером Дали пришел полюбоваться на свое творение в электрическом блеске и обнаружил подмену. Никакой Спящей Красавицы! Одни пыльные манекены! Остались лишь стены, обтянутые атласом. Да как они смеют!? Разразился скандал, администрация наотрез отказывалась заменить объект. Дали залез в витрину, пытаясь в знак протеста разобрать свое творение, и в этот момент тяжелая старая ванна предательски поползла в сторону толстого витринного стекла, разбила его вдребезги, а сам художник эффектно вылетел – или выехал? – вместе с ней на мостовую в брызгах осколков! Толпа, собравшаяся у витрины, была в полном восторге от такого зрелища. Некоторые даже заплодировали, решив, что это часть представления.

Через секунду кусок отломившегося толстого стекла, как секира, обрушился сверху. Секундой раньше – и он просто отсек бы голову художнику. По-настоящему испугалась только Гала, которая перед этим просила Дали:

– Иди и поговори с ними. Пусть уберут весь этот мусор, и больше ни слова об этом!

История и фотографии разбитой витрины попали в газеты, а сам Дали – в участок, куда прибежала и Гала. Но все обошлось.

Лучшей рекламы для открывающейся выставки у Леви просто нельзя было выдумать. Дали продал картин на 25 тысяч долларов. По тем временам очень внушительная сумма! Его уже называли самым богатым молодым художником мира. Но это было только начало. Скандалная газетная слава привела к тому, что администрация нью-йоркской Всемирной выставки, которая должна была открыться в июне, заказала Дали – не без протекции Эдварда Джеймса – дизайн павильона аттракционов в сюрреалистическом стиле за баснословные деньги. Но и с этим вышел скандал – проект

Дали не утвердили, и он вернулся с Галой в Европу, перед этим еще раз поставив эффектный восклицательный знак в конце визита – с самолета выбросив на Нью-Йорк листовки с протестом в защиту своих прав художника.

Гала и Дали вернулись в Европу вовремя: в Испании как раз победил Франко, и Дали решил, что он любит каудильо сильнее, чем Гитлера. Это не помешало супругам, ввиду наступления смутного времени, тайно готовиться к большому переезду в Америку.

Но пока им предстояло убраться подальше из Парижа, поближе к морским границам, чтобы успеть убежать, едва грянет настоящий гром. Благодаря дару Галы, чуждой опасностью на расстоянии, супруги одними из первых в сентябре 1939 года покинули столицу Франции и поселились под Бордо на частной вилле «Аркашон». Причем, Гала отличилась, как всегда, сумев запаковать вещи в кратчайшие сроки. Вывезти все картины сразу не удалось. Часть их осталась в Париже. Позже на виллу «подтянулись» Коко Шанель (с ней Дали продолжал работать над костюмами к русскому балету Мясина), Марсель Дюшан и другие знакомые. Вторая мировая война уже началась, но на вилле было довольно весело – собрались состоятельные успешные люди, и никто не хотел менять свои привычки.

Ели устриц, запивая их бордосским вином, без усталости придумывали развлечения между разговорами об искусстве.

Гала была истинным мотором пейзажного жития-бытия или пира во время чумы: она без усталости приглашала всех на пикники, в поездки по ресторанам на большом американском автомобиле знакомого, который сама научилась водить. Чем было сквернее вокруг, тем ярче проявлялись качества этой удивительной женщины, тем сильнее она хотела брать от жизни все, тем больше возрастало ее жизнелюбие. Правда, никто из присутствующих не замечал, чтобы она смеялась – с этим у нее всегда были проблемы.

Дали, как всегда, подчеркивал друзьям, что они ведут с Галой на вилле поистине «единоутробное существование».

Самообладание Галы превосходило все мыслимые и немыслимые нормы. Кто-то устал от бомбардировок, как приехавший к ним приятель Марсель Дюшан; кто-то из парижской богемы пытался покончить с собой в уверенности, что настал Апокалипсис, а она коллекционировала на вилле бордосские вина, водила Дали ужинать в «Шато Тромпетт» и в «Шапо фэн», где клала ломтик душистого белого гриба с чесноком на кончик языка Дали и приказывала:

– Ешь!

– Вкусно! – восклицал Дали.

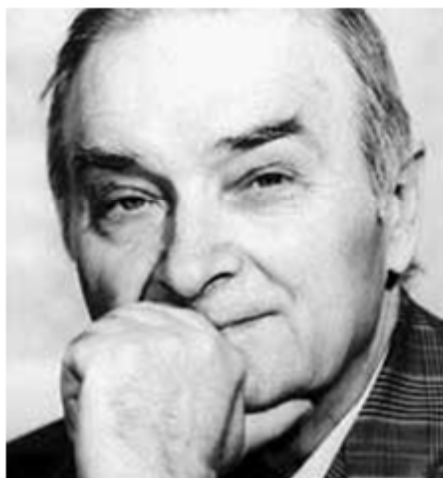
Верная Каресс Кросби давно звала Галу и Дали в США, где приготовила для них комнаты в своем загородном доме. Дали стремился в Америку. Он на всякий случай решил, что «Европа истощена изысканной мастурбацией». Но Дали и Гала решились ехать только тогда, когда немцы заняли Париж. Тут Дали уже бросил твердить о своем интересе к Гитлеру и о возбуждающей кожаной бретельке португали на белоснежном пухлом плече фюрера – его обуюл настоящий животный страх, гораздо больший, нежели на корабле во время шторма.

Он стал напиваться и пытался вырыть в саду бомбоубежище. Присущая ему трусость, бытовая беспомощность расцвели пышным букетом. И снова: если бы не его «единоутробная» жена Гала, опекавшая его покой! Все деловые решения в трудный час принадлежали ей. Упаковка картин и вещей, билеты, переписка, телеграммы и успокаивание гения лаской и тихими разговорами – тоже. В конце концов они – не без приключений в связи с начавшейся паникой и огромным количеством уезжающих

за океан – вырвались, уехали, отплыли в Америку через Лиссабон. И там, в Португалии, словно в Вавилоне, повстречали массу знакомых со всех концов Европы и, конечно, из Парижа – и Эльзу Скьяпарелли, и Ман Рэя и других, спасавшихся от фашизма.

Гала и Дали, пересекая океан, думали, что это все скоро кончится, и они вернутся через год, от силы – два, но они уехали в Америку на целых восемь лет. В Америке, куда Дали устремлялся не без уверенности и надежд, он уже был обладателем нескольких прозорливых и остроумных прозвищ, и среди них, конечно, особо выделялись с большим намеком – «Сюрреалиссимо» и «Супермен этого мира»...».

89 Ион ДРУЦЭ

Об авторе | Родился в 1928 г. в селе Городище Сорокского уезда, Молдавия. Окончил школу лесного хозяйства и Высшие литературные курсы. Автор многих книг прозы и драматургических произведений, в том числе биографических: "Возвращение на круги своя (Уход Толстого)", "Апостол Павел", "Ужин у товарища Сталина". Живет в Москве. Первые произведения Друцэ были опубликованы в начале 1950-х гг. В свет выходят сборники его рассказов, повести «Листья грусти» («Frunze de dor»), «Набирание ума разуму», «Последний месяц осени» («Ultima lună de toamnă»), «Хлеб, любовь и мужество»,

«Недолгий век зелёного листа», романы «Запах спелой айвы» («Mirosul gutuiei coapte»), «Бремя нашей доброты» («Povara bunățării noastre»), «Одиночество пастыря» и другие произведения.

В 1967 г. за пьесу «Каса Маре», повесть «Последний месяц осени» и роман «Степные баллады» (1-ю часть дилогии «Бремя нашей доброты») он получил Государственную премию МССР. В 1987 г. Ион Друцэ был единогласно избран почётным президентом Союза писателей Молдовы. Является обладателем многочисленных наград и титула «Народный писатель», а также членом Румынской Академии и Академии наук Республики Молдова.

Творчество Иона Друцэ высоко оценивается современниками. Как писал Михай Чимпой: «Своими неотъемлемыми качествами произведения Иона Друцэ... являются выражением духовного и морального сопротивления всему, что подрывает национальное, гуманное, сакральное».

Вечный пахарь

баллада

1
**Возложивший
 Руку на плуг
 И озирающийся
 Не достоин
 Царствия Божия.**

Великие слова,
 Святые слова.
 Увы...
 Хотя бабушки
 Таскали нас по храмам
 С малых лет
 И грамоте выучили рано,
 Только к двадцати
 Дошли до нас
 Слова Завета.
 И то!

Уловив суть,
 Рассмеялись:
 Кто это пашет,
 Озираясь?!
 Да и что там,
 За нами,
 Такого,
 Чтобы вертеть головой
 В двадцать лет?!
 Не морочьте нам голову:
 Есть поле,
 Есть лошади,
 Есть плуг.
 Запрягаем.
 Выезжаем.
 Лошадки — огонь.
 Плуг — чистая сталь.
 Огромный круг земли,

Огромный мир вдали,
 Огромнейшие небеса,
 И сами мы —
 Непостижимы.
 Все с нас начнется
 И нами же
 Свершится.
 Стало быть,
 Пошла, гнедая!
 Пошел, вороной!

2
 К тридцати
 Подбираются сомнения.
 Слова Спасителя
 О пахаре и плуге
 Не дают покоя.
 Само собой,
 Много не напашешь,
 Постоянно озираясь,
 Однако без этого
 Тоже не обойтись:
 Там, за нами —
 Наша вспашка,
 Наш труд,
 Наши мечтанья,
 Друзья и недруги.
 А еще дальше,
 За холмом,
 Вечерами светятся
 Пара окошек.
 Родное гнездо,
 Родные голосочки,
 Запах свежего хлеба,
 Старинный кувшин,
 Прохладный погребок,
 Дурманящий дух
 Виноградной лозы...
 “А не рановато ли?” —
 Шепчет на ушко
 Ангел-хранитель.
 И то сказать!
 День в разгаре.
 До вечера
 Пахать да пахать.
 Без вспашки —
 Нет хлеба.
 Без хлеба —
 Жизни нет.
 Стало быть,
 Вперед, вороной!
 Вперед, гнедая!

3
 К сорока
 Начинает доставать
 Демон-искуситель.
 Что это за жизнь?!
 Где нажитое добро?
 Где друзья?
 Где праздники?
 Где те сладкие прегрешения,
 О которых толкуют
 На всех перекрестках?!
 Сколько можно —
 Пахать да пахать!!
 Но тут же налетает
 Откуда ни возьмись
 Мой Ангел-хранитель
 И крылышками
 Заслоняет искушение.
 “Опомнись, друг!
 Куда тебя понесло?!”
 “Да нет, я просто так.
 Про себя. В помыслах”.
 “Все несчастья поначалу
 Зарождаются в помыслах.
 Вспашка и загулы —
 Вещи несовместимые.
 Возложивший
 Руку на плуг
 И озирающийся
 Предает свои посевы”.
 “Возможно.
 Но что делать,
 Если мы на полпути?
 Куда денем пройденное?
 Предать забвению?
 Но это значило бы,
 Отказаться
 От самих себя!
 Кто же тогда
 Пахать-то будет?”
 “Рожденные
 Под звездой пахаря”.
 “То есть опять же я?”
 “Опять же ты”.
 “Как же я буду пахать?
 Одной половинкой —
 Без своего прошлого?!”
 “Почему — без прошлого?
 Прошлое и так
 Живет в тебе,
 И имя ему —
 Внутренний голос.

Только не надо
В нем копать,
Не сооружай из него
Сладкую муку, чтобы,
Казнясь на каждом шагу,
Разрушать самого себя".
"Что же делать?
Как жить без прошлого,
Если мы
Что ни день
Торчим на перекрестках?!
У кого найти опору?
Кого спросить дорогу?"
"Помолившись с утра,
Посвятив свой день
Духу созидания,
Поставь себя
Под его защитой
И — возложивши
Руку на плуг —
Паши и сей,
Не озираясь".
"Это и есть
Жизнь человеческая?!
Так мало нам дано?"
"Это вовсе не мало.
Пахота —
Это хлеб.
Хлеб —
Это жизнь.
А жизнь дарована свыше.
Пахать и сеять —
Это значит
Множить дары Господние.
Это самое великое,
Самое заветное
Из всего,
Что только может быть".
Пахарь тяжело вздохнул.
Простите, вы, те,
Что остались за нами.
Вперед, гнедая!
Вперед, вороной!

4
В пятьдесят
Завет Господа
О пахаре и плуге —
Это уже наша судьба.
Наша суть.
Конечно, трудно
Всю жизнь
Шагать за плугом,
Не озираясь.
Прошагав день,
Версту за верстой,
Под вечер
Надоедает все.
Устали глаза,
Устала душа,
Руки-ноги устали.
Бедные лошадки
Плетутся еле-еле.
Распрягаем.
Поим. Кормим.
Сами садимся
На свежую борозду,
А сидящий на борозде —
Птица вольная.
Смотрим налево,
Смотрим направо,
Смотрим и туда,
Куда нельзя было.
И Бог ты мой!
Какое это счастье
Пройти еще раз
Исхоженными тропами!
Случайно встретить то,
Что встречено было,
Услышать то,
Что услышано было,
Обнять еще раз то,
Что обнято было,
Поклясться еще раз...
"Клятва — это грех!", —
Шепчет на ушко
Ангел-хранитель.
"Нет, я так, шутя".
"Клятва в виде шутки —
Это еще больший грех".
Господи Иисусе,
Прости нам
Грехи наши тяжкие...

5
 В шестьдесят
 Одна тоска.
 Поле рассохлось.
 Кони сдали,
 Плуг разболтан,
 Борозда —
 Одни огрехи.
 Боже праведный,
 Кто поднимает нас
 Ни свет, ни заря
 И гонит в поле.
 Исполнили же
 То, что было наше!
 Поле свое распахали
 Вдоль и поперек!
 Засевали вовремя,
 Собирали в сроки.
 Выкормили, вырастили,
 На ноги поставили.
 Бывало, грешили, —
 Кто без греха?
 Попробуй век прожить,
 Не озираясь!
 Однако свой долг
 Пред людьми
 И перед Богом
 Исполнили.
 Очаг еще теплится,
 Лампада веры светит,
 И ныне, отпущаеши
 Раба твоего,
 Владыко,
 Яко видеста очи мои...
 Стоять, тупые твари!!
 Кто взмахнул кнутом?
 "Я", — говорит Ангел.
 "Да разве может
 Такой ангелочек
 Поднять такой кнут,
 Да еще взмахнуть им?!"
 "Конечно, не могу".
 "Но как же ты
 Погнал моих коней?!"
 "Шепнул тебе на ушко,
 Что вспашка —
 Это хлеб,
 Хлеб —
 Это жизнь,
 А жизнь дарована свыше!
 И тогда твоя рука сама..."

Верно, это я взял кнут,
 Потому что
 Истинный пахарь
 Не бросит борозду,
 Не доведя ее до конца.
 Ну же, вороной!
 Наляжем, гнедая!..

6
 В семьдесят —
 Беда за бедой.
 Но главная беда —
 Это наше поле.
 Опять запустили.
 Сорняки душат
 Посев за посевом,
 А пахарей все нет.
 Это горе —
 Тяжкий грех,
 Ибо поле —
 Это хлеб,
 Хлеб —
 Это жизнь,
 А жизнь дарована свыше,
 Ее нужно свято...
 Пустующее поле —
 Это знак беды.
 Допустить нельзя...
 Кряхтя, собираемся,
 На ощупь запрягаем,
 На авось выезжаем.
 Поле — одна мука.
 Земля окаменела.
 Плуг выворачивает
 Глыбу за глыбой.
 Пыль слепит глаза.
 Ни плуга, ни коней -
 Ничего не видать.
 Пашем вслепую.
 Да и то сказать,
 Некуда смотреть,
 Некого выглядывать!
 И поле пройдено,
 И жизнь прожита.
 То, что было наше,
 Уже отошло,
 А то, что пришло,
 Уж как бы и не наше.
 "Не грехи, остановись,
 Вслушайся в тишину", —
 Шепчет мой Ангелочек.

Останавливаю коней.
 Вслушиваюсь.
 В самом деле,
 Где-то за холмами
 Мается подросток.
 Тихо так, в кулачок,
 Всхлипывает.
 Наверняка, из наших.
 Хлеборобы свое громкое
 Уже выплакали,
 Теперь всхлипывают.
 Не приведи, Господи,
 Умолкнут совсем.
 Потерпи, дружок,
 Вот-вот допашем,
 Вернемся,
 Затопим,
 Накормим,
 Затопим,
 Накормим,
 Даст Бог,
 И на ноги поставим.
 Дай дотянуть борозду.
 Дорога совсем близка.
 Она вот уже, рядом.
 Еще чуток, моя гнедая...
 Еще чуть-чуть, мой вороной...

7

Старость,
 Это —
 Когда
 Ни сил,
 Ни желаний,
 Ни поля,
 Ни лошадок,
 Ни этого, как его,
 Ну, то, на которое,
 Возложивши руку,
 Не озираются...
 Вертится на языке,
 Никак не вспомню.
 Сдали руки,
 Сдали ноги.
 Сидим в тенечке,
 На мягком,
 Но ни мира,
 Ни покоя.
 Поле! Вот наше горе,
 Наша вечная беда.

Веками залитое
 Потом и кровью,
 Преданное и поруганное,
 Осиротевшее,
 Оскудевшее,
 Одичавшее.
 Земля без усталости,
 День и ночь,
 Вопиет,
 Зовя пахарей,
 Потому что вспашка —
 Это хлеб,
 Хлеб —
 Это жизнь,
 А жизнь-
 Она дарована свыше!
 Отчуждение пахаря
 От своего поля,
 Отчуждение поля
 От своего пахаря —
 Это отпадение от Бога,
 Потрясение основ,
 Конец света!
 Мы-то что,
 Мы ко всему привыкшие,
 Но земле нашей,
 Венцу творений Создателя,
 Символу вечности
 Видеть свой закат
 Невмоготу,
 И потому
 Она день и ночь,
 Охрипшим голосом,
 Зовет пахаря:
 Ауууу! Ауууу!

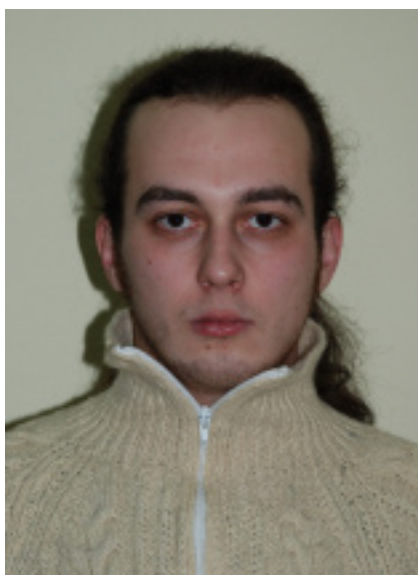
 Все впустую.
 Уж не рожают
 Наши бабы пахарей.
 В поисках лучшей доли
 Наши жены,
 Наши дочери
 Разошлись по белу свету.
 Гнездятся, где смогут,
 Рожают, где придется,
 От кого случится.
 Наши мужики
 В полупустых домах,
 В полупустых деревнях
 Стакан за стаканом,
 Все по больницам

Да по тюрьмам.
 Угас род пахарей,
 Ушел в свою землицу.
 Что поделаешь,
 Такова наша планида.
 Сижу и плачу,
 Как малое дитя.
 "Чего плачешь?" —
 Спрашивает Ангелочек.
 "От одиночества плачу".
 "Да не останется пахарь
 Никогда одиноким!"
 И вдруг поле,
 Мое родное поле,
 Пришло утешить меня.
 Под голыми ступнями
 Вдруг задышала
 Теплая борозда,
 В ладонях хруст
 Срезанных корней
 Степного бурьяна.
 А то еще вот
 Вдали замаячил
 Друг юности
 Горизонт.
 Машет платочком,
 Подает знаки.
 Хотя, похоже,
 Там еще кто-то,
 Знакомый, похоже...
 Бог ты мой!!!
 Из сладкого тумана,
 Из немислимой дали
 Выплывает и расходится
 По холмам и долинам
 Чарующий девичий голос.
 Да это же она,
 Песня юности моей!..
 Как же она начиналась?
 Я непременно должен
 Вспомнить песню юности,
 Ибо, если я когда и жил
 На этом свете,
 Только тогда и жил,
 Только тем и жил.

.....
 Горизонты, пылая,
 Все ближе и ближе.
 Песня разворачивается
 Во всю ширь,
 Во всю мощь,
 Еще миг!
 Еще стих,
 Еще шаг...
 Но вдруг поле,
 Зброшенное,
 Запущенное,
 Одичавшее поле,
 Встав на дыбы,
 Возопив к небесам,
 Рухнуло,
 Хороня под собой
 И пахаря,
 И песню его молодости.
 "Не надо было прошлое ворошить", —
 Сказал Ангел-хранитель. —
 Прошлое может дать жизнь,
 Но может и лишит ее".
 После чего
 Все утихло,
 Угасло,
 Оцепенело.
 И только по небосклону,
 Высоко-высоко,
 Далеко-далеко,
 Неслась пара коней,
 Волоча по облакам
 Опрокинутый плуг.

Москва, 2007–2008

Николай КОСТЫРКИН

Об авторе | Родился 20 ноября 1985 года в Кишиневе. Образование высшее (МолдГУ, факультет журналистики и массовых коммуникаций). Литературные публикации: альманах «Лицей», журнал «Welcome», газета «Пульс». Лауреат республиканских поэтических конкурсов. Увлечения: история, мифология. Пишет стихи и прозу в жанре мистики и квазимифологии. Своими литературными «наставниками» считает Г. Л. Олди (Олега Ладыженского и Дмитрия Громова).

Рифмач

либретто к ненаписанной рок-опере

поэма

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Непокорная вечность швыряет божественной тенью,
 Это просто оскал отмеченных жизнью звезд.
 Мы не знаем себя, но других понимать все смеем;
 Где рождается пламя, там и рождается лед.

НАЧАЛО ПУТИ

Легким шагом, быстрым шагом
 По крутым холмам,
 По низинам, по оврагам
 Путь моим стопам.

Беззаботен, свеж и весел,
 Солнца свет - в лицо.
 Сквозь поля несется песня,
 Разгоняя сон.

Воздух пряный, воздух чистый,
 Облака - гурьбой...
 Снова в путь, и в путь неблизкий,
 С лютней за спиной.

Я прошел дорог немало -
 Весь Низинный край¹.
 Молодецкого запала
 Ну хоть отбавляй.

Где б я ни остановился
 К ночи на постой -
 Всюду песней расплатиться
 Я готов с лихвой.

Ну, а коль на званый ужин
 К знатым господам
 Менестрель помпезный нужен -
 Я пою и там.

Вот и нынче в графский замок
 Направляю путь,
 Чтобы к ярмарке деньгами
 Запастись чуть-чуть.

Чтоб графиня вновь просила
 Про Тристана² спеть,
 Про его любовь и силу,
 И печальну смерть.

Чтобы граф, не поскупившись,
 Как и в прошлый раз,
 Щедро златом расплатился
 За балладный сказ.

Чтобы гости у камина
 Не могли скучать,
 Чтоб молва носила имя
 Тома-Рифмача³.

* * *

Прервалась моя дорога
 В чаще до утра.
 Я прошел сегодня много:
 Отдохнуть пора.

Меркнет свет, и оживают
 Духи здешних мест.
 Тайн твоих никто не знает,
 Вековечный лес!

Свет Луны играет тенью
 Средь густой листвы.
 Я застыл. Я гласу внимлю
 В тяжести травы...

Жутковато меж деревьев
 В чаще одному.
 Коль одной легенде верить,
 То в такую тьму

Древний Герн⁴ свою Охоту
 Начал по лесам.
 Мнится мне, что он, вот-вот - и,
 Явится мне сам...

РОГАТЫЙ ГЕРН

Я призрак на ветру, я тать в ночи,
 Я непокорен.
 И, будь спокоен,
 Я не дотронусь до тебя - кричи!

Мне некого хвалить и нечем врать,
 Меня все знают
 И восхваляют,
 Едва Охоту я успел начать.

Я буду красться, после буду ждать,
 И снова красться.
 Вам не удастся
 Душевный ужас от себя прогнать.

И песнь цикад на Белую Луну
 Сменила землю;
 И я приемлю
 В свои объятья ночь и тишину...

¹ Равнинная, южная часть Шотландии.

² Герой легенд о Тристане и Изольде.

³ Историческая личность, шотландский бард, современник шотландского короля Роберта I Брюса.

⁴ Бог леса и предводитель Дикой Охоты у кельтов.

СОН

Я долго спешил
В свою глубину,
Я видел баньши⁵
Средь деревьев - одну.

Она не желала
Растаять во мгле,
Она рассказала
Все обо мне.

Падали листья
В серую тьму,
И ветер злился...
Жалеть? Кому?!

И небо прошила
Гроза на горе.
Я слушал баньши,
Я в душу смотрел.

Кровью ручья,
Язвой огня,
Порывом ветра,
Почвой согретый

Шепот баньши,
Крик баньши;
Баньши, баньши,
Поет в тиши.

«Ступай за мной,
В седой покой.
Ты будешь один,
Но ты - со мной.

Слезы твои
Утонули в пыли.
Правда и ложь
Прыгнут на нож.

Брешью в стене,
Внутри и вовне
Жалит тебя
Человечья судьба.

Дивные сны
Дарят холмы.
Но тишины
Души полны.

Серые корни,
Желтые листья,
Жаркие споры,
Глупые смыслы -

Все это бред,
Искрошенный в пропасть;
Веришь, иль нет -
Он пощады не просит.

Ты, смертный, желаешь
Все знать наперед?!»
И образ растаял,
Растаял, как лед...

КОРОЛЕВА ФЕЙ

Мальчик спит под раскидистым дубом,
Мальчик видит забавные сны.
Мальчик, я поступлю с тобой грубо,
Стану частью твоей тишины.

Стану лезвием острым кинжала,
От которого кровью - туман.
Человеческих сроков так мало,
Чтоб сложить эльфийский курган.

Человеческих сроков не хватит,
Чтобы страстью меня напоить.
Посмотри: я сняла уже платье,
Я сегодня тобой буду жить.

⁵ Мифологическое существо у кельтов, предвещающее скорую смерть.

Я сегодня исполню желанье,
 Не одно и на целых семь лет.
 И, со мной отправляясь в скитанья,
 Ты обязан дать мне обет:

Никому ни единого слова
 Не имеешь ты права сказать.
 Только песней нечаянно-новой
 Суждено тебе отвечать.

* * *

Мальчик спит щеками в ладонях⁶,
 Мальчик спит, умывшись в ручье.
 Ты весь мир увидеть способен
 На моем прогнившем челе,

На моей старушечьей коже
 И в моих потемневших глазах.
 Стала я на себя не похожей,
 И в душе твоей пенится страх.

Обещаю, едва мы оставим
 Человеческий странный покой,
 Я в обличье своем вновь предстану,
 Снова стану я прежней,
 ...Собой.

ПОЦЕЛУЙ

Впервые с утра выбиваюсь из сил,
 Надолго лишаясь покоя...
 Хозяин Лесов, ты меня заманил,
 Куда и ходить-то не стоит.

Но дело не в том, что я долго бродил
 Иль по морю плавал изрядно,
 А в том, что ушел, как всегда уходил.
 Но вряд ли вернусь я обратно.

Чего же я ждал? Волшебной тропы
 В мечту, о которой играю?
 Один поцелуй, он просторы судьбы
 Так резко и сильно меняет,

Что не продохнуть и не вжаться в траву:
 Умение это для трусов.
 Хотя, когда эльфы в дорогу зовут,
 Со смелостью будет не густо.

Ну, что ж, любопытный и страстный Рифмач,
 Теперь ничего не поделать:
 Плотней запахнись в подорожный свой плащ,
 Давай, испытай свою смелость.

Ты фею сегодня под дубом любил,
 Меняя свободу на знанье.
 На пылкую страсть не жалел своих сил,
 А хватит ли их на скитанья?

Ты верен себе, ты, как дышишь - живешь,
 Презрев непотребную ветошь.
 Менять свою правду на чью-нибудь ложь -
 Какой в этом прок, не ответишь?

Она тебя манит своею тропой,
 С негаданно-диким узором.
 Она ведь пришла в этот день за тобой,
 Чтоб показать тебе мир за чертой.
 Кто ж знал, что все будет так скоро?..

КРОВАВАЯ РЕКА

Ты все течешь, Кровавая Река,
 Завесою у смертного порога.
 Прошу, теки степеннее немного,
 Твой стон я услышал издалека.
 Я пред тобой, Кровавая Река.

Я чую кровь, пролитую людьми,
 Объятую твоими берегами.
 Глядя на годы, скалишься веками
 И жаждущим тебя шипишь: «Возьми!»
 Они ж, испив, престанут быть людьми.

...Их было трое: фея, бард и конь,
 Из них тебя один узрел впервые,
 И ты перста холодные и злые
 К нему тянула, издавая стон,
 Учувя человеческий огонь.

И он, переживая ужас свой,
 Знакомится с Кровавою Рекой...

⁶ Поза кельтского провидца во время продолжительной медитации.

ТРИ ДОРОГИ

Три дороги,
 Сущность многих
 Непроторенных путей.
 Среди пустыни
 Все едины,
 Каждый - по своей.
 Первая тропа просторна,
 Выжжена, но все ж покорна,
 В ярды - шириной.
 По песку и по разломам,
 По родных и близких стонам
 Путь придется твой.

Легкий путь, и путь удобный,
 Не тернистый и не скорбный,
 По нему идут
 Те, кто ранит невиновных,
 Те, кто предаёт.

Те, кто жаждет наслаждений,
 Ужасается лишений,
 Те, кто читит
 Убой и смрад.

Три дороги,
 Сущность многих
 Шедших здесь людей,
 Символ строгий
 Жизней долгих.
 Хочешь? Ну, глазей!

Вот тропа бежит другая,
 Землю хищно устилает
 Здесь чертополох,
 Справа жалит бок терновник,
 Слева скалится шиповник.
 Ни один не смог,
 Начав путь по ней здоровым,
 Хмуря брови,
 Без увечий и без крови,
 Скорбью новой
 Не скалечить ног.

Милый друг, ты не захочешь
 Знать, куда тропа сия
 Выведет тебя среди ночи
 И среди бела дня.

Но узнай: по ней ступают
 Те, кто взгляд свой направляет
 В завершение пути;
 Через скорбь и сквозь лишенья
 Обрести хотят спасенье,
 В праведность прийти.

В праведность - любой ценою,
 Как своей, так и чужою,
 Мир дать всем
 И стать ничем.

К трем дорогам
 Больно строго
 Старится судьба.
 Ты взираешь у порога
 Прямо на себя...

Видишь, третья посредине
 Вьется гладко среди пустыни,
 Незатейлива, легка.
 Нас манит издаലെка
 Музыка моих собратьев,
 Раскрывает нам объятья
 На мгновенье? На века?
 Навсегда!
 Скорей - туда!

РАЗГОВОР ДВУХ КУМУШЕК

- Здравствуй, Маргарет, подружка!
 - Здравствуй, Лиззи-хохотушка!
 - Как живешь?
 - Как бог пошлет:
 Жизнь то деготь, а то мед.

- Что мне нового расскажешь?
 - Да не знаю, право, даже...
 Королевский прокурор
 Выгнал женушку во двор.
 На неделе я узнала,
 Мне свекровь нарассказала,
 Угнано у графа вновь
 Стадо целое коров.

– Неужели снова горцы?!
 – Кто ж еще?! Им все неймется!
 – О-хо-хоюшки-хо-хо!..
 – Ну, а у тебя чего?

– Все по-старому. Раз в год
 Среди скотины есть приплод.
 Дэйлы, что в соседнем доме,
 Вновь разжились на соломе.

А кузнец – ну, тот хорош! –
 Взял, заговорил нам нож.
 Положили под порогом –
 Враз ворье – другой дорогой!

Новость есть еще одна,
 Стоит всех других она.

– Не томи! Хочу послушать!
 – Ишь, как наострила уши!
 Новость эту мне несли,
 Да не знаю, верить ли...

– Ну же!..
 – Том из Эрсилдуна⁷,
 Что ходил здесь до зимы,
 В дни до Майского Кануна⁸
 Сгинул в Полые Холмы⁹!

– Томас-бард?! Да быть не может!
 Все на рассказы похоже!
 – Верь-не верь, но уж как год
 Том на праздники нейдет.

Барды новые заходят,
 Песни новые заводят.
 Некому теперь ко сну
 Рассказать про старину.

– Что ж стряслося?.. Вот забота!
 Не сгрешить бы на кого-то...
 – Хоть грехи, хоть не грехи -
 Тома утащили Ши¹⁰!

ШИ

Беззаботный народ Дуун-Ши,
 Осененный древностью знания,
 Обреченный на вечную жизнь,
 Где никто никуда не спешит
 И не тешит себя ожиданьем.

Вы глядите, и ваши глаза
 Открывают другие дороги,
 Где лишь те, кто ни «против», ни «за»,
 Где так много возможно узнать,
 Где слова превращаются в слоги.

Беззаботный народ Дуун-Ши,
 Я так много знал вас по легендам,
 Где любую строкой дорожить -
 Все равно, что спать в зимней тиши,
 А проснуться хохочущим летом.

Я не смел и мечтать о таком...
 Нет же, вру: я так жаждал всем сердцем
 Ранним утром покинуть свой дом
 И за третьим, четвертым холмом
 Отыскать долгожданную дверцу.

И теперь среди вас я иду
 По стеклянным искрящимся залам.
 И столы уж накрытыми ждут.
 Только пробовать вашу еду
 Никогда, никогда я не стану.

Без нее ваша боль - моя боль,
 Ваши страхи станут моими.
 Мы повенчаны общей судьбой.
 Этот жребий поистине мой.
 Кто ведь знает, что было б с другими.

⁷ Малая родина Томаса-Рифмача.

⁸ Бельтэйн, кельтский праздник плодородия (1 мая).

⁹ Место прохода в кельтские Потусторонние миры.

¹⁰ Гэльское наименование кельтских Богов, которых в Средние века стали считать эльфами.

НА ПИРУ

Сидишь, Рифмач, грустишь, Рифмач,
Сломленный грузом неудач.
Ты слишком часто забывал
То, чем ты жил, о чем мечтал.

Как лился твой шальной напев
Сквозь майский шепот юных дев,
Когда, счастливый, у ворот
Ты тихо плакал в небосвод.

Пируй, Рифмач, играй, Рифмач,
И самого себя дурачь!
Ты так желал сюда попасть,
Но вместо сказки вдруг - напасть.

Красоты Ши и речи Ши
Цикутой стали для души.
Что головой, Рифмач, поник?
Тебе не быть одним из них.

Увы, Рифмач, прости, Рифмач,
Ты для себя теперь палач.
Ведь не исправишь ты никак
Свой тусклый свет, их яркий мрак.

Ну, что ж, Рифмач, живи, Рифмач,
Семь лет тяжелым сердцем плачь.
Ты стал из-за любви своей
Игрушкой Королевы фей.

ГЛУБОКОЕ СЕРДЦЕ

Глубокое сердце, таинственность слова,
Увы, или к счастью, уже не нова.
Для нас очень многое было готово,
Но что выбирать нам придется сперва?

Глубокое сердце, несчастная пара,
Ее не один понесет впопыхах.
А разве еще мы не сделали паром,
Который от многих оставил лишь прах?

На сером холсте я рисую словами,
Готовые песни сокроет ларец,
И краски покроются сплошь голосами,
Напомнив о тайне глубоких сердец.

РАССТАВАНИЕ

Тихий, печальный пруд,
Мудрая вода - гладью.
Многие были тут,
Вовремя и некстати.

Тихий, печальный лик,
Смотрим в глаза друг другу.
Снова рождается стих
В доселе неведомых муках.

Синий, блестящий пар
Над головой моею.
Я принимаю дар
Моей возлюбленной феи.

Слово мое правдивей
Утренней летней зари;
Все я познаю в мире,
Желаешь владеть - бери!

Ши собрались попрощаться,
Машут руками вслед.
Я снова всем телом вжался
В конский упругий хребет.

Все пронеслось во мгновение -
Поле, дорога, река.
Домой возвращаюсь я тенью
И, к счастью, не навсегда.

Пройдет не один десяток
Унылых и славных годов,
И я возвращусь обратно,
И Ши меня встретят вновь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не знал, поверьте мне, не знал,
Что люди странные такие,
Что добрые бывают злыми,
Что злой добро зараз познал.

Не знал и, видно, не был должен;
А ведь знаешь его фомор¹¹,
Наш мир не так уж больно сложен
И не был сложен с давних пор.

¹¹ Дети кельтского морского Бога Лира, противники Дуун-Ши.

И взять с него какую плату
 За эту пресную судьбу?!
 Один раскаялся в гробу,
 Другой утешился в утратах,

 А третий ждет свой кошелек,
 За камнем тихо притаившись.
 Здесь нет ни нынешних, ни бывших,
 Ни тех, кто сдался или смог.

Они выходят за порог
 И возвращаются обратно,
 И говорят, что им приятно
 Сидеть и ждать у трех дорог.

Я стал другим и не узнал
 Тот мир, в котором жил когда-то.
 Да вы ведь тоже мне не рады,
 А мне вас просто очень жаль.

Вам что ни знания, то ересь,
 А правда слова - будто нож
 Впился в косяк над старой дверью,
 Одно носящей имя - ложь.

Увы, я видел ваши лица,
 Когда в свой самый первый раз
 Грядущим знанием делился.
 Я помню это, как сейчас,

Когда неверием и злобой
 Насмешки сыпались в меня.
 Да я не ожидал другого:
 Я ждал намеченного дня,

Когда пророчество сбывалось,
 И обходили стороной,
 Проклятьем ядовито жаля,
 Мой дом, уныло-обветшалый,
 Мой сад, разлившийся весной.

...Но солнце новое вставало
 За одинокою горой
 И предвещало новый бой...

ВЗГЛЯД В ЧУЖУЮ ДУШУ

Я гляжу в глаза,
 Я вхожу в предел;
 И помочь нельзя,
 И быть не у дел.

Средь голодных рук,
 Средь немых руин
 Я сносил испуг,
 Ибо был один.

Из бессильных тел
 Скалятся мечи.
 Для чего посмел
 Я других лечить?!

Для чего даны
 Мне мои дары?
 Почему они
 Остальным видны?

Я смотрю в глаза,
 Я в них вижу страх,
 Я в них вижу Путь,
 Где нельзя свернуть.

И в пустую тишь
 Я, безумец лишь,
 Как домой вхожу,
 И - стеною! - жуть.

Берег, волны скал,
 И морской оскал,
 И небесный свет
 На полсотни лет.

Вот и все, душа,
 Я тобой дышал,
 И теперь в бреду
 От тебя иду.

И закрылась дверь;
 Ты во мне теперь
 Свой оставишь след;
 Спросишь - дам ответ.

МАЙСКОЕ ДРЕВО

Первая полночь Мая,
Радостна Лунная Тьма.
Люди Низинного края
Свои оставляют дома.

Женщины - в красочных платьях,
В ярких цветах - мужи.
Здесь раскрывают объятия,
Здесь продолжается жизнь.

Лентами венчано Древо,
Пламя костров - до утра.
Майскую Королеву¹²
Каждый прославить рад.

Хохот людей все громче,
И хороводы - быстрее.
Но что мне все это после
Сказочных праздников фей?!

Что мне это веселье,
Песни о майских лучах?!
Флейты волшебной трели
Я не услышу впотьмах.

Я не сыграю на лютне
И не призову: «Налей!»,
И ни одна хохотунья
Не будет сегодня моей.

Так и смотрю на звезды,
Руки ласкают траву.
Или я бодрствую в грезах,
Или же сплю наяву...

Взгляды людей остывших,
Взгляды, забывшие все.
Что им веселие свыше,
Коль потеряли свое?!

Кто сейчас помнит скелы¹³,
Кто сейчас помнит Ши,
Из вас, тех, кто сумел
Против себя согрешить?!

Лишь единичными днями,
Презрев христианский стыд,
Усеиваете телами
Полей первозданный вид.

Костры улетают в небо,
Блестит неприкрытая грудь...
А утром в овраге где-то
Твердите себе: «Забудь!».

Смиритесь, глупцы, с вашей долей
Незрячих котят-слепышей,
Если не можете боле
Жизнью владеть своей,

Если боитесь помнить,
Если боитесь знать,
Коль на житье без боли
Души готовы продать!

Хотя уж давно ими ведает
Надменный христианский бог,
Который дурными заветами
В рабов превратить вас смог

И ныне, как куклами вертит,
Бросает то вверх, то вниз.
Ну что ж, продолжайте верить,
Что этим возможно спастись!..

СОНЕТ НЕВЕСТЕ

Весенний ветер ловит наугад
Дневную тишь проснувшегося сада.
Ты жаждешь очень многое узнать...
Я тоже жаждал. Где-то и когда-то.

Немало тех, кто наблюдал меня,
И все они казались мне чужими.
На, посмотри: вот я, вот снова я,
И этот, и другой, и тот, кто с ними -

Вот сколько этих сумеречных «я»,
И все они живут единой стаей.
Смотри, не потеряй же в них себя,

Хотя я не скажу, что ты чужая.
Ты хочешь быть женою Рифмача?
А что это на самом деле - знаешь?..

¹² Эпитет божественного персонажа праздника Бельтэйн.

¹³ Эпическое древнекельтское произведение.

ВОЙНА

Ножны лежат пусты,
 Ужасом полнится сталь, и пламя звонко смеется,
 Тени былых тамплиеров встают из глубин.
 И небо шотландское с вечера в ночь замечает следы
 От эдуардовой конницы, воздухом собственных спин
 Множество лет затмевающей проблески солнца,
 Чтобы шотландец живым не нашел дорогу домой.

В Тауэре вязко сплетается эхо пыточных камер
 С весельем стаканов, наводнивших пустой королевский покой.
 Последний крик радости замер -
 И расчервертованный Уоллес многие тайны увел на тот свет за собой.

Память безумных пиктов¹⁴
 Дробится о Камень Судьбы¹⁵.
 Теперь вместе с ними одною тоскою завиты
 И гэл Дал Риady¹⁶, и гордый фламандский купец,
 И дикий потомок драккаров¹⁷, глотавших морскую пыль -

И все они здесь
 Нестройным отважным потоком
 От Стирлинга¹⁸ до Бэннокберна¹⁹ за свободу жертвуют плоть.
 Кровь Уоллеса²⁰ бьет виски - единицам, десяткам, сотням.
 И толпы отважных героев за Брюсом²¹ уходят в ночь.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Я каждый день подсчитываю сроки,
 Я каждый день испытываю жизнь.
 И, коль решил, не прошу подмоги,
 И, если сник, то не пою на бис.

Любой размах кого-то задевает,
 Любая страсть съедает на корню;
 Но я и то, и то благословляю -
 Я открываюсь нынешнему дню.

Стихает битва. Меч травой от крови
 Я снова вытер и - пешком в шатер.
 Меня заждались арфа под покровом,
 И за музыкой утихает спор.

¹⁴ Докельтское население Британии, одни из прародителей шотландского народа.

¹⁵ Т.н. Сконский камень, на котором короновали шотландских королей.

¹⁶ Имеется в виду Дал Риady шотландская, форпост ирландских кельтов, переселившихся в Шотландию в V веке.

¹⁷ Корабль викингов.

¹⁸ Средневековая резиденция шотландских королей, место первой победы Уоллеса над англичанами.

¹⁹ Место окончательной победы шотландцев под руководством Роберта Брюса над англичанами.

²⁰ Шотландский борец за свободу.

²¹ Шотландский король, завоевавший независимость страны.

Над ранеными лекари склонились,
Священник прочитал за упокой,
И песня неприкаянно стремилась
Дорогою на следующий бой.

И – просьбы по финальному аккорду
Про море спеть, про горы... про любовь,
Про урожая радостные всходы,
Про сладостный приход волшебных снов.

И снова перед утренним рассветом,
Когда не дремлет только часовой,
Я снова познаю в себе поэта,
Держа свой путь за утренней звездой.

Никто меня не слышит в это время,
И мало кто решится услышать.
Я в этот час веду беседу с теми,
Кто не устал меня так долго ждать.

Мой голос над равниной льется плавно,
И щебет птиц сливается с зарей.
И в мыслях возвращаюсь я обратно,
Я возвращаюсь к ней, и к ней одной.

Я снова вижу солнечные тени,
Я снова вижу замки из стекла²².
Моя тропа так далеко вела,
Что я утратил радость жизни брэнной...

И брезжит вдалеке стальной рассвет,
И звук волынки к битве призывает.
Я снова здесь, друзья военных лет,
Я снова в бой иду. Я снова с вами!

РАЗГОВОР

– Товарищ, ты с дороги
Изрядно подустал.
Не стой же у порога,
Печально глядя вдаль!

Я пряным элем кружку
Наполнил уж тебе.
Садись. Мы будем слушать
Друг друга - о себе.

Откуда? Из Данбара²³?
Граница на замке?
А мы задали жару
В ирландском далеке.

Эх, гнали англичашек
Аж до морского дна!
Но участь бойне нашей
Нелепая дана.

Мы брали пядь за пядью,
Меня сталь на кровь,
И сюзеренов ради
Мы отступаем вновь.

Полсотни договоров
Подпишут короли,
И мы, коней пришпорив, -
Прочь, до своей земли.

Порядки таковые
Царили не всегда,
Бывали и иные,
Правдивые года,

Когда деды ходили
За дальние моря,
Всего роднее были
Им весла корабля,

И был всего правдивей
Их собственный клинок,
И тот слывал счастливым,
Кто свой ускорил срок.

Я - Алистер-с-Равнины,
Врагам вселяю жуть,
В дугласовой дружине
Мечом своим служу.

А ты? Из Эрсилдуна?
Знавал ли Рифмача?
Он самый? Ты подумай!
Ну, выпьем? За тебя!

Я рассказням не верю,
Но правду ль говорят,
Что ты волшебным феям
Товарищ, друг и брат?

²² Мифические места пребывания кельтских Богов.

²³ Город на границе Англии и Шотландии.

Ведь мало ль что случится
С шотландцем иногда!..
Иль я погорячился,
Вопрос тебе задав?

Молчишь... Ну, что ж, молчаньем
Не будешь больно сыт.
А я довольно пьяный,
И кровь моя кипит!

Мой род восходит корнем
К норвежским берегам,
И много славных воинов
Стяжали славу там.

И говорят недаром
Годов уж восемьсот:
От хищных Ульфхеннаров²⁴
Идет наш славный род.

Мечи мы обнажали
За Истину Богов,
И люди почитали
Нас, Воинов-Волков.

Но шли года, и вскоре
Пришли жрецы Христа,
И начались раздоры:
Сын предавал отца.

Пришлось Богов десницам,
Став не у дел с тех пор,
С отчизною проститься.
Но каждый брал сторицей
За страшный свой позор.

Исчадиями ада
Нас кликали теперь
За то, что были в каждом
И человек, и зверь.

Такой удел мы знаем
Уж множество веков...
Но взор твой затуманен,
Ты, видно, предсказанье
Изречь сейчас готов!

ПРОРОЧЕСТВО О ВОЛКАХ

Сердце Волка,
Страхи Волка,
Детство Волка,
Боль земли,
Листья падают на полку,
Почерневшие в пыли.

Старый Храм, давно забытый,
Много сотен лет назад,
И Алтарь, плющом увитый,
И в потемках чей-то взгляд.

Голос Волка,
Судьбы Волка,
Юность Волка,
Тень души,
Ветер, дующий с востока,
Ветер, приказавший жить.

Брак свершается Волчицы
С Волком между этих стен.
Волчий Бог жрецов десницей
Их венчает насовсем.

Жребий Волка,
Битва Волка,
Зрелость Волка -
На порог.
У желаний наших столько
Непроторенных дорог!..

Новый Волк своею властью
Поведет других с собой.
Скалясь острозубой пастью,
Ульфхеннары рвутся в бой!

Мир свою взимает плату
После Сумерек Богов:
В мир придет иная Правда -
Правда Царствия Волков!

²⁴ Волки-оборотни.

ОДИНОЧЕСТВО

И не позвать, и не поговорить,
И некого послушать у камина.
Здесь каждый лишь собою дорожит,
И каждый не дает себе прожить
Единой жизнь, истинно единой.

Низинный край от моря и до гор
Судачит, мол, Рифмач гостил у эльфов
И стал другим вот с этих самых пор.
У сплетников на слухи ум остер,
Но вот, увы, пошаливают нервы,

И потому неверие в чести;
Мы любим видеть то, к чему привыкли,
Поэтому умеем только мстить,
И часто не хватает сил простить -
Простить себя и тех, кто есть
И был...

И пить нельзя, и чудеса творить,
И душу изливать в бреду похмелья.
И разум кто-то превращает в нить...
А ведь возможно было просто жить!
Но просто жить я больше не умею.

КОГДА-ТО Я МОЛЧАЛ...

Когда-то я молчал,
Молчал и слушал, и не ждал подвоха,
И не хотел, чтоб кто-то нарушал
Столь громкую, святую тишину.
Я слышал голоса, их было много,
Направленных ко мне лишь одному.

И – лица, лица тех, кого не знать,
Что камнем быть, хоть камни больше
помнят.

Они же приходили рассказать,
Не рассказать - беседовать, напомнить.
Беседовать без надобности вопрошать,
Напомнить, но о том, чего не знаю.
Я в Королевстве фей творил обряд,
Обряд потерянных воспоминаний.

Когда-то я молчал,
Молчал и слушал правду об Артуре,
О Мордред, Тристане и Изольде,
О Мерлине и леди Нимуэ²⁵.
Я многое узнал,
И от того хотелось просто выползти
из шкуры,
Вон ото всех, бегом, ползком, в полете,
Разбиться вдребезги и быть ничем,
нигде....

... И песня родилась
Просторною и складною мозаикой,
Как будто семя почва приняла,
Взрастила на заброшенной лужайке...

Я просто пел из глубины своей,
Не думая о будущей награде.
Я песню пел ее самой же ради...

И – снова в Мир людей,
С волшебной арфой за сутулыми плечами.
И, став мостом между двумя Мирами,
Я перестал молчать и быть мудрей.

Теперь они запомнили надолго
Пророчества мои:
Про смерть монарха, алые ручьи,
Про голод и разруху в Эрсилдуне²⁶.
Еще так много
Кровавыми слезами рассказать,
Перстами теребя святые струны,
Придется мне. Покуда силы ждать
Еще не высохли, еще не растворились.
Покуда лунной ночью не явились
Олень и лань, посланцы Дуун-Ши.
Тогда настанет время поспешить.

И рыцарь Томас, даром прорицанья
Снискавший деньги, титул и почет,
Как много лет назад уйдет в скитанья,
В прощальный и последний свой поход.

²⁵ Герои легенд Артуровского цикла.

²⁶ Легендарные пророчества Томаса Лермонта.

ТРИ ГОСТЯ

Я в сердце свое впустил долголетье
И долго смотрел на его пустоту,
Которую очень давно заметил
И, выбрав дорогу, боялся: не ту!

Я в сердце свое впустил равновесье,
Оно моего не узнало лица.
Я многим поверил, измерив и взвесив,
Но мало кого воспринял до конца.

Я в сердце свое впустил отчужденье,
Сокрывшее память о прожитых снах;
И снова я Ши узнаю песнопенья,
Но лиц не узреть: на глазах пелена...

ОНИ ПРИШЛИ...

Они пришли в полсотни человек,
От лорда до последнего фигляра.
На редкость густо падал первый снег,
И ветер в спину наносил удары.

Они смотрели сотней алчный глаз,
Один другого краше и наглее.
Они считали, что и в этот раз
Понять мое пророчество сумеют.

Они считают, поняли и те,
О коих разговор велся и раньше,
Но мысли их витали в пустоте,
А страсть к познаниям отдавала фальшью.

Я вышел за расшатанный порог,
Меха не греют немощное тело.
Привыкнуть к вашим просьбам я не смог,
Как и не смог искать чужие цели.

Они кричали: «Прореки, Рифмач,
Да напрямик и не води нас за нос!»
Они кричали, и они... боялись,
И души скорбно разъедала тьма.

А я устал от ваших скучных просьб,
От страха, ото лжи перед собою,
И от желанья, что исходит врозь
С тягучей человеческой тоскою.

Сомненья ваши режут по ушам,
Метелью пробегая по затылку.
Я говорю – и вам трудней дышать!
Где ж гонор ваш, и где же ваша пылкость?!

И правда, этот бесподобный шут,
Схлестнула вас язвительно и тонко.
Вы слышите ее, а я ношу
Под самым сердцем,
Будто бы ребенка.

На ваши дни теперь нисходит ночь,
Насквозь пронзая взглядом ваши судьбы.
Я все сказал, теперь ступайте прочь,
А путь сюда - советую! - забудьте.

**АНТИ-
ИСПОВЕДЬ**

Старый Томас, что нам гром войны,
Стон чумы и вздохи старой церкви?!
Нам довольно собственной вины
За случайно взращенные ветви,

За огонь, зажженный сгоряча,
За легенду, созданную всуе.
Молодежь поет «под Рифмача»,
Вряд ли понимая, чем рискует.

Ведь для многих песня – прах и пыль:
С этим не мешало бы смириться.
Мы же снова прикрываем тыл
Тем, кто жаждет многому учиться.

Сами же стремимся лишь вперед
И довольны будем, что упали,
И, рыча на мрачный небосвод,
Рвем от сердца обручи из стали.

Но сменилась ветхая печать,
И в преддверье долгожданной тризны,
Старый Томас, научись прощать,
Не других - себя, впервые в жизни.

В ОЖИДАНИИ КОРОЛЕВЫ ФЕЙ

Найди меня по тяжести стопы,
По голове, нагой и проседенной,
И по глазам, печальным и слепым,
И по спине, изящности лишенной.

Найди меня по скрипнувшим вратам,
По стенам, обреченно-обветшалым,
По лестнице, взывающей к шагам,
По комнате, вздыхающей устало.

Найди меня по тишине струны,
По крови, престающей течь по венам,
По мыслям, что в покой погружены,
По страхам, что не возымели цену.

И ночью через тихий Эрсилдон
Олень и лань пройдут неторопливо
И будут звать меня в мой давний сон,
В мой дивный сон, спокойный и красивый,

В мой бурный сон, усладой напоенный,
Что обозначен Лунною Тропой.
... И я, седой тоскою завлеченный,
Один свой сон сменяю на другой:
Дорогой Ши – в обещанный покой...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Одни говорят, что он сгинул в холмах,
Другие – что в водоворотах,
Но каждый уверен: Рифмач навсегда
Остался с Волшебным Народом.

Но многие и через две сотни лет
Судачат и перевирают:
Мол, Томас-Рифмач выходит на свет
И лошадей похищает.

В Канун Всех Святых²⁷ одного скакуна
Уводит он полночью хмурой,
Быть может, для феи своей табуна,
А, может, для воинов Артура,

Которые спят глубоко под землей
В надежде урочного часа.
И новые люди старой молвой
Слагают красивые басни.

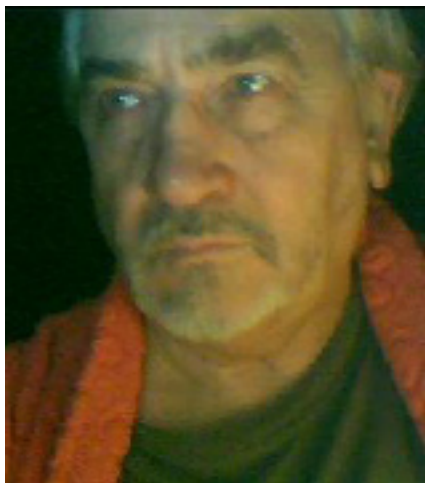
Не раз и не два были и храбрецы,
Изведать желавшие тайну,
И долго бродили с конем под уздцы
В зловещую полночь Самайна.

Но всех находили в дорожной пыли
С монетой старинной в кармане.
И страшные вещи шептали они,
Почувявши смерти дыханье.

Давно в Эрсилдуне никто не живет,
И ржавчина тешится сталью.
И сделался чуждым шотландский народ
Простой, но насущной морали.

Но Сумерки Ши уж повернуты вспять
Рукой без еды и без плети.
И много ли мы захотим вспоминать?
А вспомнить придется – поверьте!..

²⁷ Хэллоуин, в языческие времена - Самайн.

Об авторе| Родился в г. Красноярске 25 декабря 1942 года. В Кишиневе окончил среднюю школу и политехнический институт, затем заочно Литературный институт им. А.М. Горького. Лауреат литературной премии Союза писателей России «Традиция» (2003 г.). Член Союза писателей СССР, член Союза писателей России.

КОНСТАНТИНОВО

Степенный облик русского села
 Сквозь тучи – озарён
 Призывным светом!
 Душа меня настойчиво вела
 К священной родине заветного
 Поэта.
 Я весь с тобой – Есенинская весь,
 В предчувствии столичной...
мрачной вести,
 Людскую совесть исцеляю здесь,
 Отравленную
 Срамом лихолетья.
 Москва взрывала, Храмом – и меня,
 Отпевших и сгоревших в ней –
 Немало,
 Но в малой родине – утраченной
 Виня,
 Большую Родину – у многих отнимала.
 Россию. Русь...
 От рода ручеек
 Так одинок,
 Исток его - в Завете...
 Но если душу доверяет
 Бог,
 То не разрушить родину в
 Поэте.
 В душе поэта неба купола
 От потрясений мерзких не упали,
 Вновь дерзких чувств –
 Звучат колокола,
 Надежд и Веры,
 Утверждая,

Болит душа России... Но
 Река
 Кремлем Рязанским отразит её
 Величье,
 Как Енисей – ты мне близка –
 Ока,
 И как Днестру – к тебе не безразличен.
 Судьбой клянусь...
 А долю не клянусь,
 Грядущим –
 Настоящее,
 Страшая.
 Но посвящаю жизнь свою –
 Одну,
 Одну лишь жизнь – я жизни посвящаю...

3 октября 2003

ГОСТИНИЦА «УКРАИНА»

Оглохший от взрывов, слепой от воззваний
 Верховный Совет защищали
 Славяне.
 «А мы не славяне?» –
 «Вы нас расстреляли,
 Чуваш и татарин – здесь
 Русскими стали!
 Россия горит над Москвою рекою...»,
 «С ней беды делить?
 С такою плохую!».
 И крики, и смех, и восторги салюта –
 Грядёт по России
 нерусская смута!
 На Крымском мосту скрипка с флейтой
 Звучали,
 Под выстрел и взрыв –
 южный танец
 Плясали,
 Мразь пляшет: «Свобода!
 А совесть – в руины!»
 На горе народа – смотри,
 «Украина».
 И стены, от сажи чернея и дыма, –
 Пожары предскажут Кавказа и Крыма:
 «Смотри, Украина, –
 Россия в прицеле,
 Чтоб ты и она – лишь осталась отелем!»

«Смотри, Украина...» – «Какое мне горе?»
 «Но души в руинах у братьев по крови!».
 Славянского Храма!
 Смотрите народы - не лестно,
 Но честно:
 Прозреем в знамении
 Кары небесной?
 Пусть грязь лихолетий и кровью месила,
 Но судьбы планеты спасала
 Россия...

4 октября 1993

ВИKTOPУ ИВАНОВИЧУ КОЧЕТКОВУ

Спасибо Вам, Виктор Иванович,
 Державный поэт Кочетков,
 За то, что народные раны
 Врачуete честью стихов.
 Огнем, выверяя, и сталью
 На фронте и в вечном бою,
 России – свяшенно отдали
 Приволжскую душу
 Свою.
 Вы отдали. Жизнь посвятили,
 Победу – из смерти
 Познав,
 Из горя, из лагерной пыли
 Былинною былью восстав!
 И я – из Двадцатого - родом,
 Потомок Победной войны,
 Той, на которой с народом
 Добыли величье страны –
 Запомнил, и снова и снова
 Скажу тем, кто Правду забыл,
 Что Ваше Народное Слово –
 И мой не разрушенный тыл.
 Во мне - правоту укрепили,
 Чтоб смог я достойно беречь
 ОТЧИЗНЫ – честные силы!
 Их ведает русская речь.
 И в вечном бою –
 Первозванном –
 Своей, пусть судьбой небольшой,
 Врачую
 Державную рану,
 Что стала моею
 Душой...

19 января 2000

ПОСЛАНЕЦ РУССКИЙ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ...

Есть жертвоприношение.
 Нет
 На шее пятен.
 Кровь вне вены.
 Но семьдесят клеветают лет,
 Глумясь над телом убиенным.
 Ну, хватит!
 Будет о петле...
 Я ваши подлости разрушу,
 Вам душу не предать хуле,
 Есенина
 святую душу.
 Но почему? Не знаю сам,
 Зерно десницы – время мелет:
 Россия! Верит
 Голосам,
 Как горький пьяница в похмелье.
 Чернеют небо и земля.
 Как души – в отрешенье
 Слова.
 Опять захватчики Кремля
 Торопят время Иеговы.
 Литературные рабы,
 Наживы, с наглостью мистерий,
 Внесли истории гробы
 Под визг пророческих истерик.
 Ну, вы, пророки!
 За порог!
 Среди имён святых – нет места,
 Кто про «пространства» не изрёк?
 В расчёте мора и нашествий!
 Русь – не «пространство»,
 Но Простор!
 Хранит его - Архангел горний,
 И поруганье, и позор –
 Как ругань выметет из горниц!
 В них не убежище имён.
 Сергея дух
 Царит нетленный...
 И пусть иконой светит он,
 Посланец русский,
 Из Вселенной!

3 октября 1995

Борис МАРИАН

Об авторе| Главный редактор журнала «Молдова». Известный молдавский публицист, поэт и переводчик, общественный деятель, автор нескольких стихотворных сборников на русском языке – «Третья радуга» (1985 г.), «Тюремная тетрадь» (1996 г.), «Корабль Судьба» (2000 г.), «Наедине со всеми» (2006 г.) и др., ряда книг документальной прозы на молдавском языке («Школа Хорозова», «Семеро из космоса» и др.), детских книжек и более тысячи статей – на обоих языках. Лауреат премии СЖ Молдовы в области публицистики (1977 и 2000 гг.), других республиканских и все-союзных литературно-публицистических премий. Правительственные награды:

Орден «Gloria Muncii» (2000 г.), «Орден Республики» (2006 г.), венгерская медаль «Революция 1956 года» (1996 г.).

Родился 27 сентября 1936 года в зоне Республики Молдова, называемой ныне Приднестровьем, в крестьянской семье, которая вскоре после войны переселилась в Бессарабию. Член Союза писателей Молдовы и СССР. Ни в каких партиях не состоял и не состоит.

К читателю

Первым делом поздравляю нашу писательскую братию с рождением нового журнала, который, как я надеюсь, станет благодатным полем по выращиванию новых литературных дарований и ареной, на которой будут соревноваться и блистать зрелые таланты, уже известные имена.

Во-вторых, представляя на суд читателей подборку своих стихотворений, хочу признаться, что к большинству новых я присоединил несколько давно написанных, но нигде не публиковавшихся (например, «Себе на день рождения»), а также пару ранее опубликованных в моем последнем сборнике «Наедине со всеми». Это потому, что они (например, «Моя родословная» и «Так закаляется сталь»), будучи автобиографичными, подробнее расскажут обо мне читателям, полнее и глубже представят меня как поэта. Для меня это очень важно, в особенности потому, что передо мной – новое читательское поколение, к которому хочется обратиться по-пушкински: «Здравствуй, племя, молодое, незнакомое!»

СЕБЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Под серым, под чуждым,
 Под плачущим небом,
 В лесистой пустыне,
 Унылой, как тень,
 С проклятьем судьбе,
 С черным лагерным хлебом
 Впервые я встретил
 В неволе свой день.
 И месяц,
 На вид нездоров и немолод,
 Глядел часовым
 Сквозь колючую сеть,
 Решеткой стальнойю
 На части расколот,
 И мне захотелось
 О родине петь.
 И пел я о доме
 В далеком селенье,
 О жемчуге тихих
 Мерцающих звезд –
 Тех, что светили мне там
 При рожденьи,
 Тех, под которыми жил я и рос.
 Я знал иной месяц –
 Был нов он и молод,
 Глядел он задорно
 Сквозь зелени сеть.
 Он не был решеткой стальнойю
 Расколот,
 И мне не хотелось
 О родине петь.
 Короток мой путь,
 И скорбна моя песня,
 Ушел 21-й истерзанный год,
 Но вера –
 Мой друг и мой верный кудесник
 Железным приказом
 Велит мне:
 «Вперед!»

*Дубравлаг, пос. Сосновка,
 27 сентября 1957*

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Когда от Понта до Толедо
 Рим дал народам status quo,
 Легионером был мой предок,
 Он завоевывал восток.

Когда встал против римлян рьяно
 Вождь вольных даков Децебал,
 Мой предок строил вал Траянов,
 Строптивых даков усмирял.

Праматерью была дачанка
 Без платьев, веры и манер,
 И этой пылкой маркитанткой
 Ласкаем был легионер.

Но оба предка не узнали,
 Любовь свершая у костра,
 Что новый род они зачали
 Меж волн Дуная и Днестра...

Сменялись пращурьы и деды,
 Земля цвела от их трудов,
 То пораженья, то победы
 Ложились в хартию веков.

Пасли овец, лозу растили,
 И турок били, помолясь,
 Потом им долго дань платили,
 Но чтим всегда был крест и князь.

Отмечен был за подвиг ратный
 Боярской шапкой пращур мой,
 Но князь забрал ее обратно
 За дерзость вместе с головой.

Был весел прадед мой и беден,
 Любил вино и лошадей,
 Он в церкви пел в часы обеден,
 А вечерами – у б...

Зато уж дед мой вышел в люди –
 Крутой, угрюмый был старик –
 Обедал на злаченном блюде
 И молвил при смерти: «Достиг!»

Отцу достался только мусор,
Гражданской смуты времена,
Власть не пришла ему по вкусу
И стала драть его она.

Драла уж, драли б ее черти,
В тюрьме и в ссылке – он привык,
На волосок бывал от смерти,
Но Бог не выдал – жив старик!

И я попал в политиканы
Раненько, в девятнадцать лет,
Нарсуд учел мои таланты:
Пятак мне дал – пиши привет!

И вот, потомок гордых даков
И римлян, грозных на века,
Я жгу костер перед бараком,
Пеку картошку для з/к.

Одно лишь утешенье, кстати:
Со мною тянут срок, не миг,
И гордый внук славян в бушлате,
И финн, и друг степей калмык...

Дубравлаг, пос. Явас, 1957

НОЧЬ ЗА СЕЛОМ

Кровавый шар катился сквозь туман
Над темной зеленью,
Озябшей в пору лета,
В овраг летели, как в пустой карман,
С небес мохнатых звездные монеты.

Пропел петух - владетель древних прав
Будить людей и отмерять им время,
Скрипел во сне колодезный журавль,
Стремясь взлететь
И сбросить свое бремя.

Сова стонала, оглашая мглу
Невиданной космической печалью,
Должно быть, пела:
«К своему углу,
Бездомная, когда же я причаляю?..»

Тараклия, 1963

ЛЮБОВЬ И ЛЕД

Я теперь представляю, родная,
Ледниковый период земли:
И меня проняла ледяная
Та же эра твоей нелюбви.

Как на крыльях неслась ты к другому,
Бросив раненым в поле меня,
Не подав человеку родному
Ни воды, ни надежд, ни огня.

Будто сбросив постылое бремя,
Ты ласкалась с другим на виду –
Леденели пространство и время,
Мое сердце застыло во льду.

Надо мной воронье не закружит,
Отпевать вряд ли кто-то придет...
Через сотню веков обнаружит
Тело в льдине ученый народ.

Не узнает, однако, причину
Ни одна из ученых голов:
Кто поверит, что льдину – кручину
Породила твоя нелюбовь?!

Кишинев, 1997

* * *

Говорят, на том свете
есть рай
С соловьиной, вовек несмолкаемой
песней,
Но молю тебя, Боже,
меня не карай
Ни тем раем, ни вечностью пресной.
А оставь меня, здесь,
на зеленом ковре,
В красных пятнах клубники
под акацией белой,

Когда солнце тюльпаном горит
на заре
И восторгом бытья
наполняется тело.
Буду жить в шалаше,
умываться в ручье
И возделывать грядки
с нестарой женою
На земле этой, Боже,
твоей и ничьей,
Лет хоть триста...
а если заную,
Забери меня раньше к себе
и сподобь
Стать меж раем и адом стеною.

Март, 2007

* * *

Улыбнись, ангел мой, улыбнись –
Нет, рассмейся жемчужно и бойко.
И вдохнешь ты огонь в мою жизнь,
Что слегла на больничную койку.

Погляди на меня, погляди
Животворным ласкающим взором,
Чтобы сердце, что тлеет в груди,
Полетело жар-птицей
Над бором.

Ты не раз так спасала меня,
Вызволяя улыбкой и словом
Из беды, из тюрьмы, из огня,
Укрывая волшебным покровом.

Не пробьют этот легкий покров
Ни наветы, ни пули, ни злоба...
Так рассмейся – я снова здоров,
Похохочем, как прежде, мы оба!

Из цикла «Фаянсовый Китай»

ТАНЕЦ ПАВЛИНА

Там, где с Бирмой граничит Китай,
Где в нефрит превращается глина,
Китайка народности тай
Танцевала нам танец Павлина.

Это был шелко-радужный вихрь
Вокруг гибкого страстного тела,
И никто б не остался в живых,
Если б только она захотела.

Но пришли мы в то племя с добром,
И добром отвечала колдунья,
Извиваясь над тихим костром,
Как живой иероглиф Гандуня¹.

Под журчание горной реки
И небесную музыку Будды
Чужестранцы, одни мужики,
Восторгались мы девочкой-чудом.

Всем казалось, -
его одного,
Она манит под горные своды,
И непонятый до того
Сказ танцовщицы юной
Джан Го
Стал понятен без перевода.

Там, где с Бирмой граничит Китай,
Где в нефрит превращается глина,
Китайка народности тай
Танцевала нам танец Павлина.

*Ганджоу – Кишинев
Июль 2008*

¹ Юго-западная провинция КНР, где проживают национальные меньшинства.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Ну закрой натруженные очи,
Успокойся – мы с тобой одни,
Отоспи недоспанные ночи,
Отгуляй измученные дни!

Есть ли ад на том, на свете вечном,
Точно я не ведаю того,
Но на этом есть, и он, конечно,
За порогом дома твоего.

Это твоя доля и недоля –
Пьяный муж и злобная семья,
Но тебя я вырву из неволи,
Радость и единственность моя!

2007-2008

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

«Будь самым, будь лучшим, будь первым!» –
Толкала природа меня...
По бритвам ходил я, по нервам,
Бросался в огонь из огня.
Тонул я в Оби и в Дунае,
В безводной степи иссыхал,
Судьба, точно лодку цунами,
Швыряла меня среди скал.
В Мордве, Воркуте, в Зауралье
Морил меня голод и гнус,
И в диком гулаговском ралли
Объездил я в поисках рая
Огромную зону – Союз.
И всюду –
«Будь лучшим, будь первым!» –
Звал внутренний голос меня...
Был брошен я в топку к неверным,
Но ангел мой спас из огня.
Был взорван в барже на Байкале –
Она была зеков полна
(Чекистам за «подвиг» тот дали
По ордену с водкой в бокале),
Но Бог меня поднял со дна...

Я первым не стал в этих гонках,
Но понял, отринув печаль,
Как выжить и жить для потомков
И как закаляется сталь.

Март-ноябрь 2005

Виктор СУНДЕЕВ

Об авторе | Родился в 1951. Кинодраматург, поэт, публицист. Окончил филологический факультет Кишиневского государственного университета (1973) и Высшие двухгодичные курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР (1990). Автор почти 50 документальных и научно-популярных фильмов и около 200 телепрограмм. В. Сундеевым выпущены сборники стихов "Вечный двигатель любви" (1997), "Солнечный запас" (2000), "Третий срок" (2001) и книга сатирических повестей и рассказов "Кураж и мандраж" (2005). В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге. Главный редактор журнала «Северо-Запад: сегодня и завтра».

ПОСЛАНИЕ

Этот город отточенных форм,
Вознесенный над водной стихией,
Сохранил он и годы лихие,
И ликующих лет перезвон.

Этот город и вызов, и зов...
Он - посланье особого рода,
Где азарт и царя, и народа
Воплотился в ансамбли дворцов.

Этот город - гранитная честь
Хлебосольной и верной России,
Что бы ветры сюда не носили,
Но она, неразменная, есть.

И Нева полноводно течет,
Общий тон задавая работам,
За любым городским поворотом
Незаметно Отвага живет.

Этот город бывает суров,
Этот город бывает мятежен,
Но ночами он белыми нежен
И к любовной горячке готов.

Этот город не лезет в друзья,
А, сдружившись, ни в чем не обманет,
Потому-то к себе он и манит,
Что кривить с ним душою нельзя!

* * *

Как сугробы в час пурги,
Так растут мои долги...
И чем старше становлюсь,
Тем весомей этот груз.
Должен много я Днестру,
Где рыбачил поутру,
И под пляжный тарарам
Научился плавать сам.

Но родителям моим
Долг ничем не восполним.

Признаюсь открыто я:
С верхом дали мне друзья.
Взял немало у врагов -
Драться я всегда готов.
Не по силам будет мне
Долг свой оплатить жене.
Чем измерить то, что дочь -
Проводник мой через ночь?

Но родителям моим
Долг ничем не восполним.

Буйствует всю пурга,
Мир стремится запугать,
Крутит снежные круги...
И у всех
Долги,
Долги...

И печально сознавать,
Что вовек их не отдать...

* * *

Все дела не переделаешь
И бока не отлежишь...
Ты напрасно, вьюга белая,
Над деревнею кружишь.

В нашем доме - стены крепкие,
Печь, как девка, горяча.
Мы под разговоры терпкие
Без забот гоняем чай.

Незаметно и улыбочиво
Время зимнее бежит.
Ничего на сердце лишнего, -
Лишь охота жить да жить!

Ждем диковинного счастья мы,
Но обыденно оно:
Просто вместе с домочадцами
В стужу сохранять тепло.

Помнить только про хорошее,
Верить в свой семейный круг, -
И желать не надо большего,
Чтоб избавиться от мук.

Рядом с дорогими лицами
Сам лицом светлею я!
Вьюга белою орлицею
За окном лютует зря!

* * *

Я не знаю, что думать мне вот теперь,
Все сосульки пробил слеза:
То ли снова - короткая оттепель,
То ли к нам долетела весна.

Это время светло и обманчиво,
Небеса будто вновь рождены...
Сколько раз поседевшего мальчика
Подводило желанье весны!

Сколько раз я носился восторженный
Среди мрачной, прибитой толпы.
И не видел я глаз настороженных,
Глупо думал, что люди слепы.

А когда возвращалась метельная,
Безнадежно пустая пора,
Горе было всегда безраздельное
И сверлило почище сверла.

Жизнь немало надежд поубавила, -
Шлет одни черно-белые сны, -
Ну, а эту надежду оставила:
Дождаться по-детски весны.

Я не знаю, что думать мне вот теперь,
Все сосульки пробил слеза:
То ль дурачит короткая оттепель,
То ль взаправду рванула весна?!

* * *

Давно отмечен этот штрих
Земного бытия:
Дурак во всем винит других,
А умный - сам себя.

Пускай выходит ерунда,
Какой не видел свет,
Но будет прав дурак всегда,
А умный вечно нет.

Повсюду важен и речист,
В глазах - о ближних боль, -
Дурак играет, как артист,
Заученную роль.

А умный скован и смешон
И речь его темна,
Чтоб показать, что он умен,
Нет у него ума.

Дурак и весел, и здоров -
Привык себя беречь,
А умный запросто готов
В трудах здоровье сжечь.

Сравненья можно продолжать,
Но суть ясна и так,
Из жизни лучшее отжать
Умеет лишь дурак.

Не бейся зря о стену лбом...
Диктуют нам века,
Что умный со своим умом
Глупее дурака!

ДУША ПОЭТА

Из темноты на сцену выйду я,
Своё волнение поборов,
Чужим успехам не завидуя,
Я брошу в зал охапку слов.

Слова простые и свободные
Над тихим залом зазвелят:
То обжигающе холодные,
То беспощаднее огня.

Я их выращивал мучительно,
Как дерево растит плоды,
И относился к ним почтительно,
Берег от лжи и пустоты.

Они наполнены бессонницей
И силой солнечного дня.
Слова заветные, как водится,
Во всём похожи на меня.

Пускай частенько неуклюжие, –
Росли на воле, не в саду, –
Они несут сквозь тьму недужную
Уверенность и доброту.

Слова устали от молчания:
Не золото оно, а смерть.
И потому звенят отчаянно,
Чтоб в души публики влететь.

Дойдут ли их признанья страстные
Иль зыбь останется мертва,
Над ними я уже не властвую:
Прощайте, дерзкие слова!

Константин СТАРЫШ

Об авторе | Родился в с. Ново-Брынцень Теленештского района. Окончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. Автор и ведущий программы «Резонанс». Директор национального представительства МТРК «МИР» в Молдове. Кавалер «Ордена Почета». Лауреат многих международных фестивалей.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

1.

Рождественская ночь разлита по стаканам.
 И ожиданье чуда зависло, как туман.
 Грошовая луна в окладе ветхой рамы,
 Скинув легкий нимб, сияет темным сном.
 Серебряная пыль, – как осязаем воздух!
 Готов взорваться он феерией огней.
 Но старенький Магистр сломал волшебный посох
 О серый монолит трухляво скучных дней.
 Рождение стихов – мучительно, постыло.
 Как цепко страх сковал красивую башку.
 В захарканых углах тепло огня остыло,
 И я молюсь всю ночь граненому божку.
 Тяжелый лунный свет свинцом течет в ладони,
 Смывая грязь чужих прикосновений рук.
 И линия судьбы в извилистой погоне,
 По пьянке сбившись, стала линией разлук.

2.

Рожденьем осветив нутро сырой пещеры,
 Холодный грязный хлев не превратить в алтарь.
 И тонкую иглу стальной суровой веры
 Из сердца вырвал нам гнусавый пономарь.
 Рожденные в грехе, они желали чуда,
 С молитвой на устах – калека, вор и блядь.
 Не упусти свой шанс, смелее, брат Иуда,
 Раскрой свой грязный рот, и деньги зазвенят.
 Распятия любви, распятия проклятий...
 И Лысая гора крестами поросла.
 Глухая пыль веков хранит шаги Пилата,
 И стон святых костров хранит в себе зола.
 Движение времён? Под твердью всех, как прежде.
 В расколоте душе фальшивит колокол.
 Лишь иногда сквозит случайною надеждой
 Сквозь ложь гнилых псалмов мажорный рок-н-ролл.

3.

Мой друг, зажги свечу, она осветит зыбко
Сосущей пустоты все скрытые углы...
На каменном лице я снова высеку улыбку
И снова завяжу на памяти узлы.
По старым площадям гоняет серый ветер
Обрывки глупых фраз – сражайся, негодуй!
Но не осталось сил. Истлев, погибло тело.
Я в губы вколочу прощальный поцелуй.
Кромешная любовь: сквозь мрак невидна света.
Закрытые глаза не излучают ток.
И нудные, как боль, тягучие моменты
Стекают в рыхлый снег сквозь ржавый кровосток.
Свяжу тройным узлом, – чем крепче, тем надежней,
Ум, совесть, честь и страх до срока умереть.
И нежная петля моей коснется кожи,
И шею обовьет... И мне на ней висеть.
Рождественская ночь. Какое, к черту, чудо?
Все – суета сует, и в мире лишь туман.
Да ладно, наливай! Един в трех лицах будет –
Любовь, душа и свет – залапанный стакан.

Из разбитых часов утекло мое время – в песок.
Что кому? – Мне, пожалуйста, пулю в висок
Принесите в граненом резном хрустале
И зажгите свечу, что стоит на столе.
Поскорее, гарсон.
Свет свечи – грустный сон,
Полный боли, как стон.
Обреченный на гибель от собственной лжи,
Позволяющей слышать, дышать, но не жить.
Недопетый мотив хрипом горло скребет.
Из проигранных битв, из-под солнца – об лед.
Очень больно, и это уже не пойдет.
Только дети небес свой продолжают полет.
Что ж ты медлишь, малыш?
Ты жалеешь меня?
Я ушел из-под крыш в мир воды и огня.
Я забыться хотел в царстве вольных ветров,
... а свеча оплыла, мой заказ не несут.
Вы, исчадия зла, мне не страшен ваш суд.
Тени, знаю я, это лишь сон.
Из разбитых часов вытекает последняя капля – в висок.

Холод. Сыро, сиро, серо.
 Догорает сигарета.
 Пригвоздили к высшей мере:
 Жить и ждать прихода лета.
 Как нелепо ожиданье,
 Лета никогда не будет.
 Нам накаркал расставанье
 Черный ворон белых будней.
 В черно-белой, скучной гамме
 Ля-минором ноет вьюга.
 Как в дешевой мелодраме
 Потеряли мы друг друга.
 Заблудились, заплутали
 В бесконечности скитаний
 Недостойные Плутарха
 Наши жизнеописанья.
 И сияние полета
 В миг парения над бездной,
 И гитара, и острота –
 Дар ночной и бесполезный.
 Не дожить, не дотянуться.
 Лето – скомканье грезы.
 Страх вернуться, страх проснуться.
 Так в усмешку прячут слезы.
 Вьюга, холод, зябко, зыбко,
 Луч случайный из-за тучи,
 Как нелепая улыбка,
 Как фатальная ошибка.
 Не бывает кары лучше.

2006

Событий бесформенные груды
 Покрылись пылью архивною мрака.
 Лишь слышно, как бьются в стекло
 секунды,
 Да где-то воеет собака.
 Да шумит вода в батареях
 Отголоском потоков Ниагарских.
 Я чувствую – время стареет,
 Ни тепла от него, ни ласки.
 Да глядит насмешливо-строго
 Темнота в кружевах из теней,
 И я вижу свою дорогу
 В кочках и рытвинах лени.
 Сон восходит мечтою о лете,
 Изменяя законы игры.
 И я хочу рубить лучи лунного света,
 Чтоб из них зажигать костры.

МИШЕ БЕЛОУСУ

Какая тихая печаль,
 Последний лист на ветке серой,
 Туман невнятно пахнет серой,
 И ничего уже не жаль.

Как будто приоткрылся ад -
 Бесплодно, пусто, одиноко.
 И боль так вкрадчиво-жестока,
 Как этот голый мокрый сад.

Любовь – оттаявшие сны,
 Что утекают между пальцев,
 И за собою не угнаться...
 ...Забиться в угол, ждать весны.

Горячий воск, горячий чай
 Согреют только на мгновенье,
 Могильным холодом – сомненья
 И озаренье – наливавай.

Полжизни – вскользь, полжизни – впрок,
 На долгий век не напасешься.
 Однажды утром ты проснешься
 И вдруг поймешь, что – одиночек.

И пусть в углу твоём свеча
 Сгорела и весна настала,
 Тебе тепла и света – мало...
 Щелчок затвора: пробил час...

Бредем, роняя день за днем
 В прореху вечного покоя,
 До боли небо голубое
 И солнце белое на нем.

14 апреля 2006

Юла

Ты немея... произнес... "лю"... и уже закручивалась юла вокруг тела... / К.Кедров /

...../\
/\
//\
///\
\\V
\\V
\\V
!!
Я
Зло
В чашку
Кофейную
Спрятала утром.
Мудро. День без зла.
Улыбаюсь налево-направо.
Право, жить стало проще и легче.
Смеюсь дурихой в ответ на злобу людей.
Эй! Милый люд, ты милый,.. не маши кулаками,
Руками, словами, правдой – кривдой, войной не маши...
Хочешь, люд, Арлекином прикинись, но скорей Коломбиной
Прокричу: «Чтобы вы на меня не сердились точно, всех вас чаем
Напою цветочным...» и, конечно же, ради потехи и вашей улыбки – спляшу.
А потом по кругу со шляпкой пройду. Не жадничайте, не скупитесь, улыбнитесь,
Подайте хотя бы по одной улыбке, можно улыбку от глаз, я порадуюсь люди за вас...
 ~ ~ ~ ~ ~
 ..Без прикрас, без маски, я вернусь в свой дом, девкой Коломбиной, плачущим шутком...
 ...В чашечке кофейной спрятанное зло, разведу под вечер старым коньяком, выпью
 ...И присяду плакать у окна: «Я не Пенелопа, отчего одна?» Всласть я порыдаю,
 ...Погрущу я всласть, вытру соплю, слёзы - всё, не ваша власть. Уплываю
 ...В сон я, там всё хорошо, кружевное детство, хриплый патефон,
 ...Музыка, Шаляпин, что-то про блоху, мама, папа, сказки,
 ...Ну а я лечу, выше крыш и к небу, звездочек набрать
 ...Или во все горло с неба проорать, про блоху,
 ...Про волю или про княжну, и волчком
 ...Во сне я всё верчусь, кружу...
 ...Просыпаюсь утром...
 ...Ну а утро мудро
 ...На сегодня
 ...Юла
 ...Я

Об авторе| Окончила факультет журналистики Киевского государственного университета. Нашим читателям известна как талантливый публицист с живым складом ума и образным мышлением. На протяжении почти двух десятков лет мы видели ее на экранах телевизоров в качестве автора и ведущей программы «Світанок» на украинском языке. С 1986 года - член Союза журналистов Республики Молдова. А сегодня и член Европейской ассоциации журналистов. Неудивительно, что такому яркому человеку стали тесными рамки публицистической прозы.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Они ее не понимали,
Они ее не принимали,
Единством всей вороньей стаи
Пытались жизни научить...

Пинали, мучили, клевали,
Взлететь вороне не давали,
Вороньим обществом решали,
Где ей летать
И с кем ей жить.

С утра до вечера орали,
То вдруг садились,
То взлетали.
Махали крыльями – не знали,
Как наказать и проучить...

И лишь за то, что ненароком
В вороньем царстве их жестоком
Ворона-мать в краю далеком
Посмела белою родить.

Жаль, черные, они не знали,
Что ей самой не в радость жить...

НА СМЕРТЬ САШИ ФЕНЕЛОНОВА

Уходят лучшие из нас,
Уходят молча и навеки.
Так высыхают навсегда,
Навечно у истоков реки.
И нет улыбки. Нет руки.
Нет человека и не будет.
А мы повязли, как жуки,
В немом потоке черных буден...

Все было случайно:
Таинственный вечер,
Под ливнем шальным
Оказавшись вдвоем,
Случайная встреча,
Подаренный вечер
С одним на двоих
Разделенным зонтом.

Касание пальцев,
Зеркальные лужи,
Бездумный, свободный
Пустой разговор.
И вряд ли кому-то
И кто-то был нужен.
Но светится взгляд,
Греет душу «Кагор»...

Без слез и без грусти
Всего на мгновенье,
Всего на короткий,
Но искренний миг.
Забудем о боли,
И сердце отпустит,
И счастье подарит
Нам зонт на двоих.

Когда листок сорвется вниз,
Ему я крикну: «Эй, держись!»
Ведь на земле растет трава,
А наверху – одни дрова!
Конечно. Ближе к солнцу был,
Но кто тебя вверху любил?
А здесь, под деревом, внизу,
Тебя, подняв, к глазам несут.
И ты уже не просто «листья»,
Ты самый лучший, самый близкий,
Да, жить ты будешь пару дней,
Но жить в любви куда важней.

Подружились однажды
Две утки крылатых
На одном из озер
Для различных пернатых.
Утка дикая вся в разноцветных
Каемках
Подружилась с домашнею
Сытою «телкой».
Обе утки на озере
Долго резвились,
Пригляделись, покрякали
И подружились.
Обе – утки. И крылья. И перья
Что надо.
Обе плавают классно –
Природы награда.
Но одна все стремится
Повыше взлететь,
А другая все к дому
Бежит, чтоб поесть.
«Непонятная ты, – шепчет
Утка из дома, –
Здесь такие луга, здесь
Все с детства знакомо.
А когда через время наступит зима,
Я о жизни своей
Не забочусь сама.
Сытый корм есть и крыша
И сплю я в тепле.
А твоя перспектива
В серой дымке и мгле.
Нет покоя, стабильности,
Риск, охотники, смерть.
Ты не знаешь, успеешь ли
Снова взлететь...
Что за жизнь?
Ты свободна?
Но ведь столько дилемм.
Улететь за тобою?
Мне не надо проблем.
Что найду я с тобою
В далеких краях?
Да и лень мне лететь –
Лучше жить на полях».

Утка дикая тихо вздохнула от грусти.
Было правдой все это. Боль сожмет и отпустит.
Но... Домашняя утка врала как могла.
Не призналась, что просто не летает она!

Маски-шоу...
 Все так грустно...
 Улыбнемся, если пусто
 На душе, где вес без граммов...
 Звуков нет... Лишь фонограмма.
 Где ни сердцу, ни уму
 Не хочу и не пойму.
 То, что времени в обрез,
 То, что нет деревьев, - лес.
 Все вообще, а не частично,
 Звуков хор, но нет лиричных.
 Неужели отзвучало?
 Нет конца и нет начала.
 Просто музыка пустая,
 Просто не с тобой...
 Сама я.

Наверху с золотой колокольни
 Птица гордо смотрела на мир
 Молча, с грустью себе возвращая
 Впечатленья, что мир ей дарил.
 Еле слышно из клюва срывался
 То ли стон, то ли вздох, то ли крик,
 Жизнь мелькнула в мгновеньях и красках...
 Оказалось, что это лишь миг...
 Миг счастливый и миг острой боли,
 Ворон медленно чистил крыло.
 Перед взором его поневоле
 Не одно поколение прошло...
 Войны, люди, баталии страсти - все,
 чем пыль от столетий полна.
 Там, внизу, была жизнь, он - лишь частью.
 Даль манила, пьянила, звала.
 Все смешным показалось отсюда -
 Горе, радость, возня, суета.
 300 лет ждал от жизни он чуда,
 Оказалось - одна маета...

Что-то в жизни у нас не сложилось
 С тобой...
 Я не стала тебе самой лучшей
 Женой.
 Я не стала подругой и любовницей
 Тоже.
 Стала кем-то еще... Что намного
 Дороже.
 Я не стала с тобою лететь в два
 Крыла.
 А смириться с одним я никак
 Не смогла.
 Мне бы в пору стремительно броситься
 Вниз.
 Если б так не манила небесная
 Высь...

ПИСЬМО

Я писала письмо,
 Не лукавя и не таясь.
 Через тысячу верст
 Пролегла эта давняя связь.
 Обращалась к глазам,
 Тем, что были любимы давно.
 Не просила и не клялась,
 Просто ночью писала письмо.

 Тихо бегала ручка, легко,
 И слова были странно просты,
 На бумагу из сердца лилось то,
 На что не надеялся ты.
 Не поверишь, спокойно пишу...
 Ни печали, ни злобы в душе.
 Я живу, я дышу, я... люблю,
 А твое отболело уже...

СУДЬБА

Влюбился коршун в неземную птицу.
Не в воробья, не в желтую синицу,
Не в птицу неба – гордую орлицу,
А в лебедь белую судьба была влюбиться.
И лебедь знала, что красавец-коршун,
Хоть и влюблен, но птица с хищным нравом,
Всегда себя считал навеки правым,
Но красотой лебеди сражен.
Она плыла, влюбленно выгнув шею,
Чтобы любимый был перед глазами.
А он кружил, кружил, кружил над нею,
Бросаясь вниз иль взмыв над облаками.
Была любовь их странной, непонятной,
Самозабвенной в святости и неге...
Шумели лебеди, подругу осуждая,
От коршуна собратья улетели.
Он, на мгновенье клювом припадая
К ее крылу и нежной белой шее,
Взмывал обратно, плавать не умея,
В безвыходности маясь и страдая.
Она же, позабыв про все на свете,
Резвясь на голубой озерной глади,
Ревнуя коршуна и к небу, и к собратьям,
Звала к себе, на озеро, навеки...
Желтели листья, с осенью сражаясь,
Крылом холодным время торопило,
И лебедь белая по озеру металась
За коршуном. Она его любила...
Уже давно подруги улетели,
Где теплые заоблачные дали.
Но горделивым мужеством горели
Глаза подруги их, по милому страдая.
Да, коршуну по озеру не плавать,
Но и к нему ей в жизни не подняться.
И все же – пусть не умолкает слава
О тех, кому судьбой дано влюбиться...

Ухожу. Ухожу от тебя.
Говорят, не уходят любя...

Но и так не живут по любви.
Я шептала три дня: «Позови».

От молчанья звенело в ушах.
Я пыталась. Я сделала шаг.

Не могу. Не хватает души
Умолять каждый раз «напиши».

В ожидании остыла душа.
Я три дня прожила не дыша.

Ухожу от тебя. Ухожу.
Как жить дальше, я завтра решу...

Я придумала рай
Для бездомной души
И нашла ей приют ненадолго.
А когда рассвело,
Тонкий луч серебром
Все разрушил легко
И свободно...

Я жила среди волн:
Взмах наотмашь – рывок,
Глубина лишь до дури манила.
А когда рассвело,
Берег был далеко
И свобода уже не пьянила...

Мне б вернуться опять?
Так как дна не достать,
Только волны несут и ласкают.
Мне б вернуться – нет сил,
Ты так нежно любил...
Оказалось – чудес не бывает...

Что такое Любовь,
Ты берешься судить...
Что согласна терпеть,
Что ей в жизни претит...
Что ей по сердцу,
Что отвергает она
И за что от щедрот
Ты получишь вина.
Кто кого предает,
Можешь ты оценить.
Кто дает, кто берет,
С кем возможно прожить...
Лишь одно ты забыл
В тех оценках учесть -
То, что в жизни ее
Либо нет, либо есть.
Без оценок и слов,
Лишь глаза и коленки,
И от счастья порой
Просто лезешь на стенку.
Что условий твоих
Не приемлет она,
В чувствах нет запятых,
В чувствах есть глубина.
И что глупому сердцу
Ничего не прикажешь
И как надо любить –
Мало слов...не расскажешь.

Алексей КРАВЧЕНКО

Об авторе | Студент Славянского университета, член Ассоциации русских писателей Молдовы, член правления Центра русской культуры РМ.

Так судили мне, видно, волхвы и пророки:
 О великом грустя, жалко дни коротать.
 И как цифры, худые художеством строки,
 Меж фонарных столбов проводами писать.
 Что же в этой судьбе исключительным будет!
 Водки пьют литров 6 и поболее в день,
 Превращают в миллионы ничтожные ссуды,
 И тоскуют по надписям тюремных стен.

До меня сотворили кораны-эпохи,
 И стоят, где возможно, давно города.
 Остаётся кружить в колеснице и вдохи,
 Забывая, что снег не зефир, а вода.
 Только чаще теперь замечаю, что стал я
 В демократии – блузе смирительной – плох.
 Остаётся у власти чужая мне стая,
 Но а мне помогать выживать им их блох.

Я к друзьям обращался: чего же вы ждёте?
 Кто наследник измерженной этой земли?
 Покалякаем мы, как пощёлкаем счёты,
 А за ними огромнейшим ситом нули.
 Завершив анекдотом, мчали по будням.
 Жизнь похожа всё больше на покерный дом:
 Говорит о стороннем играющим людям
 Тот, кто сил не нашёл уцелеть за столом.

2008

РАЗГОВОР С ИВОЙ

Вполсилы швыряет ливень
 Свою водяную злость
 Под ноги старухе-иве,
 Где мне ночевать пришлось.
 Промокли её косынки.
 Всё чаще и холодней
 Клопами бегают льдинки
 По мокрой спине моей.
 Разбитая ветром ива.
 Не с бурей тебе дружить!
 Послушай, какой счастливый
 Я мог бы сейчас ражить,
 И с девушкой, как с котёнком,
 По-доброму в бой играть,
 На лампу под синей плёнкой
 Разглядывать её прядь;
 Как смелость её и жалость
 В озябшем себе разжёт
 Во что-то, чему осталось
 В свой дом перейти порог.
 Другое, конечно, с парнем.
 Внезапно явился он.
 И я, оказавшись крайним,
 Уйти застремился вон.
 Теперь у тебя, обмокший,
 Согреться бы я не прочь,
 О девушке той, хорошей,
 Оплакивать эту ночь.

2007

НЕСБЫВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Небо азартно крошит
 Манною снеговой.
 Лежит человек. На коже
 Белеет она восковой.
 Лежит человек, раскинув
 Руки, и ноги – врозь.
 Его оголённую спину
 И щёки сжевал мороз.
 Лежит человек. В сугробе
 Чернеет его пальто.
 Кому жизнь свою он пропил!
 За что его так, за что.
 Вывернуты карманы
 Брюк и его пиджака.
 Вытянулась упрямо
 К мутным домам рука.
 Рядом ютится мятый,
 Вышитый подчерком лист:
 «Жду тебя, милый... в пятом...
 Прямо к фонтану... вниз...»
 Вызрел он буром. Сам я
 Больше не мог прочесть.
 Несбывшееся свиданье.
 Она обдумывать мечь
 Устала, наверно, в полночь
 Смогла наконец уснуть.
 «А может, напился сволочь,
 И завтра придёт. Ну, ну!»

Ногой поддала бутылку –
 Боже! – она в крови.
 – Убили пьяные, Димку!
 На помощь... людей зови!
 Рыдала, упав с ним рядом
 На белый колючий снег.
 Сказал я тогда: – Не надо,
 Умер... твой... человек.
 Кричала: – Уйди, безбожник!
 Сам тоже гибель ждёшь.
 Кто мне найти поможет!
 И как их теперь найдёшь...
 Сбились слова в рыданье,
 Глотал слёзы жадный снег.
 Но губы его – молчанье.
 Умер... твой... человек!

2006

В тених и линиях рисунка,
 Невзмельтешённого цветами,
 Как сердца вынутая струнка,
 Как мы в отчаянии – сами.

Ошпарен ростепелью хмурой,
 Черён и сер градовый лик,
 И под его бетонной скулой
 Блестит верёвка – воротник.

Стальная сетка давит сердце,
 Она прочней любовных грёз;
 Валит безличное посредство
 Надёжней жалости и слёз.

Не смей родить своей утробой
 И сумасшедшим естеством,
 Молить грядущее не пробуй
 За жизнь и святость инаформ.

В тених и линиях рисунка,
 Невзмельтешённого цветами,
 Как сердца вынутая струнка,
 Как мы в отчаянии – сами.

Тебя, отшельник миру мастер,
 Едва задумаешь принесть
 Отходу творческой страсти
 На ринг людей, как мира весть, –

Тебя удавка тысяч взглядов
 Под скулы преподнимет над
 Ордой кипящих в рёве гадов
 Вершить языческий обряд!

2007

Елена ВОЛКОВА

Об авторе| Биолог, кандидат биологических наук, член Союза писателей России. Литературное творчество: сказки, стихи, переводы, научно-популярные статьи, научные статьи и книги.

Новогоднее наваждение

Праздник приближался неумолимо, как поезд, прибывающий точно по расписанию. Ни спрятаться, ни убежать не было возможности. Каждый раз перед Новым годом у Саши начинался приступ бессмысленности собственного существования.

– Надо праздновать. Все празднуют, – думал он. – Но как? Если тоска и единственный друг – ватное одеяло? Накрыться с головой, уснуть – и хорошо. Всё – до лампочки.

Ёлку он не наряжал лет десять или пятнадцать. Не включал телевизор. Зачем? Жизнь снаружи и внутри тянулась двумя отдельными непересекающимися тропинками. Можно было совсем не обращать внимания на праздники, но все вокруг что-то покупали, дарили, готовили салаты. В каждом окне мигали разноцветные фонарики, и перед глазами, словно призрак, маячил образ добродушного деда в красной шубе и шапке.

Всё это приводило Сашу в полное отчаяние, мешая его добровольному затворничеству, заставляло сомневаться в том, что большинство людей на свете достаточно одиноки и в этом нет ничего страшного. А тут ещё, как назло, в кои-то веки одна мало-знакомая женщина со странным именем Уля пригласила в гости.

– Приходи, – говорит, – Саш, посидим, чокнемся в двенадцать. Компания будет небольшая. Не стесняйся.

Он как-то сразу не успел отказаться, не сообразил, не ожидал.

– Теперь идти придется, – переживал Саша. – Вот невезуха. Тащиться куда-то. Ночью. Чего я там делать буду? Глупо. Да ведь и подарок, наверное, надо? Это было уже выше его сил. Денег не жалко, но даже думать не хотелось о том, что может понравиться чужому человеку, живущему, по его ощущениям, где-то примерно на другой планете.

– Коробка конфет, фрукты – ерунда. Подарок должен радовать, удивлять. В Новый год все сюрпризов ждут. Может, нарядиться кем-нибудь?

Саша посмотрел на себя в зеркало.

– Да... Только колпака и не хватает... Ладно. Чего это я? – вдруг спохватился он. – Из ерунды проблему делаю. Схожу на пару часов, отработаю. Анекдот расскажу, рассмешу, повеселю. Я же умею. Эх, где наша не пропадала!

Внутри вдруг всколыхнулось. Глубинная волна пошла, пошла и накатила желанием совершить какой-нибудь сверхъестественный, необыкновенный поступок.

– Откуда взяться чудесам? – рассуждал Саша. – Только своими руками! Только так!

Он улыбнулся. Воображение заработало на всю катушку.

– Притащу ведро роз или лучше белых лилий – все ахнут! Хотя, пожалуй, могут не так понять. Она – женщина одинокая, а я, как жених, приду с цветами... Попугая ей говорящего! Вот! Войду, а попугай: «С Новым годом! С новым счастьем!» Забавно. Только вдруг она животных не любит?

Помучавшись несколько часов разными дикими мыслями, Саша обреченно направился в гости, надеясь, что идея озарит его по ходу самой жизни.

Квартира была обычной, даже не праздничной, просто маленькой и уютной. Закуски, шампанское, негромкая музыка – всё это лёгким ненавязчивым сном кружилось, убаюкивая не только одиночество, но что-то более важное, раз и навсегда забытое, оставленное в другом нездешнем измерении. Никаким сюрпризам в таком расслабленном состоянии не было места, но Саша не сдавался и искал повод для подвига.

После двенадцати народ решил подышать свежим воздухом, и гости дружной компанией высыпали на улицу. Момент упускать было нельзя. Идея пришла так естественно, что Саша даже не удивился, что, наконец, нашелся выход волне, требующей обязательного маленького чуда.

– Вот что нужно сделать, – решил он, – просто помыть посуду! Вскипятить чай, пока все на улице. Намёрзнутся, вернутся – а стол сервирован, торт нарезан. Удивятся или нет? Пустяк, конечно, но хозяйка, по крайней мере, должна обрадоваться!

Вслед за звуком хлопнувшей двери загремели тарелки, зазвенели вилки, весело ударила в раковину струя воды. Годы одиночества научили Сашу делать всё быстро и аккуратно, почти автоматически. Не прошло и получаса, как посуда сияла чистотой. Тонкие фарфоровые чашки, расставленные на столе, радовали глаз своим изяществом. Он начал искать на кухне чайные ложки и открыл ящик. Вынырнув из сумрака стола, они на секунду ослепили его. Протянув руку, чтобы взять приборы, Саша неожиданно заметил НЕЧТО, заставившее остановиться все внутренние процессы, мысли и желания. Сердце, правда, билось, но как-то неуверенно.

В ящике среди других лежала крошечная детская ложечка из чёрного серебра с витой узорной ручкой, подобная тем, что дарят малышам «на первый зубик». Исключительность находки состояла в том, что это была ЕГО собственная ложка! Никаких сомнений! Он разглядел мельчайшие буквы гравировки: «Сашуле от бабушки» и год своего рождения.

– Наваждение какое-то! Откуда? Здесь, в чужой квартире!

Саша начал лихорадочно вспоминать, искать возможные причины странного стечения обстоятельств.

Всплывали отдельные лица, события. Всё глубже, дальше в прошлое, а там... Память тормозила, отказывалась сообщить что-либо конкретное. Дом, родители, игрушки, велосипед и... ложечка: не похожая на другие, нарядная, собственная. Как давно это было! Потом, кажется, она куда-то пропала. Ещё мама сердилась, что Саша её потерял.

– Потерял? Где же я её оставил? Может быть, вынес на улицу поиграть? Уронил в песочнице?

Он представил себе песочницу с деревянным грибом в центре. Качели.

– Что-то ещё находилось во дворе. Скамейка? Точно. Зелёная! Когда сидел, ноги не доставали до земли. Причём тут она?

В воздухе вдруг появился и поплыл белый капроновый бант. Кому он принадлежал, Саша припомнить не мог, но зато ясно увидел, как маленький мальчик, быстро спрыгнув со скамейки, почему-то протягивает этому банту свою драгоценную ложку.

– Насовсем? – застенчиво спрашивает бант.

– Насовсем, – уверенно кивает мальчик.

А потом... Бант так обрадовался! Ах, как обрадовался! Он даже запрыгал от удовольствия, и вместе с ним в воздух взлетала и опускалась короткая косичка. Видимо, капроновая ленточка обладала каким-то волшебным свойством, иначе как объяснить, что мальчику мгновенно передался этот подарочный восторг, и он...

Саша почувствовал, что внутри у него защекотало легко и нежно, словно мягкая травинка из далекого прошлого росла, росла, тянулась из года в год и, наконец, сегодня коснулась его застывшей в ожидании души. Капли воспоминаний, постепенно собираясь, превратились в безграничное море детской радости, и новогоднее чудо наивно заглянуло в удивленные Сашины глаза.

– Так, значит, я её не потерял? А может быть Уля меня узнала и поэтому пригласила?

С лестницы донесся смех, топанье ног. Теперь, кажется, праздник зазвучал для него не только внутри, но и снаружи. В одно мгновение прошлое перемахнуло через десятилетия и как-то умудрилось стать настоящим. Саша сидел не двигаясь, боясь спугнуть продолжение странных событий.

Она вошла. Всплеснула руками, увидев наведенный на кухне порядок.

– Саша! Да Вы просто клад! Даже представить себе не могла, что такое бывает!

Он хотел задвинуть ящик, но потом передумал и тихо спросил:

– Откуда это у Вас?

– Ложка? – она внимательно посмотрела на Сашу. – Подарили.

– А Вы не припомните кто?

– Что за странный вопрос? Тут же написано – «от бабушки».

– Пойдите! – опешил Саша. – Ещё тут написано «Сашуле»! Вы ...Вас как зовут?

Мир, сказочный детский мир вдруг начал тускнеть, окошечки захлопывались, ставенки закрывались. Только одно последнее не сдавалось и сияло стоваттными лампочками, освещая эту новогоднюю ночь.

– Саша меня зовут. Вы разве не знали? Уля – это сокращенное от Сашули.

– И Вы родились в ...

– Да, это год моего рождения.

– Но ведь этого не может быть!

– Чего не может быть?

– Понимаете, – Саша с последней надеждой взглянул женщине в глаза и тихо и доверчиво произнес:

– Это моя ложка!

Уля почувствовала, что говорит он совершенно серьезно, но не понимала причины такой настойчивости. Ситуация складывалась дурацкая.

– Ну, да! – попыталась отшутиться она. – Вас же тоже Сашей зовут. А хотите, я Вам её подарю? Правда! Берите! Новый год всё-таки. Вон Вы какой подарок преподнесли!

Она, не раздумывая и не дожидаясь отговорок, взяла ложку и положила ему в карман.

– С Новым годом, Саша!

– Насовсем? – улыбнувшись, спросил он.

– Насовсем! – засмеялась Уля и золотистые искорки запрыгали, засияли в ка-
рих глазах.

Ах, это слово! Эти крошечные огоньки! Словно волшебная палочка коснулась фасада здания с единственным горящим в темноте окном и в одно мгновение зажгла тысячи разноцветных гирлянд. Где они прятались до сегодняшнего дня?

– Я всё про Вас знаю, – выдохнул радостно Саша.

– А что? Что именно?

– Вы в детстве носили большой белый бант. Вот тут, – он ласково дотронулся до её волос. – Правда?

– Правда! – кивнула она. – А что ещё?

– Разве мало?

И вдруг стало понятно: МНОГО! Очень много.

Они стояли вдвоем, где-то между прошлым и будущим, где-то между небом и землей, на седьмом этаже неба. А за окном, как на заказ, кружились пушистые сказочные снежинки.

Морковка

Наконец-то выпал первый снег. Все так долго его ждали, что даже немножко удивились, когда выглянули в окно. Валит! Да еще какими хлопьями! Мишка тут же побежал во двор, снеговика лепить. Мокрый снег – это почти пластилин, только совершенно белый. Снеговики лепятся по правилам. И всем они хорошо известны. Сначала большой ком, потом поменьше и, наконец, третий, самый главный – голова. Мишка водрузил голову на вершину снеговика. Ровно сидит, не качается. Вот только... Вот только чего-то не хватает... Понятно, чего не хватает. Носа-морковки не хватает и ведра на голове. На всех картинках снеговиков с ведром на голове рисуют. Мишка пошел домой за ведром и морковкой.

– Видишь ли, – сказала мама. – Нет у меня лишнего ведра, все заняты. А морковку – это, пожалуйста, выбирай любую.

Мишка долго выбирал морковку, чтобы она была ровненькая, оранжевая-оранжевая и огромная. С этой замечательной морковкой он вернулся к снеговик и приделал ему самый лучший нос на свете. Мишка нарисовал снеговик глаза, веселый улыбающийся рот и побежал обедать. Поднявшись в комнату, он выглянул в окно, чтобы сверху еще раз полюбоваться своим произведением... и ахнул. Снеговик стоял, как ни в чем не бывало, даже по-прежнему улыбался... Но морковки НЕ БЫЛО! Вот только что он сам, своими собственными руками, пять минут назад прикрепил её. А теперь.... Куда же она подевалась?!

– Мама, мама, – Мишка чуть не плакал, – морковка исчезла! И во дворе никого нет!

Они вместе с мамой вышли на улицу в надежде, что морковка случайно отвалилась и упала в снег. Но надежды их не оправдались. Прекрасный сочный овощ пропал совершенно бесследно.

– Знаешь, – сказала мама расстроенному Мишке. – Возможно, во двор случайно забежал очень голодный заяц и съел ее. Ведь тебе не жалко морковки для голодного зайца?

– Конечно, – ответил Мишка. – Для голодного зайца мне ничего не жалко. Только разве у нас во дворе водятся зайцы?

– А помнишь, летом мы в соснячке видели заячьи погрызы? Иногда зимой они подходят ближе к жилью, чтобы прокормиться.

С этой версией событий они и вернулись домой. Когда Мишка укладывался спать, он долго смотрел в потолок, а потом спросил:

– Мама, а вдруг это не заяц морковку утащил?
 – А кто же?
 – Ну, человек какой-нибудь, другой мальчик.
 – Значит, он был очень голоден, этот человек. Зачем иначе ему морковь? Ведь тебе не жалко морковки для голодного человека?

– Нет, – вздохнул Мишка, – для голодного не жалко.

Он представил себе, как ничего не евший с утра прохожий с аппетитом хрустит еще теплой домашней морковкой. И ему стало так легко и спокойно, что глаза закрылись сами собой, и Мишка уснул, уснул сладко, безмятежно, как спят люди, для которых все в жизни понятно и просто.

Карасик

Один маленький карасик, проснувшись утром, решил прогуляться по озеру. Только высунулся из тины, а тут навстречу прудовик.

– Что это с тобой, карасик?

– Как это – что со мной? – удивился карась. – А в чем собственно дело? Вот, на прогулку собрался...

– Вид у тебя какой-то...Неважный – одним словом.

Карасик совершенно растерялся. Он никогда не задумывался, как он выглядит. Да, честно сказать, и вообще никогда себя со стороны не видел. Ведь в озере зеркал нету... Вот незадача! Что не так? Посмотрел карасик вниз – плавники вроде бы на месте. Чешуёй немножечко ошетинился – чувствует – чешуя тоже тут. А хвоста ему не видно.

– Наверно, – думает, – с хвостом что-то неладно. Давно заметил – рулит слишком медленно. В прошлый раз от щуки еле удрал. Хвосту надо было налево повернуть, а он вправо крутанул... Как бы это поточнее узнать, что с хвостом?

Тут жук-водолюб мимо проплывал.

– Посмотри, – просит карасик, – на мой хвост. На месте ли он?

– Да на месте твой хвост. А что, думаешь, откусили? – засмеялся жук.

– Прудовик сказал, что выгляжу я неважно...

– Неважно? Ну, конечно, неважно. Как же еще карасю выглядеть? Важно выглядит щука или сом – это знатные особы. А ты рыбка маленькая, вообще малек, можно сказать. Зачем тебе важничать? Греби себе потихоньку!

– Ах, вот оно что! – обрадовался карась. – Неважный – значит просто маленький ещё...

Кузнечик

Однажды утром кузнечик проснулся и не узнал своего луга. Вся трава на нем была голубого цвета. Голубые цветы, голубые листочки и даже колючки на чертополохе были голубые. Мир стал голубым от корешков до краешка неба. А небо не изменилось. Зачем ему меняться? Кузнечик призадумался. Что бы всё это значило? Может быть, мир ЛИНЯЕТ? Ведь линяют же кузнечики, когда растут: сбрасывают тесную шкурку, а под ней – новая, другого цвета.

– Да, наверняка, – решил он. – Трава сбросила всё зелёное. А я уже так привык к ней. Ведь я же и сам зелёный. – Кузнечик взглянул на свои лапки – они были по-прежнему изумрудно-зелёные с чёрными крапинками.

– Если трава сбросила свою шкурку, – подумал он, – то шкурка должна быть неподалёку. Лежит где-нибудь в одиночестве... Надо пойти поискать.

Кузнечик поджал лапки и что было силы подпрыгнул. Но на полпути до краешка неба вдруг ударился обо что-то невидимое, жёсткое и холодное. От удара он упал и перестал слышать, видеть и чувствовать. Лапки не работали, а в глазах было совершенно темно. Прошел час или два. Вдруг трава тревожно зашумела, земля задрожала, загудела низким прерывистым звуком.

– Да вот же они, – услышал он высоко-высоко над собой звонкий небесный голос. – Вот они – твои очки...

Что-то вокруг зашевелилось, поползло в разные стороны, и стало тихо. Кузнечик открыл глаза. МИР! Чудесный, родной зеленый мир хлынул со всех сторон и принял его в свои объятия!

Фонарь

Зимой дело было. На краю леса вырос из снега фонарь. Да такой красивый, фиолетовый – глаз не отвести. Стали звери приходить, на фонарь смотреть. Филин прилетел, взглянул задумчиво.

– Это, – говорит, – инопланетяне нашу жизнь изучают.

Волк подошел.

– Не к добру все... Чувствую, облава будет...

Лиса прибежала. Она грамотная была. Видит – на столбе объявление наклейки: «Потерялась собака, рыжая с пушистым хвостом. Нашедшему – вознаграждение».

– Уж не тебя ли, лиса, ищут? – удивился волк. – Приметы очень схожи. Пойдем, посмотрим, чего за тебя дадут?

Пришли они в деревню, по адресу, в окно постучали.

– Собака рыжая нужна? – спрашивает волк. – За вознаграждение, конечно.

Выглянул хозяин в окно. Вроде бы мужик в шубе стоит... Только в снегу весь. На улице темно, не разберешь. А это волк для убедительности на задние лапы встал и лису за веревку держит.

– Шарик, ты? – позвал хозяин.

Волк толкнул лису тихонько.

– Гавкни чего-нибудь.

– Тяв-тяв-тяв, – проскулила лиса.

– Нет – это не Шарик. У Шарика голос басовитый.

– Так ведь охрип на морозе. Весь день не ел ничего! Вы хоть косточку бросьте.

Он вам так гавкнет!

Вышел хозяин на улицу, еды вынес. Подошел поближе... Волчара здоровенный! Да лиса за компанию. Перепугался – и в избу бегом. Двери на запор. А вот продукты по дороге выронил. Ну волк с лисой не растерялись, конечно. Потом под фонарем сидели, ужинали. Свет от фонаря сказочный... Волк, когда наелся, вздохнул и говорит:

– Может и инопланетяне... А люди не понимают, объявления клеют.

Тюбик

Тюбику зубной пасты не спалось. Попробуй, усни на стеклянной полке. Она холодная и к тому же прозрачная. Такое впечатление, что просто висишь в воздухе над раковиной. А когда-то он жил в отдельной собственной коробочке. Там было тепло и уютно, пахло свежим картоном. В коробке было два входа. Парадный – для головы и чёрный – на всякий пожарный случай.

– Где теперь она? – тюбик вздохнул и повернулся на левый бок. Правый болел у него уже целую неделю. Он случайно свалился на пол, а хозяйский щенок моментально схватил бок зубами и даже прокусил пластмассу насквозь.

– Почему собаки не умеют читать? – думал тюбик. – Ведь написано: «Зубная паста».

Может, он зубы почистить хотел? Хозяин так и сказал: «Подожди зубы чистить. Давай сначала лапы вымоем». Тюбик еще немного повздыхал. Бок – ерунда, а вот паста убывает с каждым днем. Всем известно, что бывает с тюбиками, когда паста заканчивается. Еще совсем недавно он был толстым и ровным, как колбаска, а теперь похудел, больше чем наполовину. В ванной горел свет, и тюбик подставил больной бок под электрическую лампочку, ему казалось, что от ее тепла боль в боку немного утихает.

– Встаньте, когда с Вами расческа разговаривает! – раздалось вдруг над его головой. Тюбик открыл глаза. Из стаканчика для зубных щеток на него смотрела огромная коричневая расческа. У нее не хватало нескольких зубцов, и от этого она выглядела, как скелет какой-то хищной рыбы.

– Приведите себя в порядок! Крышку как следует завинтите! Что за вид перед дальней дорогой!

– Простите, что Вы сказали? Я не понял. Вы что-то сказали про дорогу?

– Все уже собрались давно! Бритва уложена. Щетки в футлярах. А он лежит – загорает... Я умру сейчас от Вашей безалаберности!

Тюбик совсем растерялся. Он-то рассчитывал пару недель дожить здесь, на знакомой полке. Она хоть и прозрачная, и узкая, но лампочка недалеко. А дорога... Ну какая дорога может быть, когда бок прокушен и внутри почти пустота?

– Вставайте, вставайте! Хозяин в командировку уезжает. Уже чемодан упакован! – расческа подпрыгивала на месте и готова была вывалиться из стаканчика, чтобы достать, наконец, этого ленивца. – Канары! Вы понимаете? Командировка на Канарские острова. Да я бы пешком туда пошла. Только не берут меня в этот раз. А вам, такое счастье! В гостинице пятизвездочной жить будете!

– Умереть на Канарских островах... Вдали от родины... – ужаснулся тюбик. – Вот какой удар приготовила мне судьба!

Он весь сжался, ему захотелось стать маленьким, незаметным и даже совсем-совсем пустым.

– Вас берут! Я слышала. Не успели новый тюбик купить, – продолжала тараторить расческа. Она высунулась изо всех сил и, наконец, перевернула стаканчик. Тот упал и ударил по полке. Наверное, это был не сильный удар, но вполне достаточный, чтобы тюбик подпрыгнул и полетел ...

– Где же зубная паста? Ничего в этом доме не найдешь! – раздался возмущенный мужской голос, послышались торопливые шаги и шум включенной воды. – Ведь только что была здесь!

– Купишь новую в аэропорту. Быстрее, на таможне зубы, надеюсь, не проверяют! – откликнулся кто-то.

В ванной стихло, хлопнула и защелкнулась входная дверь. Тюбик лежал в углу на маленьком махровом полотенце и не верил своему счастью. Ему предстоял бесконечный месяц тепла и покоя. Вы скажете месяц – это немного? Может быть. Но для кого-то это целая жизнь.

Наталья СИНЯВСКАЯ

Начнем с мэрии!

Наш журнал вам поможет ближе познакомиться с Кишиневом и Молдовой. На обложке каждого номера мы будем предлагать взору читателей памятники архитектуры нашей республики.

Мы решили начать с самого сердца Кишинева, со здания, в котором вершится судьба нашей столицы, то есть – мэрии. В Молдове ее называют примэрия, а мэра – генеральным примаром.

Институт примэрии был основан в 1817 году, а первым мэром Кишинева был Ангел Ноур. До 1941 года на посту городского головы сменилось 38 человек. Дольше всех Кишиневом управляли Дмитрий Минку (27 лет, с перерывами) и Карл Шмидт (26 лет, с перерывами). В советские времена функции примэрии переложили на городской исполнительный комитет Совета народных депутатов, попросту – горисполком. А в 1990-м примэрию возобновили. Первым мэром столицы уже независимой Молдовы стал Николай Костин.

До 1902 года мэрия располагалась в различных зданиях Кишинева. Но вот уже 105 лет наши мэры восседают в этом прекрасном дворце, расположенном на углу бул. Штефан чел Маре и ул. Влайку Пыркэлаб. Спроектировали здание архитекторы А.Бернардацци и М.Эллади, в итальянском стиле раннего Возрождения.

Как только здание было сдано в эксплуатацию, на втором этаже «поселились» члены Городской Думы. А на первом – пассаж. Со стороны улицы Влайку Пыркэлаб, – обратите внимание, – огромные окна, раньше являвшиеся витринами, за которыми располагались магазин и питейное заведение семьи Ковальских. Магазин торговал продуктами и всякой всячиной для дома. Старожилы вспоминают, что именно у Ковальских можно было купить самые вкусные колбасы: у них был собственный цех по изготовлению мясных изделий. Магазином управлял сначала старший Ковальский, потом – его сыновья. Но в конце сороковых годов прошлого века магазин Ковальских закрыли. На его месте открыли другой, где продавались вкуснейшие шоколадные конфеты. Не всем они, правда, были по карману в те тяжелые времена.

Позже и этот магазин закрыли. И сегодня на первом этаже бывшего пассажа работают сотрудники примэрии.

Со стороны бул. Штефана чел Маре существовало множество магазинов: и книжный, и электротоваров Лебедева, и многие другие. И если со стороны улицы Влайку Пыркэлаб сегодня уже нет магазинов, то со стороны Штефана чел Маре они остались. Например, известный магазин «Фантазия», где можно приобрести поделки народных мастеров Молдовы.

Во время войны здание пострадало, но именно оно вошло в историю как здание, на котором водрузили знамя победы 24 августа 1944 г., когда был освобожден Кишинев от фашистских захватчиков. К счастью, удалось воссоздать творение Бернардацци в том виде, в котором оно было при сдаче в эксплуатацию в 1902 году.

Постойте подольше у здания мэрии. И вы услышите гимн Кишинева: его мелодию отбивают часы, расположенные на здании примэрии. Эту музыку написал наш известный композитор Евгений Дога. И если бы часы еще и пели, вы бы услышали: «Мой белый город, ты – цветок из камня».